

**САМАРСКИЙ
ПОЛИТЕХ**
Опорный университет

ISSN 2658-7750 (Print)
ISSN 2782-4268 (Online)

<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

ВЕСТНИК

Самарского Государственного
Технического Университета
Серия «Философия»

VESTNIK

of Samara State
Technical University
Series «Philosophy»

Том
Volume **5**

№
No. **4**

2023

ВЕСТНИК Самарского Государственного Технического Университета Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2023
Том 5
№ 4

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного насле-
дия, свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Контакты:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: : vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Распространяется по подписке:
Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» — И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 10,5.
Тираж 500 экз. Цена свободная

Оригинал-макет изготовлен
ООО «Эко-Вектор Ай-Пи»,
191186, Санкт-Петербург,
Аптекарский переулоч, 3А, 1Н

Редактор *С.В. Фокина*
Вып. редактор *Ю.А. Петропольская*
Компьютерная верстка *А.Г. Хуторовской*

Отпечатано в типографии Самарского госу-
дарственного технического университета.
443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244.
Тел.: +7 (846) 339-14-95. Заказ № 535
Подписано в печать 04.12.2023
Дата выхода в свет 20.12.2023

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2023
© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф. (Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Малышев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.О. Исаев, канд. филос. наук, доцент (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев — д-р филос. наук (Уральск, Республика Казахстан)

И.И. Докучаев — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.В. Костецкий — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.И. Кудашов — д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)

А.Ф. Кудряшев — д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)

В.И. Миськевич — канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика
Беларусь)

В.П. Филатов — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Л.М. Фридман — д-р тех. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков — д-р филос. наук, проф. (Главный редактор)
(Самара, Россия)

Е.В. Бакиштова — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

Б.Л. Губман — д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)

И.В. Демин — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.Б. Малышев — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.Ю. Нестеров — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.А. Нехамкин — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Э.А. Тайсина — д-р филос. наук, проф. (Казань Россия)

В.Т. Фаритов — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.А. Хамидов — д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика Казахстан)

М. Чарноцкая — Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)

М.В. Юсупова — Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

М. Накамура — Ph.D. Prof. (Осака, Япония)

М.Р. Дисько-Шуман — канд. филос. наук, доц. (Минск,
Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

2023
Volume 5
No. 4

Series «PHILOSOPHY»

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University

Registered in the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian
Post" service with index И 41340

Publisher

LLC "Eco-Vector IP"
Aptekarskiy lane 3, A,
office 1H, Saint Petersburg,
Russia, 191186
Phone: +7(812)648-83-67

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Ass. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

R.O. Isaev, Ph. D. (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)

I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)

V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)

L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara, Russia)

E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)

I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, prof. (Moscow, Russia)

E.A. Taysina, Dr. of Sciences, prof. (Kazan, Russia)

V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Khamidov, Dr. Sciences, prof. (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)

M.V. Yusupova, Ph. D., (Lancaster, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)

M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

Содержание

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

- О понятии «вымышленная религия» 5
А.А. Зубковская
- Новый вид «государственной лжи» в публицистике Ю.М. Полякова 11
Е.Е. Несмеянов
- Страсти по идентичности и анонимность общества 15
В.П. Козырьков
- Светские и религиозные ценности: их содержание и взаимодействие 21
А.Г. Косиченко
- Практика искусственного интеллекта и проблема свободы личности 27
В.П. Казарян
- Образование и воспитание как феномены европейской культуры: классический, постнеклассический и пост-постнеклассический контексты 33
М.А. Можейко
- Феномен идентичности и проблема Другого в постколониальных исследованиях 39
И.Н. Сидоренко
- Бриколаж и «текущая идентичность» постмодерна 45
Т.В. Лемешова

■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

- Биоэтика vs генетика 50
И.П. Гетманов
- Эволюционный взгляд на предвидение в области искусственного интеллекта 56
О.И. Елхова, А.Ф. Кудряшев
- Методологический арсенал Аристотеля и Канта. Категории 67
Э.А. Тайсина
- Постнеклассическая модификация техноантропологии Э. Каппа 84
А.И. Лойко
- От философии «гармонии мира» к постнеклассической философии музыки в контексте феномена трансдисциплинарности 91
Г.Г. Коломиец
- Культурный и технический прогресс в социогенетической перспективе 97
В.В. Чешев

■ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

- Ценности домостроевской культурной традиции 103
Е.А. Тюгашев

Contents

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

- On the notion «the fictional religion»** 5
A.A. Zubkovskaya
- A new type of state lies in journalism** Y.M. Polyakova 11
E.E. Nesmeyanov
- Passions on identity and the anonymity of society** 15
V.P. Kozyrykov
- Secular and religious values: their content and interaction** 21
A.G. Kosichenko
- The practice of artificial intelligence and the problem of individual liberty** 27
V.P. Kazaryan
- Education and upbringing as phenomena of European culture: classic, post-classical, and post-post-classical contexts** 33
M.A. Mojeiko
- The phenomenon of identity and the problem of the Other in postcolonial studies** 39
I.N. Sidorenko
- Bricolage and the «Fluid Identity» of Postmodernism** 45
T.V. Lemiashova

■ PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

- Bioethik vs Genetik** 50
I.P. Getmanov
- An evolutionary view of foresight in the field of artificial intelligence** 56
O.I. Elkhova, A.F. Kudryashev
- Methodological arsenal of Aristotle and Kant. Categories** 67
E.A. Taysina
- Post-non-classical modification of techno anthropology** E. Kappa 84
A.I. Loiko
- From the philosophy of «harmony of the world» towards the post-non-classical philosophy of music in the context of the phenomenon of transdisciplinarity** 91
G.G. Kolomiets
- Cultural and technical progress in a sociogenetic perspective** 97
V.V. Cheshev

■ ACTUAL PROBLEM OF RUSSIAN PHILOSOPHY

- Values of the Domostroevesky cultural tradition** 103
E.A. Tyugashev

О понятии «вымышленная религия»

А.А. Зубковская

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Россия

Поступила в редакцию: 26.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Зубковская А.А. О понятии «вымышленная религия» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.1>

Аннотация. В работе представлен теоретический анализ понятия *вымышленная религия*, которое применяется в религиозных исследованиях для описания и изучения различных аспектов постсекулярной культуры. В рамках современного постнеклассического типа рациональности конструктивистский подход к осмыслению религии стал довольно популярен. В этой связи предлагается рассмотреть термин вымышленная религия (и смежные с ним понятия *народийная религия*, *изобретенная религия*, *воображаемая религия* и т. д.) как отражающий проблему намеренного создания религиозных движений, что является специфической чертой современной культуры. Основными теоретическими вопросами настоящей работы являются следующие. Можно ли придумать религию? Как разграничить феномены вымышленных религий и традиционных? Какие подходы может применять исследователь для изучения вымышленных религий? Какие религии могут считаться вымышленными, а какие изобретенными? Для объяснения генезиса и природы вымышленных религий предлагается неокантианский подход, основанный на философии символизма Эрнста Кассирера и его ученицы Сюзан Лангер. В перспективе символической философии вымышленные религии рассматриваются как культурные формы. В заключении предлагается типология вымышленных религий, подходы к определению их природы как гиперреальности в постмодернистской терминологии или культурной формы с точки зрения неокантианского подхода, а также представлен взгляд на структуру вымышленных религий.

Ключевые слова: вымышленная религия; постсекулярность; культура; неокантианство; постмодернизм.

On the notion «the fictional religion»

A.A. Zubkovskaya

Institute for Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia

Original article submitted: 26.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Zubkovskaya A.A. On the notion «the fictional religion». *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.1>

Abstract. The paper presents a theoretical analysis of the notion of the fictional religion, which is used in religious studies to describe and study various aspects of post-secular culture.

Within the framework of the modern post-non-classical type of rationality, the constructivist approach to understanding religion has become quite popular. In this regard, it is proposed to consider the term fictional religion (and related concepts, such as parody religion, invented religion, imaginary religion, etc.) as reflections of the problem of intentional creation of religious movements, which is a specific feature of modern culture. The main theoretical issues of this paper are the following. Is it possible to invent a religion? How to distinguish the phenomena of fictional religions and traditional religions? What approaches can a researcher use to study fictional religions? Which religions can be considered fictional, and which are invented? To explain the genesis and the nature of fictional religions, a neo-Kantian approach is proposed, based on the philosophy of symbolism of Ernst Cassirer and his disciple Susan Langer. In the perspective of symbolic philosophy, fictional religions are considered as cultural forms. In conclusion, a typology of fictional religions is proposed, approaches to defining its nature as hyperreality in postmodern terminology or cultural form from the point of view of the neo-Kantian approach, as well as a look at the structure of fictional religions.

Keywords: fictional religion; postsecularity; culture; neocantianism; postmodernism.

Понятие *вымышленная религия* (fictional religion, а также смежные с ним термины, типа parody religion, imaginery religion, invented religion, hypothetical religion) можно определить как продукт воображения, намеренное конструирование новых религиозных движений, что является специфической чертой постсекулярной культуры, начиная с XIX века вплоть до современности [8, с. 1]. Исследовательница религии и автор понятия *изобретенная религия* Кэрол М. Кьюзак отмечает: «Понятие *изобретенные религии* является глубоко провокативным, так как оно противоречит традиционному пониманию религии как феномену, укорененному в божественном откровении <...> или древнем прошлом» [8, с. 1]. Тем не менее это понятие широко применяется в религиоведении и определяет современный религиозный ландшафт в контексте теорий секуляризации, постсекулярной культуры и общества потребления.

Рассмотрим, какие религии имеют статус вымышленных или изобретенных. Во-первых, как отмечает сама Кэрол Кьюзак, первой изобретенной религией стоит считать викканство [8]. Исследовательница Тая Лурманн тоже считает, что Джеральд Гарднер, основатель религии викка, был *изобретателем* (inventor) современного колдовства [10, с. 3]. Практически все неоязыческие культы и реконструированные религиозные движения считаются изобретенными [11].

Интересно, что к искусственным религиям такого типа многие исследователи относят синтоизм в современной Японии, как национально-идеологический продукт реставрации Мэйдзи, разграничивший буддизм и синто (Симбуцу-бунри 神仏分離), которые существовали до этого как синкретическое движение (Симбуцу-сю:го 神仏習合) [11, с. 136]. Развивая эту логику, вероятно, к изобретенным религиям можно причислить практически все идеологические движения, обладающие чертами религиозности (например, советский атеизм [4, 5]).

Отметим, что, наверное, самой известной изобретенной религией является пастафарианство или Церковь летающего макаронного монстра [3]. Ее появление было связано с протестом американского физика Бобби Хендерсона против изучения в школах теории разумного замысла. В рамках своей критики он спародировал эту теорию, заявив, будто он убежден в том, что Вселенная

была создана летающим макаронным монстром, после чего эта история получила распространение и стали появляться «религиозные атрибуты»: Евангелие летающего макаронного монстра, «заповеди», обряд венчания и т. д.

Сегодня существует довольно много изобретенных религий пародийного типа: дискордианство, Миссионерская церковь копимизма, в рамках которой есть Русская пиратская церковь (РПЦ), Церковь Недомудреца, Церковь эвтанизии и др. Стоит отметить, что основной функцией пародийных религий можно считать их социально-критические действия. Они часто направлены на защиту и продвижение какой-нибудь социальной или эпистемологической ценности, а также заставляют традиционные религии переосмыслить свой статус в современной культуре. Изобретенные религии пародийного типа стоит определять как продукты контркультуры и постмодернизма. В религиозной литературе они могут фигурировать в терминах *квазирелигии* (и смежных понятий, например *парарелигии*, *секуляризованной религии* и т. д.).

Во-вторых, понятие *вымышленная религия* применяется для описания религий, которые фигурируют в рамках литературных или кинематографических вымышленных миров. Один из самых известных примеров — джедаизм из киновселенной «Звездные войны» Джорджа Лукаса. Также довольно любопытной является иллюстрация религии в антиутопии Маргарет Этвуд «Рассказ служанки», где предложена своеобразная интерпретация христианства [6]. Интересно, что боконизм — вымышленную религию в книге Курта Воннегута «Колыбель для кошки» — часто причисляют к пародийным, поскольку в ее основании лежит абсурдное утверждение, что все ее учения суть ложны.

Для того, чтобы разделить реально существующие изобретенные религиозные движения от тех, которые стали продуктом литературно-художественного вымысла, исследовательницы Вероника Хорина и Ольга Михельсон предлагают пользоваться двумя разными терминами [6, с. 94]. *Изобретенная религия* Кэрол Кьюзак — это характеристика реально существующих религиозных движений, в основе которых чаще всего лежит манифест об обновлении старой традиционной религии. Так, например, викканство может трактоваться как изобретенная религия, несмотря на то, что основатель этого движения Джеральд Гарднер не считал себя, собственно, ее изобретателем, а полагал, что реконструирует древнюю дохристианскую религию.

Вероятно, в это поле может попадать, например, мормонизм. Джозеф Смит также считал, что восстанавливает «истинную религию», в то время как Церковь Иисуса Христа святых последних дней была создана, а не реформирована. Как мы уже указывали выше, к изобретенным религиям также относят современные формы неоязыческих и других реконструированных движений типа друидизма, кельтских мистерий, исландского культа Асатру и т. д. [11]. К изобретенным религиям можно отнести и пародийные квазирелигиозные организации и практики.

Термин *вымышленные религии* предлагается использовать для обозначения второго типа религий, являющихся продуктом литературно-художественного вымысла, например джедаизм или *матрицизм* (matrixism, выражение Кьюзак), основанный на сюжете кинофраншизы «Матрица» сестер Вачовски. Стоит отметить, что некоторые вымышленные религии становятся реальными духовными практиками. Так, например, известно, что согласно переписи населения,

проведенной в нулевых годах XXI века, было выявлено довольно большое количество жителей Британии, Австралии и Новой Зеландии, идентифицирующих свою религиозную аффилиацию принадлежностью к джедаизму. В дальнейшем джедаизм был оформлен юридически Британским министерством юстиции как официальное религиозное движение.

Концептуализация понятия *вымышленные религии* (fictional-based, fictional religions) принадлежит религиоведу Маркусу Дэвидсену. Он соотносит этот термин с концепцией гиперреальности Жана Бодрийяра, имея в виду, что природа литературно-художественного нарратива является симуляцией действительности, так что вымышленный религиозный нарратив, в сущности, оказывается гиперреальной религией.

Адам Поссамай и Маркус Дэвидсен определяют гиперреальную религию как «симулякр религии, созданный на основе потребительской массовой культуры или в симбиозе с ней, который вдохновляет на метафорическом уровне и/или является источником убеждений для повседневной жизни» [9, с. 381]. Здесь очень важно отметить, что в определенном отношении изобретение гиперреальной религии можно назвать естественной семиотической деятельностью человеческого разума. Мы не беремся размышлять, в каком смысле существуют вымышленные объекты. Тем не менее вопрос о реальности религиозного или хотя бы символического опыта, связанного с вымышленными религиями, имеет особую актуальность в контексте исследований постнеклассической рациональной культуры, где границы знания настолько гибки, что нет четких ориентиров, как разделять естественные формы реальности и ментальные фикции.

Онтологический статус изобретенных или вымышленных религий можно описать в терминах *культурной* или *символической формы*, которые были выкроены в символической философии Эрнста Кассирера. Основными культурными формами, по Кассиреру, являются искусство, наука, язык и миф [1]. Последний представляет собой такое пространство мышления, которое способно конструировать символический универсум, связанный с понятиями «высшего бытия» [7]. Более того, как пишет Сюзан Лангер, создание такого символического пространства — это одна из фундаментальных потребностей человека, «символотворческая функция — одна из первичных в человеческой деятельности подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению» [2, с. 41].

Говоря о вымышленных религиях, стоит отметить, что, на мой взгляд, в рамках сфабрикованных религиозных нарративов миф является ядром для создания комплексной религиозной системы. Мифология вымышленных религий, с одной стороны, укоренена в массовой популярной культуре, с другой стороны, сама ее создает, поскольку имеет сильную семиотическую и семантическую нагрузку. Этот двунаправленный процесс можно видеть на примере джедаизма, который, с одной стороны, является продуктом популярной культуры, с другой стороны — фактором ее развития, когда вымышленная религия начинает выполнять социальные и эпистемологические функции. Таким образом, вымышленная религия может осмысляться не просто как фикция или постмодернистская насмешка, а как реальность или как ее часть. Кассирер пишет: «Мифология в собственном смысле возникает благодаря тому, что независимо от всякого вымысла, более того, формально и по сути ему

противоположно» [1, с. 18]. Иными словами, в мифологическом сознании практически отсутствует грань между реальностью и вымыслом.

Итак, можно сказать, что чем глубже мы погружаемся в исследование феномена вымышленных религий, тем больше мы постигаем их невымышленную, а естественную природу, которая укоренена в религиозном воображении или, в терминах Кассирера, мифологическом сознании, действующем как основание для всякого реального опыта.

Подводя итоги исследования, можно заключить следующее:

Во-первых, спектр феноменов, которые описываются понятием *вымышленная религия*, может быть очень широк: от кино- и литературно-художественных нарративов до национально-идеологических кампаний. Изобретенными религиями принято считать реально существующие религиозные движения, которые могут быть:

- а) государственными идеологиями или религиозными течениями, созданными в рамках государственной политики;
- б) версиями реконструированных религиозных верований;
- в) пародийными квазирелигиями, выполняющими социально-эпистемологические функции. Также понятие *вымышленной религии* отсылает к религиозным формам, созданным на основе художественного вымысла в рамках литературных и кинематографических произведений.

Во-вторых, понятие *вымышленная религия* коррелирует с постмодернистской концепцией гиперреальности. *Гиперреальная религия* определяется как мифологический симулякр, укорененный в массовой популярной культуре и выполняющий функцию продукта метафорического потребления. С другой стороны, вымышленная религия может пониматься как *культурная* или *символическая форма* в терминах неокантианской философии.

В-третьих, вымышленная религия имеет в основании своей структуры миф как смысловое ядро, которое выполняет социально-эпистемологические функции. Мифология вымышленной религии является не просто продуктом воображения, а укоренена в мифологическом мышлении человека и связана с воспроизводством символов — первичной потребности человека.

Список литературы

1. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 288 с.
2. Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. Москва: Республика, 2000. 287 с.
3. Михельсон О.К., Поляков Н.С. Пастафариянство как вымышленная религия // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 5–1. С. 289–296.
4. Рыклин М. Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция. Москва: НЛО, 2009. 136 с.
5. Смолкин В. Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. Москва: НЛО, 2021. 552 с.
6. Хорина В.В., Михельсон О.К. «Да разверзнет Господь!». Вымышленная религия в антиутопии М. Этвуд «Рассказ служанки» и постсекулярная религиозность // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12(104). С. 93–99. DOI: 10.24158/fik.2022.12.15
7. Campbell H.M. The Philosophy of Ernst Cassirer and fictional religion // The Thomist: a speculative review. 1969. Vol. 33. No. 4. P. 737–754.

8. Cusack C.M. *Invented religions. Imagination, fiction and faith.* Ashgate Publishing, 2010. 179 p.
9. Davidsen M.A. Fiction-based religion: conceptualizing a new category against history-based religion and fandom // *Culture and religion: an interdisciplinary journal.* 2013. Vol. 14. No. 4. P. 378–395. DOI: 10.1080/14755610.2013.838798
10. Luhrmann T.M. *Persuasions of the witch's craft.* Cambridge; MA: Harvard University Press, 1991. 382 p.
11. York M. Invented culture/invented religion: the fictional origins of contemporary paganism // *Nova religio.* 1999. Vol. 3. No. 1. P. 135–146.

References

1. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form.* Vol. 2. *Mifologicheskoe myshlenie.* Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. (In Russ.)
2. Langer S. *Filosofiya v novom klyuche. Issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva.* Moscow: Respublika; 2000. (In Russ.)
3. Mikhel'son OK, Polyakov NS. Pastafarianstvo kak vymyshlennaya religiya. *Kul'tura i tsivilizatsiya.* 2022;12(5–1):289–296. (In Russ.)
4. Ryklin M. *Kommunizm kak religiya. Intellektualy i Oktyabr'skaya revolyutsiya.* Moscow: NLO; 2009. (In Russ.)
5. Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet. Istoriya sovetskogo ateizma.* Moscow: NLO; 2021. (In Russ.)
6. Khorina VV, Mikhelson OK. «May the Lord Unfold!». Fictional religion in M. Atwood's dystopia «The handmaid's tale» and post-secular religiosity. *Society: Philosophy, History, Culture.* 2002;12(104):93–99. DOI: 10.24158/fik.2022.12.15
7. Campbell HM. The Philosophy of Ernst Cassirer and fictional religion. *The Thomist: a speculative review.* 1969;33(4):737–754.
8. Cusack CM. *Invented religions. Imagination, fiction and faith.* Ashgate Publishing; 2010.
9. Davidsen MA. Fiction-based religion: conceptualizing a new category against history-based religion and fandom. *Culture and religion: an interdisciplinary journal.* 2013;14(4):378–395. DOI: 10.1080/14755610.2013.838798
10. Luhrmann TM. *Persuasions of the witch's craft.* Cambridge; MA: Harvard University Press; 1991.
11. York M. Invented culture/invented religion: the fictional origins of contemporary paganism. *Nova religio.* 1999;3(1):135–146.

Информация об авторе

Анастасия Александровна Зубковская — кандидат философских наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 7288-6654. **E-mail:** zubkovskaya@inion.ru

Information about the author

Anastasia A. Zubkovskaya — Candidate of Philosophical Sciences, Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 7288-6654. **E-mail:** zubkovskaya@inion.ru

Новый вид «государственной лжи» в публицистике Ю.М. Полякова

Е.Е. Несмеянов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Поступила в редакцию: 04.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Несмеянов Е.Е. Новый вид «государственной лжи» в публицистике Ю.М. Полякова // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 11–14. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.2>

Аннотация. Работа посвящена творчеству выдающегося русского писателя современности — Ю.М. Полякова, раскрывшего в своей публицистике новый феномен в политической жизни России, возникший в конце XX века, — «тотальную государственную ложь». Показаны особенности современной русофобии и антисоветизма, претендующие на роль государственной идеологии, дана аргументированная критика содержания явления «тотальной иронии».

Ключевые слова: стиль политического мышления; тотальная ирония; феноменалистический стиль мышления; государственная ложь.

A new type of state lies in journalism Y.M. Polyakova

E.E. Nesmeyanov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Original article submitted: 04.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Nesmeyanov E.E. A new type of state lies in journalism Y.M. Polyakova. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):11–14. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.2>

Abstract. The work is devoted to the work of the outstanding Russian writer of our time — Yu.M. Polyakov, who revealed in his journalism a new phenomenon of political life in Russia in the 20th century “total state lie”. The main directions of Russophobia and anti-sovietism, which claim to be the state ideology, are shown. A reasoned criticism of “total icony” is given.

Keywords: style of political thinking; total irony; phenomenal style of thinking; «state lies».

Публицистика Юрия Михайловича Полякова представляет научный интерес новым подходом к пониманию сущности духовных и социально-политических проблем современного российского общества. Статьи писателя выполнены в «афористично-ироническом» стиле [5, с. 4], содержат критику русофобства и родственно связанного с ним антисоветизма, как центрального элемента мировоззрения значительной части отечественной интеллигенции и чиновничества. Художественное своеобразие авторского изложения темы и саркастично-сатирическая форма аргументации привлекают читателя. Интерес для специалистов в области философии политики представляет понятийный аппарат и методология исследования анализируемых явлений.

Ю.М. Поляков владеет определенным стилем рационального политического мышления, хотя считает свои статьи не научными произведениями, а «проникнутые эмоциями социального гнева, ярости, оскорбленной нравственности, мимолётные обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц» [5, с. 8]. Образные афористические определения, используемые Поляковым, достаточно точно отражают сущность критики русофобства: «родиноедство», «отчизнофобия», «русофыркание», «державопоносительство», «духовное саморазрушение», «русохульство». Вместе с тем, кроме эмоций, публицистика писателя содержит глубокую рациональную аргументацию, основанную на знании трудов русских мыслителей, верующих отечественных и западных философов, культурологов и социологов XIX — начала XXI веков, знании трудов политических и государственных деятелей, создавших советское государство. В целом, «стиль политического мышления» Полякова выходит за рамки художественно-образного, эмоционально-оценочного мышления.

Вкладом Полякова в понимание особенностей отечественной политической мысли современности является выделение и описание новой формы политической лжи, возникшей в конце XX века. «Если выделить тенденцию, то люди прекратили лгать ради “государственных устоев”, взапуски начав врать в корыстных интересах, ради преуспевания клана, команды, политической партии, родного этноса... собственно, ложь стала первой и пока единственной государственной собственностью» [5, с. 31–32].

Писатель вводит новый термин — «тотальная ирония» для характеристики современной политической жизни в России. Наряду с обычным «лукавством», «профессиональной неискренностью» в политике возникает «тотально-ироничная» государственная ложь. Эта ложь — «полуправда, полужитата, полухмылка, полуинформация, черный юмор, цитатное пересмешничество, пародия». В конечном счете происходит заморачивание людей в целях духовного саморазрушения страны [5, с. 423]. «Тотальная ирония» Полякова есть новая разновидность политической лжи, исключительно в корыстных интересах различных социальных групп и отдельных личностей. Произошло «превращение иронии в госидеологию, точнее в идеологию правящей политической партии... в форму борьбы с инакомыслием» [5, с. 394]. Такое новое явление политической жизни писатель называет стратегическим «враньем».

В отличие от «тактического вранья» в политике, присущего реальной дипломатической практике, которое «возможно и даже неизбежно... стратегическое вранье — это путь в пропасть» [6, с. 158]. Поляков различает «тотальную иронию» и иронию Сократа, которую можно назвать «классической». Метод сократической иронии применяется для саркастичной оценки идей софистов о сущности социокультурных явлений тогдашней действительности и как прием, используемый в споре Сократа с его оппонентами. Сократ применяет метод иронии как допустимый прием для достижения блага и свободы государства и гражданского общества Афин. В конечном счете, ирония Сократа была направлена на достижение истины. Однако уже со времени жизни Сократа идея освоения истин космоса, включая общечеловеческие ценности, вызывала аргументированное неприятие. Истина, свобода, справедливость и другие ценности человечества не могут быть обоснованы путем обмана в форме иронии. Аристофан в комедии «Облака», критикуя методы Сократа, определяет иронию

как форму лжи: «Ироник — это лгун» [2, с. 443–451]. Иронию формой обмана считает и Аристотель в «Никомаховой этике» [1] (IV 1127a 2'2). М.Т. Цицерон жестко, с римской прямоотой, определяет Сократа как «двуличие» и способ притворства... что зовется у греков иронией» [7] (Лукулл 5.15).

Даже Гегель, восхищавшийся благородными помыслами Сократа, заметил, что «ирония Сократа (со стороны) представляет собой нечто неправдивое» [3, с. 45]. Но «неправдивое» — синоним лжи и обмана, неважно с какой стороны. Возможно, учитывая такое мнение классиков, Поляков вводит термин «тактического вранья», вместо «тактической лжи», схватывая определенное различие понятий «вранье» и «ложь». В публицистике писателя есть статьи, проникнутые «классической иронией». Наиболее удачная из таких работ — «Человек перед урной». В этом эссе содержится «двадцать один совет другу — избирателю» при выборах в Государственную думу. «Советы» проникнуты саркастической иронией в сократовском стиле и содержат пожелание автора относиться к публикуемым рейтингам кандидатов в депутаты, как соотносящимся с действительностью так же, «как членораздельная надпись на сарае к его реальному содержимому». Здесь следует отметить определенную рецепцию Полякова на публицистику Ф.М. Достоевского, давшего глубокое описание феномена «русского вранья». «Прочтешь порой какое-нибудь место из “Дневника писателя”, послушаешь очередного вольнонаемного охмурялу и ахнешь: ну Федор Михайлович, ну пророчище» [5, с. 5]. И действительно, в художественных произведениях и публицистике Ф.М. Достоевского содержится концепция «русского вранья». Кратко, особенности феномена «русского вранья» перечислены в работе «Нечто о вранье» [4, с. 119]. Они следующие:

1. «Боишься истины, считаем ее не интересной, “не поэтичной”, “скучной” и “прозаичной”. Ложь для нас понятнее истины. Истина стала одной из самых необыкновенных и редких вещей в нашем русском мире» [4, с. 120].

2. Стыдимся своей культуры, «собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо... дрянной стыдишка и все это подлое самоотрицание себя в большинстве случаев бессознательны: это нечто конвульсивное и непреодолимое... свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя — и результаты вышли самые подлые» [4, с. 120]. В русском вранье Достоевский отмечает еще особенность, называя ее «феноменом... существующим только в русской интеллигентных классов душе». Это — «дерзость ученого языка». Русский врун способен говорить на любые научные темы, абсолютно ничего не понимая в поставленных проблемах. При этом вруну не стыдно, не совестно. «Вот эта известного рода бессовестность русского интеллигентного человека — решительный для меня феномен... равнодушие к суду над собой своей собственной совести» [4, с. 124]. Положительное качество русского вранья у Достоевского одно — «бескорыстность вруна».

Характеристики «русского вранья» у Достоевского и Полякова в ряде моментов совпадают. Русское вранье вызывает ненависть к России. «После “исторических хроник” какого-нибудь Николая Сванидзе хотелось выбежать на балкон и заорать: “Как радостно отчизну ненавидеть и сладко ждать ее уничтоженья”» [6, с. 67]. «Я хорошо помню тот антирусский пафос 1990-х, гнусно сочившийся из каждой информационной щели [5, с. 67].

Русские — “либералы-антигосударственники” продолжают работу по внушению нашей молодежи исторического комплекса неполноценности... для них тот, кто не боролся с собственным государством не заслуживает памяти...» [6, с. 10–11]. Более того — «... принципиально считают российскую цивилизацию низшей по сравнению с Западом и убеждены, что она для своего же блага должна исчезнуть, как самодостаточное культурно-историческое целое, став подчиненной частью западного мира» [6, с. 383].

Подводя итоги, следует отметить, что Ю.М. Полякову удалось раскрыть новый феномен политической жизни России — «тотальную государственную политическую ложь», ставшую государственной идеологией в России 90-х гг. Присущий Полякову «феноменалистический» стиль политического мышления заслуживает отдельного изучения в разделе «методы политической философии», как содержательная модификация феноменалистического стиля политического мышления современной эпохи.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель: сочинения в 4-х тт. Т. 4. / под ред. А.И. Доватура. Москва: Мысль, 1983. С. 53–293.
2. Аристофан. Облака // Аристофан. Избранные комедии. Москва: Художественная литература, 1974. С. 109–194.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 423 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878. Ленинград: Наука, 1981.
5. Поляков Ю.М. Лезгинка на лобном месте. Москва: АСТ, 2014. 605 с.
6. Поляков Ю.М. Быть русским в России. Москва: Аргументы недели, 2020. 496 с.
7. Цицерон Марк Туллий. Учение академиков. Москва, 1983.

References

1. Aristotel'. Nikomakhova etika. In: Aristotel'. Sochineniya. Vol. 4. Ed. by A.I. Dovatur. Moscow: Mysl'; 1983. P. 53–293. (In Russ.)
2. Aristofan. Oblaka. In: Aristofan. Izbrannye komedii. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1974. P. 109–194. (In Russ.)
3. Gegeľ G.V.F. Lektsii po istorii filosofii. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka; 1994. (In Russ.)
4. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 21. Dnevnik pisatelya, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878. Leningrad: Nauka; 1981. (In Russ.)
5. Polyakov YuM. Lezginka na lobnom meste. Moscow: AST; 2014. (In Russ.)
6. Polyakov YuM. Byt' russkim v Rossii. Moscow: Argumenty nedeli; 2020. (In Russ.)
7. Tsitseron Mark Tullii. Uchenie akademikov. Moscow; 1983. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Ефимович Несмеянов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и мировые религии» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Россия; eLibrary SPIN: 1942-6739. **E-mail:** nesmeyanoff.e@yandex.ru

Information about the author

Evgeny E. Nesmeyanov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and World Religions, «Don State Technical University», Rostov-on-Don, Russia; eLibrary SPIN: 1942-6739. **E-mail:** nesmeyanoff.e@yandex.ru

Страсти по идентичности и анонимность общества

В.П. Козырьков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Козырьков В.П. Страсти по идентичности и анонимность общества // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.3>

Аннотация. В статье обосновывается идея, что реальный социальный процесс не сводится к набору идентичностей. Он имеет диалектический характер, в то время как в социальной науке он освоен через отрицание диалектики. Это привело к формированию общества анонимного характера и к такой культуре и социальной науке, которые воспроизводят эту анонимность.

Ключевые слова: понятие; термин; идентичность; анонимность; социология; противоречия; диалектика.

Passions on identity and the anonymity of society

V.P. Kozyrykov

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Kozyrykov V.P. Passions on identity and the anonymity of society. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):15–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.3>

Abstract. The article substantiates the idea that the real social process is not reducible to a set of identities. It has a dialectical character, while in social science it is mastered through the negation of dialectics. This has led to an anonymous society and to a culture and social science that reproduces this anonymity.

Keywords: term; identity; anonymity; sociology; contradictions; dialectics.

С 90-х годов в российской социальной науке появилось понятие идентичности и стало предметом долгой дискуссии. В нем увидели очень простое и понятное выражение соответствия между личностью и социальной структурой. Как обобщенно заявил один автор, «идентичность манифестирует все основные символы включенности индивида в сообщество» [1, с. 37]. Примем это определение за основу и попробуем выяснить природу идентичности.

Прошло 30 лет. Казалось бы, дискуссия завершилась, так как термин «идентичность» получил широкое распространение. Поисковая система Google показывает более 5 млн упоминаний. Электронные каталоги Elibrary и Академия Google демонстрируют поразительное многообразие видов социальной идентичности, которые выделяют авторы статей и монографий. Вот ряд из них:

культурная и цивилизационная, этническая и национальная, профессиональная и гражданская, российская и региональная, европейская и русская, локальная и глобальная, территориальная и московская, личностная и коллективная, сетевая и реальная, религиозная и толерантная, гендерная и материнская, геополитическая и локальная, городская и сельская, экономическая и политическая, субъектная и объектная, индивидуальная и корпоративная, мемориальная и актуальная, экзистенциальная и брендовая, советская и русская и др. виды идентичности.

Непритязательный взгляд на это перечисление общественных явлений, в которых фиксируется проблема с идентичностью, позволяет сделать четыре вывода. Во-первых, такое многообразие идентичности возможно благодаря тому, что социальное отношение упрощается до простого тождества, приобретая формальный характер, не выражающий специфики социальной реальности, ее развития. Во-вторых, в самом этом многообразии каждая идентичность «находит» себе противоположность, следовательно, идентичность расколота, поэтому напрашивается вывод о существовании проблемы с идентичностью общества в целом: мы не узнаем общества, в котором живем. В-третьих, наличие многообразия проблем с идентичностью и кризиса идентичности общества в целом говорит о том, что идентичность есть не символ, а некий ярлык, который мы по необходимости присваиваем обществу и его элементам конъюнктурно, чтобы узнать и признать кого-то как своих, а других — отнести к чужакам. Наконец, в-четвертых, если мы не знаем адекватной идентичности, не можем назвать и узнавать общество по существенному индикатору, а он существует объективно, то, следовательно, мы живем в анонимном обществе. Не случайно идет его постоянное переименование. Сейчас нравится называть его цифровым.

Р. Барт прямо связывал эффект анонимности с современным капиталистическим обществом. «Анонимность буржуазии, — утверждал он, — еще более усугубляется, когда мы переходим от собственно буржуазной культуры к ее производным, вульгаризированным формам, используемым в своего рода публичной философии, которая питает обыденную мораль, церемониалы, светские ритуалы, одним словом, неписанные нормы общежития в буржуазном обществе» [2, с. 107].

Разумеется, общество стало анонимным не только через экстраполяцию понятия идентичности, но и других понятий: социальной мобильности, социального статуса, социальных изменений, толерантности и др. Но понятия, использование которых представлялось новым шагом в социальной науке, в действительности лишь идентифицируют устоявшиеся капиталистические общественные отношения, которые воспроизводятся социальными институтами. Следовательно, анонимность имеет объективные истоки.

Понятия были заимствованы из социальной науки западных стран, по образу и подобию которых стали трансформировать постсоветское общество. Беда только в том, что эти страны не были социалистическими, а советское общество было, поэтому новые понятия не отражают существа постсоветского российского общества и тем более процессы его трансформации в общество капиталистическое. Заимствованные понятия не являются идентичными для нашего общества, так как предназначены для стабильного общества,

а российское общество находится в стадии резкого разворота, окончательные результаты которого еще не получены. В западной социальной науке капиталистическое общество считается естественным и вечным организмом, концом истории, а российское общество еще даже не определилось со своей стратегической целью, несмотря на все попытки это сделать. Это прямо подтверждается реальным историческим процессом и косвенно характером развития социальной науки, которая оценивается как находящаяся в кризисе [3–4].

В западных странах постоянно появляются новые теории, за которыми отечественные исследователи по инерции стремятся следовать как за самыми передовыми. Но для западных стран поток новых теорий важен для более детального исследования социальных структур с прикладными целями, а для российской социальной науки важно понять, почему произошел резкий поворот, и в каком направлении нам развиваться. Следовательно, у нас разная когнитивная идентичность, поэтому и социальные науки должны иметь иные функции.

Поэтому терминологические страсти 90-х, вызванные резкой сменой общественного строя, идеологических ориентиров и периодом романтического увлечения западной социологией, сейчас не улеглись. Но дело не в терминах, а в необходимости новой социальной теории и в развитии понятий. Мы просто привыкли к понятию «идентичности», сделав его даже модой. Например, вместо понятия «личность» стали говорить «идентичность», вместо «самосознание» — «идентификация», «профессионал» — «профессиональная идентичность» и т. д.

Хотя толкование категории идентичности меняется в соответствии с требованием очередной новой парадигмы. Это очень удобно, так как позволяет снять ответственность с социальной теории за то, что она не объяснила обществу определенных социальных проблем и не нашла способа их практического решения. Но тем самым вся социальная наука превращается лишь в набор оригинальных описаний социальной реальности в соответствии с выбранной парадигмой. То есть становится своеобразной «коллективной социальной феноменологией», не претендующей на открытие объективных закономерностей. Видимо, по этой причине позитивистская социология, которая еще доминирует в эмпирических и прикладных исследованиях, всячески отрещивается от феноменологии как от своей противоположности, но в действительности есть ее зеркальное отражение. А феноменология переходит к описанию художественной реальности [5] вместо повседневности. Но они противоположны только по своим истокам: феноменология изначально исходит из того, что социальная наука может лишь описывать реальность, а позитивизм приходит к этому описанию в итоге.

Правда, непонятно, каким образом может быть успешным процесс идентификации, если мы устрояемся от фиксации объективно происходящих противоречивых социальных явлений, которые являются причиной кризиса идентичности. Например, либерально-демократическая революция 1989–1993 гг. так и не получила социологического объяснения, так как не раскрыты социальные противоречия, которые ее вызвали, и не названы движущие силы. Социальные классы сейчас упоминаются только с прилагательным «средний» и рассматриваются как идентификатор стабильности западного общества,

а не как активный социальный субъект. В качестве субъекта идентификации чаще всего видится только отдельная личность, которая свободна в выборе идентификатора и средств идентификации. Проблема различных субъектов социальной идентификации и противоречий этого процесса часто вообще не ставится. Поэтому социальная наука опять не дает нам возможности узнать свое общество, но зато появляется множество идентификаторов. Как только постсоветское общество не называют: олигархическое, сословное, дикий капитализм, транзитивное, смешанное, потребления и т. д.

Таким образом, в результате идеологического умолчания старых тем, утверждения терминологического новояза и отвержения классических понятий мы оказались в обществе, которое в западной литературе уже давно получило название анонимного, в котором, говоря словами Р. Барта, выражена «анонимность мира, его неразличенность, его сугубая усеченность» [6, с. 160]. Таким неразличенным и усеченным в общественном сознании общество было и в советское время, так как существовала мощная идеологическая призма, которая все социальные реалии преломляла в сознании под определенным углом и в определенном направлении.

Но это не значит, что противоречия социализма не изучались. В 80-е годы было даже модно говорить, что мы не знаем общества, в котором живем. Началось его активное изучение. Но все это изучение закончилось социальной катастрофой: открывшиеся противоречия советского общества были взяты не для их разрешения, а как источник его разрушения. Был поставлен диагноз, что больной безнадежно болен, лечению не подлежит, поэтому необходимо... его преобразовать в другой социальный организм. И сделать это силовым способом, через разрушительную «шоковую терапию», которая даже в медицине давно используется очень редко [7]. Представляется, что такой метод по отношению к обществу в целом стал возможным лишь потому, что для авторов радикальной реформы общество было чужим, анонимным.

Возникшее в результате социальной терапии общество люди тоже не хотят признавать своим. Новые социальные противоречия не поддаются рациональному осмыслению и практическому разрешению. А СМИ, непрерывно фиксируя общественное внимание на острых проблемах, держат его в напряжении, а не в размышлении. В итоге постсоветское общество тоже остается анонимным.

Вполне понятно, что в условиях тотальной анонимности процесс социальной идентификации не может протекать без противоречий и утрат. А ведь в советском обществе мы сталкивались с вульгаризированными формами культуры, о которых говорил Р. Барт, но считали, что они изживут себя. Однако они не изжились, а развились и стали господствующими. Главная функция вульгарных форм культуры и состоит в сокрытии внутренних социальных противоречий и закономерностей современного общества. «Неписаными нормами общежития», говоря словами Р. Барта, являются не столько бросающиеся в глаза легитимные и моральные нормы, сколько тщательно скрываемые и незаконные. Они сейчас настолько свободно циркулируют в общественном сознании, что создаваемый для их выражения новояз без труда вытесняет традиционные термины и понятия (самосознание, общественное самосознание, класс и др.), а вместе с ними и отсекает тот смысловой мир, который духовно питал все дальше уходящий от нас двадцатый век. Например, еще в 90-х

было возможно появление книги с «архаичным» названием «самосознание» [8]. К концу 90-х работы по данной тематике стали выходить с другой терминологией, в которой фигурирует термин «идентичность» [9–11].

Таким образом, понятие «идентичности» имеет общенаучный характер, то есть используется не только в социальных, но и в естественных и технических науках. Следовательно, он выражает такой смысл, который имеет низкую планку онтологических требований и лишь условно, в качестве символа или метафоры, может быть использован в познании общества и культуры. Например, напрямую он может с успехом использоваться при опознании преступника или любого человека по формальным или биологическим признакам. Но в социальном познании его можно использовать лишь как элемент в структуре социального противоречия. Таким образом, с помощью этого понятия можно достигнуть универсального онтологизма, который позволяет человеку чувствовать себя «уродненным» со всем миром и с каждой его былинкой. Распространяли же разум человека на весь мир («Нус» Аристотеля), а позже человека называли «мыслящим тростником» (Б. Паскаль). Но на такой онтологии социальной теории не построишь. Из этого логически вытекает, что оно не выражает специфики общества и его структур, так как не раскрывает их противоречий и процесса развития. В результате общество остается анонимным.

Социальную науку в анонимном обществе можно было бы назвать постсоциальной. В том смысле, что она игнорирует специфику социальной реальности как противоречивой. Кому-то больше по душе называть ее постклассической, так как классическая наука дает знания, идентичные социальной реальности в ее противоречивости. Понятие «идентичности» противоречие выражает лишь с одной стороны, устойчивой. А если не выражает, то мы не можем утверждать, что она «манifestирует все основные символы включенности индивида в сообщество».

Список литературы

1. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 37–48.
2. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика / под ред. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 72–130.
3. Кемеров В.Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 89–98.
4. Зеленцова М.Г. Кризис социально-гуманитарных наук как философская проблема // Вестник Гуманитарного института. 2020. № 1. С. 5–10. DOI: 10.6060/ВНИISUCT2020_5
5. Natanson M. *The erotic bird: phenomenology in literature*. Princeton University Press, 1998.
6. Барт Р. Из книги «О Расине» // Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика. Поэтика / под ред. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 142–232.
7. MedAboutMe [Internet]. Подакина В.В. Темное прошлое и светлое настоящее шоковой терапии. [дата обращения 26.07.2023]. Доступ по ссылке: https://medaboutme.ru/articles/temnoe_proshloe_i_svetloe_nastoyashchee_shokovoy_terapii/
8. Самосознание европейской культуры XX века. Москва: Политиздат, 1991. 366 с.
9. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: сборник статей / под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. Москва: Московский центр Карнеги, 1997. 488 с.
10. Проблемы культурной идентичности: материалы международного теоретического семинара / под ред. Т.М. Шатуновой. Казань: Экоцентр, 1998. 100 с.
11. Этнос. Идентичность. Образование / под ред. В.С. Собкина. Москва: Российская академия образования, 1998. 268 с.

References

1. Kozin NG. Identifikatsiya. Istoriya. Chelovek. *Voprosy filosofii*. 2011;(1):37–48. (In Russ.)
2. Bart R. Mif segodnya. In: Bart R. Izbrannye raboty: cemiotika: poetika. Ed. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress; 1989. P. 72–130. (In Russ.)
3. Kemerov VE. Krizis, kotoryi vseгда s toboi. *Voprosy filosofii*. 2018;(6):89–98. (In Russ.)
4. Zelentsova MG. Krizis sotsial'no-gumanitarnykh nauk kak filosofskaya problema. *Vestnik Gumanitarnogo instituta*. 2020;(1):5–10. (In Russ.) DOI: 10.6060/BHIIISUCT2020_5
5. Natanson M. The erotic bird: phenomenology in literature. Princeton University Press; 1998.
6. Bart R. Iz knigi «O Rasine». In: Bart R. Izbrannye raboty: semiotika: poetika. Ed. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress, 1989. P. 142–232. (In Russ.)
7. MedAboutMe [Internet]. Podakina VV. Temnoe proshloe i svetloe nastoyashchee shokovoi terapii. (In Russ.) [cited 2023 Jul 26]. Available from: https://medaboutme.ru/articles/temnoe_proshloe_i_svetloe_nastoyashchee_shokovoy_terapii/
8. Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.)
9. Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh: sbornik statei. Ed. by M.B. Olkott, V. Tishkov, A. Malashenko. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi; 1997. (In Russ.)
10. Problemy kul'turnoi identichnosti: materialy mezhdunarodnogo teoreticheskogo seminara. Ed. by T.M. Shatunova. Kazan': Eko-tsentr; 1998. (In Russ.)
11. Etnos. Identichnost'. Obrazovanie. Ed. by V.S. Sobkin. Moscow: Rossiiskaya akademiya obrazovaniya; 1998. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир Павлович Козырьков — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 3250-4770. **E-mail:** kozir3@yandex.ru

---

Information about the author

Vladimir P. Kozyr'kov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Branch and Applied Sociology, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 3250-4770. **E-mail:** kozir3@yandex.ru

Светские и религиозные ценности: их содержание и взаимодействие¹

А.Г. Косиченко

Институт философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Поступила в редакцию: 25.08.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Косиченко А.Г. Светские и религиозные ценности: их содержание и взаимодействие // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.4>

Аннотация. Для современных обществ, существующих в условиях все возрастающих вызовов и угроз, крайне важным является их консолидация, в первую очередь, идейная и духовная консолидация, лежащая в основании всех иных форм единения обществ. Духовная и идейная консолидация предполагает в том числе баланс светских и религиозных ценностей, объединяющих общество на его глубинных уровнях. Уточнение содержания этих ценностей, исследование возможностей и пределов их продуктивного взаимодействия, выявление трудностей их диалога и является целью данной статьи.

Ключевые слова: светские и либеральные ценности; религиозные ценности; взаимодействие и диалог ценностей; консолидация общества; человек.

Secular and religious values: their content and interaction

A.G. Kosichenko

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Original article submitted: 25.08.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Kosichenko A.G. Secular and religious values: their content and interaction. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):21–26. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.4>

Abstract. For modern societies existing in conditions of ever-increasing challenges and threats, it is extremely important to consolidate them, first of all, ideological and spiritual consolidation, which underlies all other forms of unity of societies. Spiritual and ideological consolidation presupposes, among other things, a balance of secular and religious values that unite society at its deepest levels. Clarifying the content of these values, exploring the possibilities and limits of their productive interaction, identifying the difficulties of their dialogue is the purpose of this article.

Keywords: secular and liberal values; religious values; interaction and dialogue of values; consolidation of society; man.

---

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (Грант №АР09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

Поскольку речь в статье будет идти о ценностях, следует хотя бы кратко и схематично дать представление о ценностях как таковых. Ценности укоренены в бытии, но они обязательно должны быть приняты человеком, стать содержанием его личности, как об этом писал Х. Йоас: «...я четко ставлю перед собой конкретный вопрос, а именно, как возникают ценности и приверженность им, и даю на него четкий ответ: ценности возникают в процессе формирования самости и в опыте самотрансценденции» [1, с. 9]. Чрезмерная объективация ценностей естественна при понимании ценностей как некоего содержания, вне и до субъекта данного. Однако при этом упускается из виду, что только человек делает ценности ценностями, и, хотя их содержание объективно, но пока человек их не распредметит, они не могут именоваться ценностями.

После этого уточнения обратимся к содержанию и взаимодействию религиозных и светских систем ценностей. Религиозные ценности имеют истоком веру в Бога. Система религиозных ценностей иерархична: самое ценное — Бог, человек — любимое творение Бога. Выполняя Его заповеди, человек приближается к Богу, в некотором смысле, уподобляется Ему. Бог помогает человеку на этом пути — дает способы духовного развития; нормы такого развития (заповеди) дают человеку силы укрепляться в вере. Религиозные ценности: вера, любовь, свобода, покаяние, смирение, спасение и т. д. — направлены на духовное развитие человека, на избавление его от греха, на созидание в себе нового человека. Ценности религии постоянны и абсолютны, несколько меняясь лишь по формам проявления их в зависимости от исторических и иных контекстов и обстоятельств. Они воплощаются в жизнь верующим, он верит в эти ценности. Они образуют его личность. Религиозные ценности, будучи воплощенными верующим человеком, создают реальное пространство религии.

Но реализация религиозных ценностей требует от человека работы над собой, изменения себя. Религия стала значить очень мало для современности не потому, что она устарела и не отображает доминирующих форм современной жизни, а потому, что она, ее ценности и ее идеалы стали слишком высоки для современного человека, духовно ослабшего и не способного в массе своей соответствовать религиозным требованиям. Однако в последнее время многие крупные мыслители и исследователи задаются вопросом: так ли уж необходимо отказываться от религиозных ценностей, относя их к рудиментам прошлого. Например, в диалоге с Ю. Хабермасом Й. Ратцингер (папа Бенедикт XVI) отмечает: «Но остается открытым и общий вопрос: следует ли видеть в постепенном уничтожении религии, ее преодолении, необходимый прогресс человечества, ведущий его по пути свободы и универсальной толерантности, или же это не так?» [2, с. 90].

Некоторая часть из типичных светских ценностей (гуманизм, свобода, разум, равенство мировоззрений и религий, права человека, патриотизм) имеет свое основание в религии, другая часть возникла в противоположность религии. Светские ценности, как и религиозные, содержат нравственные максимы, но имеющие исток в гуманизме, как самооценности человека. Эти ценности порождаются трудами творцов светской культуры: писателями, художниками, мыслителями.

Со времени Великой французской революции, принципиально изменившей отношение к религии и официально введшей понятие светскости как формы государственного устройства, система светских ценностей дополнилась ценностями либерализма, о которых следует сказать особо, в силу их значимости для современного мира. Система либеральных ценностей господствует сегодня в мире, встречая лишь некоторое сопротивление и противодействие в основном со стороны традиционных религий. Квинтэссенцией либерализма являются так называемые права человека, причем человека, являющегося единственным творцом всей реальности; Бога эта система не предполагает. Поскольку человек — единственный творец всей реальности, то вопрос о том, каким должен быть человек, не стоит или стоит лишь в теоретической плоскости. Человек хорош таким, каков он есть, со всеми своими недостатками и грехами: коль скоро он единственный активный творец, то он всегда прав. Поэтому его права и выставлены в качестве основной ценности либерализма. Тем самым права человека «обожествляются», и вокруг этих прав создается своя квазирелигия, причем «религия» чрезвычайно жесткая. Либеральный гуманизм и либеральные ценности, несмотря на их заявления о свободе, которые они несут, реально выступают в современном мире в качестве новой тоталитарной идеологии, требующей подчиненности себе буквально во всех отношениях. Постлиберальная идеология через посредство концепции прав человека оказывает очень сильное давление на общественную мораль, и последняя сдает свои традиционные позиции, принимая ценности «новой религии». Именно на этой системе ценностей выстроены сегодня западные культура и цивилизация.

Либерализм ставит ложно понятые права человека выше всего остального. Религия, в частности православие, критически относится к так понимаемым правам человека. «Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира... Недопустимым и опасным является истолкование прав человека как высшего и универсального основания общественной жизни, которому должны подчиняться религиозные взгляды и практика. Для многих людей, живущих в разных странах мира, не столько секуляризованные стандарты прав человека, сколько вероучение и традиции обладают высшим авторитетом в общественной жизни и межличностных отношениях» [3]. Итак, имеются религиозные ценности, светские ценности и ценности либерализма, который является крайне жесткой и агрессивной формой светских ценностей. Общество, стремящееся к консолидации, должно совместить эти системы ценностей непротиворечивым образом, но без «выдавливания» какой-либо одной из этих систем.

Продуктивное взаимодействие и диалог между светскими и религиозными ценностями возможны и реальны; светские и религиозные ценности, вступая в диалог, создают особое поле смыслов и некоего общего и тем и другим содержания. Сфера этого взаимодействия и диалога — ценности, в некотором смысле общие и религии, и светскости: духовность, нравственность, справедливость, патриотизм, дружба, взаимопомощь, солидарность и иные. В этой сфере возможно глубокое согласие и верующих, и светски ориентированных людей. Поэтому, стремясь к общественной консолидации, эти общие ценности надо поощрять. Связь их друг с другом надо улавливать и артикулировать. Но и различия и даже крайние противоположности в ценностях надо вводить

в диалог; лучше обсуждать их в процессе диалога, нежели сталкиваться с ними в протестных формах.

Светские ценности в их сущности не обязательно носят атеистический характер. Когда религия не акцентирует своих преимуществ в сфере духовного, тогда и светское мировоззрение не склонно к атеистическим проявлениям. То есть для продуктивного диалога светских и религиозных ценностей нужен определенный компромисс, не выходящий за пределы допустимого для религии и светского мировоззрения. Сами же пределы допустимого определяются сущностью религии и светскости — они не должны утрачивать своей специфики и содержания.

В результате продуктивного взаимодействия светскости и религии возникает идейное пространство, вмещающее в себя как религиозные ценности в их гуманистическом проявлении, так и светские ценности на высшем пределе понимания ими сути духовных измерений жизни человека и общества. Светские ценности могут быть «партнером» религии в ее стремлении одухотворить общество, в усилении позитивного влияния религии на жизнь общества. Эта возможность коренится в нейтральном, а в чем-то даже позитивном отношении светских ценностей к религии (в отличие от аналогичного отношения либерализма). Религиозные ценности, со своей стороны, принимают светские ценности в их нравственно-оздоровляющем обществе влиянии. Понятно, что и светские, и религиозные ценности должны пройти свою часть пути навстречу друг другу. Никакого насилия по отношению друг к другу со стороны этих ценностных систем при этом быть не должно. Помимо этого, светский характер государства, полагающий в основу невмешательство государства в дела религии в ее внутренней жизни, а также невмешательство религии в осуществление государством его функций, также позволяет развивать позитивные взаимодействия между светскими и религиозными ценностями.

Сколь ни продуктивно взаимодействие светских и религиозных ценностей, оно имеет пределы своих возможностей, причем пределы носят принципиальный характер. Ни религия, ни светское мировоззрение не отойдут от своей сути и не встанут на позиции друг друга; наличие общего содержания в системах этих ценностей не снимает различия между ними, не устраняет имеющихся противоречий между ними. Светские ценности доминируют в современном мире (особенно в форме либеральных ценностей, о чем выше было сказано), но их доминирование не абсолютно; как ни странно, они нуждаются в наличии ценностей более духовных, ставящих духовность выше всего остального, а таковыми являются в ближайшем смысле ценности религии. Здесь можно подчеркнуть, что именно это обстоятельство вскрывает сущностную связь светских и религиозных ценностей: они нуждаются друг в друге, и это — основа и для их взаимодействия, и для их диалога. Но как светские, так и религиозные ценности не должны «посягать» на место, роль и значение друг друга — малейшая агрессивность с любой стороны прерывает диалог между ними. К сожалению, сегодня в идейной и духовной сфере имеет место и агрессивность, и прострация, и смешение ценностных оснований. «Все это убедительно демонстрирует ценностную анархию в современном мире, которая для удобства и оправдания именуется плюрализмом, но означает только одно: современный мир утратил позитивные ценностные основания своей жизнедеятельности» [4, с. 198].

И в первую очередь, утрата коснулась духовных ценностей, что означает ни больше ни меньше как потерю сущностных оснований бытия человека.

Современный мир подталкивает религию к модернизации и принятию либерального мировоззрения, но авраамические религии не могут осуществить этого без того, чтобы не утратить свою сущность. Римско-католическая церковь после Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.) сделала весьма заметные усилия по «осовремениванию» своей догматики и канонических норм. Ожидалось, что эти изменения удержат и расширят паству католицизма и сделают католицизм привлекательным для современников. Но эти ожидания не оправдались. Протестантизм пытается соответствовать времени уже несколько веков, но также без существенных успехов: хотя протестантские течения в целом сохраняют объемы своих последователей, но ценой запредельной трансформации своих вероучительных основ. Периодически и православие делает попытки осовремениться: «обновленцы» в 20-х годах XX века в СССР, реформы календаря во многих православных церквях, второбрачие священников и ослабления поста — через все это в той или иной степени прошло вселенское православие. В настоящее время то одна, то другая автокефальная православная церковь делает шаги в сторону обновления, ссылаясь на непреодолимые обстоятельства. Но это — измена православию, и такие шаги не способны привести к желаемому результату. К тому же система автокефальных православных церквей, в отличие от Римско-католической церкви, не имеет единоначалия, и это благо, так как когда одна из автокефальных церквей делает поползновение к обновленчеству, то другие не поддерживают эти начинания, и эти «новации» со временем, как правило, затухают. Конечно, не все безоблачно в «семье» православных церквей — тому ярким свидетельством положение Украинской православной церкви в современной Украине, и все же англоязычный термин «ортодоксия» не случайно применяется именно к православной церкви — она в целом удерживает догматические и канонические истины.

Отмеченные трудности во взаимодействии светских и религиозных ценностей не прерывают данного взаимодействия, успехи в этой сфере также налицо. Более того, у человечества сегодня просто нет иного пути, кроме как выстраивать диалог между самыми разными мировоззренческими и духовными системами: в противном случае — хаос и крах цивилизации. Источником оптимизма, необходимого для преодоления негативных тенденций развития человечества, выступает сущностная духовность человека, которая неуничтожима при любых обстоятельствах.

Список литературы

1. Йоас Х. Возникновение ценностей. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. 312 с.
2. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. Москва: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 112 с.
3. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. [дата обращения 28.05.2021]. Доступ по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
4. Косиченко А.Г. Влияние глобализации на духовные основы, ценности и идеалы казахстанского общества // Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. Алматы: Компьютерно-издательский центр Института философии и политологии МОН РК, 2006. С. 184–227.

References

1. Ioas Kh. Vozniknovenie tsennostei. Saint Petersburg: Aleteiya; 2013. 312 p. (In Russ.)
2. Khabermas Yu, Rattsinger I. (Benedikt XVI). Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey; 2006. 112 p. (In Russ.)
3. Osnovy ucheniya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka. (In Russ.) [cited 2021 Apr 28]. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
4. Kosichenko AG. Vliyanie globalizatsii na dukhovnye osnovy, tsennosti i idealy kazakhstanskogo obshchestva. In: Kazakhstan v usloviyakh globalizatsii: filosofsko-politologicheskii analiz. Almaty: Komp'yuterno-izdatel'skii tsentr Instituta filosofii i politologii MON RK; 2006. P. 184–227. (In Russ.)

Информация об авторе

Анатолий Григорьевич Косиченко — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы; eLibrary SPIN: 4290-5138. **E-mail:** anatkosichenko@mail.ru

Information about the author

Anatoly G. Kosichenko — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty; eLibrary SPIN: 4290-5138. **E-mail:** anatkosichenko@mail.ru

Практика искусственного интеллекта и проблема свободы личности

В.П. Казарян

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 29.05.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Казарян В.П. Практика искусственного интеллекта и проблема свободы личности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.5>

Аннотация. Работа посвящена выявлению новых ограничений для свободы личности, появляющихся в условиях интенсивного развития информационных технологий, а именно области нетрадиционного искусственного интеллекта. Алгоритмы машинного обучения отказывают личности в гарантии конфиденциальности ее душевно-психологического состояния.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); алгоритм; машинное обучение; личность; свобода; ИИ-бот; дезинформация; манипулирование.

The practice of artificial intelligence and the problem of individual liberty

V.P. Kazaryan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Original article submitted: 29.05.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Kazaryan V.P. The practice of artificial intelligence and the problem of individual liberty. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):27–32. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.5>

Abstract. The work is devoted to identifying new restrictions on the freedom of the individual, appearing in the conditions of intensive development of information technologies, namely the field of non-traditional artificial intelligence. Machine learning algorithms deny the individual the guarantee of the confidentiality of her mental and psychological state.

Keywords: artificial intelligence (AI); algorithm; machine learning; personality; freedom; AI bot; disinformation; manipulation.

Новые технологии создаются человеком для достижения жизненно важных целей при обеспечении безопасности человека. Одной из жизненно важных целей является свобода и справедливость. За них борются лучшие люди в истории человечества. При этом каждый человек мечтает о справедливости и свободе. Безопасность личности подразумевает неснижающуюся вероятность достижения жизненно важных целей. Новые технологии, изменяющие нашу жизнь во многих отношениях, помогают ли достигнуть свободы?

Человек, использующий компьютер и живущий в интернете, кажется свободным. Или, по крайней мере, более свободным, чем без интернета — расширенного разума. Ранее человек, как показал Э. Фромм, освободился «от»: при рождении «от» уз природы (пуповины матери), затем «от» уз средневековой социальной структуры (привязанности к месту, профессии, общине). С развитием буржуазных отношений он обрел индивидуальность, приобрел «свободу от» [1]. Но в процессе дальнейшего развития общества он оказался в плену больших социальных структур, лишившись «свободы от». Как показали структуралисты, появилось общество структур: человека нет, есть одни структуры. Человек бессилён перед ними. Обесценивается свобода, добытая предшественниками. Вместо свободы появилась новая зависимость «от». Человек — вещь среди вещей. Свобода превращается в иллюзию, в мечту. Экзистенциалисты призывали восстать против бессилия человека, пробудить в нем личность. В сложившемся обществе потребления человек стал жить лучше во многих отношениях. Ортега-и-Гассет показал, что цену за благополучие, которое дал научно-технический прогресс, люди заплатили большую: цена за это — массовый человек [2].

Призрак свободы как основа этики бродит в сердцах людей. Новые технологии, развивая человеческие потребности, снимут ли последнее ограничение «от»: Я — только в массе, Я — массовый человек? Откроется ли дорога к свободе «для», свободе для творчества?

Прежде всего, выделим два вида ИИ: традиционный и нетрадиционный ИИ (ИИ для Big Date). С момента зарождения искусственного интеллекта специалисты традиционного направления пытались создавать системы, способные решать задачи, приближенные к человеческому интеллекту, такие как системы автоматического доказательства теорем, игровые системы, системы перевода с одного языка на другой, системы распознавания зрительных образов, сочинения музыки и подобные им. Для этого не требовалось много данных, но требовалась экспертная оценка.

Развитие области микроэлектроники и ее доступность создали возможность генерации, хранения и обработки больших объемов данных [3]. Это создало предпосылки для решения множества практически важных задач методами машинного обучения. Для алгоритмов машинного обучения важна доступность данных. Это направление составляет подавляющее большинство систем ИИ в настоящее время. Существует большое множество видов моделей машинного обучения.

Традиционный ИИ прекрасно работает и в наше время. Он не породил проблем со свободой человека. Он огорчал и восхищал человека своими возможностями в сравнении с человеческим разумом: кто умнее. Если традиционный ИИ поражал человека, то ИИ для Big Date должен помогать человеку в его деятельности. Парадигма машинного обучения позволяет получать хорошие результаты. Вместе с тем он порождает определенные сомнения. При практической реализации он сталкивается с рядом трудностей, касающихся взаимоотношения алгоритма с человеком, с условиями деятельности человека — т. е. с проблемой свободы человека.

Принято считать, что человек совершает действие на основе принятия решения. В практике ИИ действие совершается в соответствии с решением

алгоритма. Человек может знать о том, что он реализует решение алгоритма, и может об этом не знать и полагать, что сам самостоятельно принял решение на действие. Примером может служить участие в голосовании под влиянием ИИ-подсказки, подобранной именно для этого человека.

Для проблемы свободы человека важное значение могут иметь новые появившиеся способности ИИ. Алгоритмы искусственного интеллекта стали способны понимать человеческие предпочтения. Это показало исследование, проведенное несколько лет назад по заказу Facebook¹. Оно показало, что фейсбукowski алгоритм разбирается в характерах и настроениях людей лучше, чем их друзья, родители и супруги. В эксперименте участвовало 86 220 волонтеров, которые имели аккаунт в Facebook и ответили на сто вопросов персональной анкеты. Алгоритм предсказывал ответы волонтеров, основываясь на анализе их «лайков» — то есть страниц, изображений и клипов, которые они отметили как понравившиеся. Точность предсказаний зависела от количества лайков [4]. Но несколько сотен лайков было достаточно, чтобы алгоритм ответил на вопросы о человеке более точно, чем его родственники и друзья. В результате этого многие ученые сделали прогноз, согласно которому в будущем люди могут отказаться от собственных субъективных суждений и доверить компьютерам принятие жизненно важных решений типа выбора профессии, любимых занятий и даже романтического партнера.

Возможно, где-то это улучшит качество жизни человека, однако человек, вполне вероятно, будет все больше и больше лишаться свободы выбора. Поэтому проблему свободы, являющуюся одной из важнейших в философии, необходимо будет рассматривать исходя из новых реалий. Например, можно ли считать, что человек, который поступает в соответствии с рекомендациями алгоритма искусственного интеллекта, обладает свободой воли? Или, например, отличается ли действие, совершенное осознанно в соответствии с рекомендациями искусственного интеллекта, и аналогичное действие, но совершенное неосознанно (то есть когда человек не осознает, что он действует под влиянием алгоритма машинного обучения)?

Другой пример возможностей нетрадиционного алгоритма. Алгоритмы Facebook могут быть осведомлены не только о политических предпочтениях миллионов человек, но и о том, кто из них относится к критической группе колеблющихся избирателей и как этих колеблющихся избирателей склонить в ту или другую сторону. Facebook сможет сказать, например, что в определенном штате две партии идут вровень, что какая-то часть избирателей еще не определилась, и даже сформулировать, что именно должен говорить кандидат, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. Таким образом, искусственный интеллект можно применять для влияния на электоральные процедуры и при некоторых выраженных политических взглядах крупнейших корпораций сделать невозможным победу оппонента. В связи с этим необходимо переосмысление традиционного понятия либеральной демократии, в которой предполагалось, что человек способен совершать выбор независимо и свободно.

¹ Является продуктом компании Meta, которая в свою очередь является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

Крупнейшие корпорации, используя алгоритмы искусственного интеллекта, способны влиять на огромное количество людей по своему усмотрению.

Однако влияние на человеческое поведение способны осуществлять не только крупные корпорации или другие большие структуры, но и отдельные люди. В качестве такого примера можно рассмотреть создание с помощью нейронных сетей дипфейков [5] — фотографий или видеороликов с поддельным содержанием. Создать дипфейк сейчас под силу любому человеку, который умеет обращаться с нейронными сетями. Отделение правдивой и ложной информации с каждым годом будет становиться все труднее. Также технологии искусственного интеллекта могут быть использованы и для генерации ложных новостей (с помощью генеративных текстовых моделей).

Итак, хотя алгоритмы искусственного интеллекта обычно создаются для благих целей, эти же алгоритмы могут быть использованы для манипуляции человеком. Так как эти алгоритмы могут достаточно точно понимать психологию человека, то их можно использовать для внедрения многих идей. Тем самым, необходимо переосмысление понятия свободы воли с учетом новых складывающихся реалий, потому что очевидно, что при недобросовестном использовании новые технологии способны сокращать количество свободы.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что современные модели машинного обучения полностью зависят от данных, на которых они обучаются. Поэтому очень важным остается вопрос формирования обширных и разнообразных обучающих выборок. В этом контексте многие, если не подавляющее большинство специалистов, указывают на предвзятость ИИ — на предвзятость машинного обучения. Под предвзятостью машинного обучения понимают тенденции алгоритмов отражать человеческие предубеждения. И они в результате лежат в основе судьбы индивидуума, которой касается алгоритм.

Появление систем ИИ автоматической генерации текста влечет за собой новые этические проблемы. Такие системы могут генерировать текст в больших объемах, который довольно сложно отличить от текста, созданного человеком [6]. В такой ситуации мы наблюдаем размывание ролей между людьми и машинами в производстве текстового контента. Это событие имеет глубокие последствия для общества: что произойдет, если мы в конечном итоге заставим замолчать человеческий голос? Эти алгоритмы ограничивают возможность творчества со стороны человека.

ИИ лишает ли человека возможности создавать новое? Например, создать новое в науке и создать новое в искусстве? Что касается науки, то ИИ помогает ученому увидеть проблему и ее решать. ИИ не вытесняет пока ученого из науки. Интеллектуальные модели позволяют людям делегировать рутинную работу и обратить внимание на творческие задачи.

В художественном творчестве больше неясного. Если машинное обучение использовало для обучения существующие произведения искусств, то это выступает аргументом в пользу утверждения, что, обучаясь на старом, нового создать нельзя. Можно получить только копии. Базы данных — это прошлое, даже не настоящее. И получить будущее из них не представляется возможным. Конечно, гении стоят на головах предшествующих гениев, и они создают новое. Но механизм творчества является до сих пор загадкой, с одной стороны, и сферой свободы личности — с другой.

Для свободы человека могучим врагом выступает манипулирование и дезинформация, столь распространенные в современном мире [7]. Свободу ограничивает наличие недостоверной информации. Полностью разрушается идея этики античности, ориентирующейся на знание. Распространение дезинформации с целью манипулирования общественным мнением встречается все чаще. Опасность неконтролируемого распространения дезинформации была заметна во время акций против вакцинации в период пандемии COVID, президентских выборов в США и Франции в 2016 и 2017 годах и кампании Brexit в Великобритании в 2016 году, когда в социальных сетях широко распространялись фальшивые новости о противоположных сторонах мнений. Проведенные исследования [8] показали, что дезинформация в течении этих кампаний распространялась в основном ИИ-ботами на основе ИИ, которые создавали недостоверную информацию.

Ключевые признаки фальшивых новостей, созданных ботами, могут позволить социальным сетям, таким как Facebook и Twitter, отмечать поддельное содержание публикаций на ранней стадии, чтобы предотвратить его распространение. Однако эти особенности не обнаруживаются, когда содержание фальшивых новостей создается с помощью ИИ последнего поколения, который все чаще заменяет традиционные боты. Ученые отмечают сложность обнаружения фальшивого контента, направленного на пропаганду, из-за стиля написания, который похож на человеческий. Особенность таких моделей, которая делает довольно сложной работу по обнаружению, — это способность учиться на основе реального взаимодействия. Это дает им возможность распространять одно и то же сообщение в различных формах. Такие модели могут автоматически подстраивать стиль материала под разные типы аудитории (например, в зависимости от социальной сети), что делает их содержание еще более сложным для обнаружения.

В итоге с некоторой долей уверенности можно предположить, что личность будет активно использовать возможности алгоритмов при решении своих проблем. Возможно, это позволит улучшить ее жизненный мир. При этом она потеряет долю своей автономии в столь важной для личности области индивидуальной самости и отдаст алгоритмам сугубо человеческое право на принятие решений. Проблема свободы личности приобретает новые очертания.

Список литературы

1. Фромм Э. Бегство от свободы / под ред. П.С. Гуревича. Москва: Прогресс, 1989. 272 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Москва: АСТ: Ермак, 2005. 509 с.
3. Dan Koboldt [Internet]. The current state of artificial intelligence. [дата обращения 25.12.2022]. Доступ по ссылке: <http://dankoboldt.com/current-artificial-intelligence/>
4. Харари Ю.Н. Homo deus. Краткая история будущего. Москва: Синдбад, 2022. 496 с.
5. Mirsky Y., Lee W. The creation and detection of deepfakes: a survey // ACM Computing Surveys (CSUR). 2021. Vol. 54. No. 1. P. 1–41. DOI: 10.1145/3425780
6. Kreps S., McCain M., Brundage M. All the news that's fit to fabricate: AI-generated text as a tool of media misinformation // Journal of Experimental Political Science. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 104–117. DOI: 10.1017/XPS.2020.37
7. Илиева Л.П., Илиев С.Д. Деманипуляция в НЛП: сложносистемный подход // Бионика – 60 лет. Итоги и перспективы. Сборник статей Первой Международной

научно-практической конференции 17–19 декабря 2021 года, г. Москва / под ред. А.П. Карпенко. Москва: Ассоциация технических университетов, 2022. С. 30–40.

8. Seele P, Schultz M.D. From greenwashing to machinewashing: a model and future directions derived from reasoning by analogy // *J. Bus. Ethics*. 2022. Vol. 178. P. 1063–1089. DOI: 10.1007/s10551-022-05054-9

References

1. Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Ed.by P.S. Gurevicha. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.)
2. Ortega-i-Gasset Kh. *Vosstanie mass*. Moscow: AST: Ermak, 2005. (In Russ.)
3. Dan Koboldt [Internet]. The current state of artificial intelligence. [cited 2022 Dec 25]. Available from: <http://dankoboldt.com/current-artificial-intelligence/>
4. Kharari YuN. *Homo deus. Kratkaya istoriya budushchego*. Moscow: Sindbad, 2022. (In Russ.)
5. Mirsky Y, Lee W. The creation and detection of deepfakes: a survey. *ACM Computing Surveys (CSUR)*. 2021;54(1):1–41. DOI: 10.1145/3425780
6. Kreps S, McCain M, Brundage M. All the news that's fit to fabricate: AI-generated text as a tool of media misinformation. *Journal of Experimental Political Science*. 2022;9(1):104–117. DOI: 10.1017/XPS.2020.37
7. Ilieva LP, Iliev SD. Demanipulyatsiya v NLP: slozhnosistemnyi podkhod. In: *Bionika — 60 let. Itogi i perspektivy. Sbornik statei Pervoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 17-19 dekabrya 2021 goda, g. Moskva*. Ed. by A.P. Karpenko. Moscow: Assotsiatsiya tekhnicheskikh universitetov; 2022. P. 30–40. (In Russ.)
8. Seele P, Schultz MD. From greenwashing to machinewashing: a model and future directions derived from reasoning by analogy. *J Bus Ethics*. 2022;178:1063–1089. DOI: 10.1007/s10551-022-05054-9

Информация об авторе

Валентина Павловна Казарян — доктор философских наук, профессор, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8201-4661.
E-mail: kazaryanvp@mail.ru

Information about the author

Valentina P. Kazaryan — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 8201-4661. **E-mail:** kazaryanvp@mail.ru

Образование и воспитание как феномены европейской культуры: классический, постнеклассический и пост-постнеклассический контексты

М.А. Можейко

Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Можейко М.А. Образование и воспитание как феномены европейской культуры: классический, постнеклассический и пост-постнеклассический контексты // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.6>

Аннотация. Рассматриваются культурные модификации феномена образования, его приоритетная роль в классической культуре, деформации образования и воспитания в культуре постмодерна и новые интенции пост-постнеклассической культуры в их трактовке.

Ключевые слова: образование; воспитание; классическая; постнеклассическая и пост-постнеклассическая культура; этика кодекса; этика творчества.

Education and upbringing as phenomena of European culture: classic, post-classical, and post-post-classical contexts

М.А. Mojeiko

Republican Institute of Higher Education of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Mojeiko M.A. Education and upbringing as phenomena of European culture: classic, post-classical, and post-post-classical contexts. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):33–38. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.6>

Abstract. Cultural modifications of the phenomenon of education, its priority role in classical culture, deformations of education and upbringing in postmodern culture and new intentions of post-post-non-classical culture in their interpretation are considered.

Keywords: education; upbringing; classics; post-non-classics; post-post-non-classics culture; ethics of code; ethics of creativity.

Образование западного образца является своего рода визитной карточкой европейской традиции. С одной стороны, оно воплощает в себе глубинные основания европейского стиля мышления и ценности традиционной культуры, с другой — выступает тем фактором, который во многом определяет тенденции культурного развития.

1. Традиционная культура и формирование феномена образования

Феномен обучения выступает одним из базисных феноменов культуры европейского типа. Само формирование техногенной цивилизации во многом обусловлено возникновением в античной культуре феномена образования, так как

становление цивилизации нового образца связано с существенными изменениями способов передачи культурного наследия от поколения к поколению. Для ранних стадий развития мифологического сознания характерен именно тип наследования социального опыта, предполагающий жесткое сопряжение знаний о социальных ролях (и соответствующих им правах и обязанностях индивида) с именем, которое дается субъекту при рождении (детское имя, соответствующее сценариям поведения ребенка), и имя взрослого (позднее, при обряде инициации), наделяющее субъекта статусом полноправного члена общины. В таких традициях не возникает необходимости в обучении как особом виде деятельности: вся необходимая информация о социальных ролях имплицитно заложена в наборе имен.

Формирование семейно-профессиональной модификации этого механизма фактически ничего не меняет: он по-прежнему имеет своим адресатом носителя имени, который лишь становится коллективным. Имя апплицируется не на индивида, но на семью: династии врачевателей, именующие себя асклепидами (сыновьями Асклепия), или кузнецов-гефестидов в Крито-микенской Греции. Этот вариант культуры также не нуждается в институте обучения: освоение технологий и соответствующих социальных ролей осуществлялось имплицитно — благодаря непосредственному включению ребенка в систему семейно-производственных отношений.

Если веер возможных социальных ролей субъекта традиционного восточного общества ограничивался чрезвычайно узким набором вариантов (крестьянин, подданный, сын, муж, отец), то древнегреческий тип хозяйствования предполагал дифференциацию ремесленной деятельности. Грек, как правило, не мог прокормить семью сельскохозяйственным трудом и вынужден был испробовать несколько профессий: и корабеля, и морехода, и ремесленника, и торговца, и др. (наглядные иллюстрации этой ситуации дают «Труды и дни» Гесиода).

Аналогично в общественном плане гражданин полиса мог в течение своей жизни быть избран и стратегом, и архонтом и т.п.

И та, и другая ситуации предполагают необходимость освоения соответствующих профессиональных и социальных технологий, что и порождает необходимость обучения как целенаправленной деятельности и образования как специального института. Классическим примером могут считаться школы софистов, обучающие риторике тех, у кого возникала необходимость реализации себя в политической жизни. Солоном был принят закон, согласно которому взрослый сын не был обязан содержать престарелого отца, если последний в свое время не отдал его в обучение ремеслу.

Таким образом, образование как социальный институт изначально сформировалось не только на основе традиционной культуры и ее ценностей, но и с целью сохранения и трансляции последних — как в технологическом, так и в ценностном планах.

2. Образование и ценности классической культуры

Образование обретает в культуре западного образца атрибутивный статус: даже в тех сферах, где их имманентные характеристики, казалось бы, не предполагают возможности обучения, последнее играет не просто существенную, но доминирующую роль. Наиболее наглядные примеры такого рода демонстрирует христианская европейская традиция. Двойкая культурная

отнесенность западноевропейской традиции (по оценке Тертуллиана, *между Афинами и Иерусалимом*) конституирует христианскую традицию Европы как аксиологически амбивалентную: *Иерусалим* задает требования сокровенности, потаенности, глубины иносказания (проявляющиеся в апофатической традиции, *Афины* — системности знания, рациональности оснований, логической прозрачности (что находит свою реализацию в катафатике).

Соответственно этому, богословская традиция Европы характеризуется ярко выраженной теистической ориентацией, предполагающей остро личностно артикулированную персонификацию Бога (трактовка откровения как вне-рационального). В то же время, наследуя традицию античного рационализма, христианская культура Запада порождает теологию как рационально организованную теоретическую дисциплину. В теоретическом плане это проявилось в развитии схоластики, в организационном — в создании теологических факультетов в средневековых европейских университетах — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, Фома Аквинский, рассуждая о предмете теологии, полагает, что в качестве такового выступает Бог в аспекте своей божественности — *deus sub ratione deitatis*. Аналогично Иоанн Дунс Скот обосновывает тезис о том, что теология есть самая сложная из образовательных дисциплин, на основании такого критерия, как сложность ее объекта, в силу чего наиболее сложной должна быть признана теология, поскольку ее предмет — Бог — является наисложнейшим. Однако в контексте теизма рассмотрение персонифицированного личного Бога в качестве предмета по меньшей мере кощунственно: богопознание в принципе не может артикулироваться как субъект-объектный процесс — познание Бога есть трепетное и вдохновенное «искание лика Божьего» (Пс. 23:6), и созерцание как когнитивная процедура оказывается взглядом в очи Господни. Принципиальная непредметность Бога эксплицитно зафиксирована уже Ансельмом Кентерберийским, пафос протестантской диалектической теологии питается радикальной критикой предметного знания о Боге (К. Барт, Р. Нибур и др.).

Сколь ни называй теологию *doctrina sacra* (Фома Аквинский), дисциплинарно организованное спекулятивное учение об откровении и вере не имеет соприкосновения с сокровенным актом откровения и с живой верой. Подход к сакральной тайне как к интеллектуальной головоломке (превращение интимного акта Откровения в предмет публичного учебного диспута) есть, с точки зрения теизма, профанация великой мистерии богопознания.

Ситуация порождает многочисленные противоречия. Так, образование предполагает, что преподаватель владеет истинным знанием, что несовместимо с идеей о непознаваемости Бога. Кроме того, отношение к теологии как к системе рационального знания предполагает возможность знания ложного. Цена же — грех — непомерно велика, ибо впадение в ошибку чревато впадением в ересь, а неверность теории — неверием. Неслучайно большинство еретиков в средневековой Европе составляют мнящие себя добрыми христианами теологи-рационалисты. Возникают проблема набора абитуриентов, проблема *симонии*, т. е. взяточничества в средневековых университетах, и др., что в применении к факультетам теологическим обретает новое измерение: нарушения социально-правовых норм оборачиваются смертными грехами.

Но абсолютность ценности образования для европейской культуры приводит к тому, что законы формально-логического рационального мышления апплицируются и на принципиально внеконцептуальный религиозный опыт. Всемирное развитие христианской учености приводит в Европе к ситуации, которую Франциск Ассизский предельно точно обозначил посредством максимы: недопустимо, когда для спасения души необходимо знание латыни. Эта мягкая в своем проявлении интенция приводит к ограничению разрушающего воздействия формализованного рационализма на сокровенное содержание веры: в средневековых университетах официально запрещаются диспуты между теологами и философами. В радикальном — к отторжению *книжной учености* (отказ от грамоты в раннем францисканстве).

3. Образование в постнеклассической культуре

Традиционная этика, видящая свою цель в обосновании модели достойной жизни, всегда была учением о должном, обрела характер *практической философии*. Что же касается культуры постнеклассического типа, то ее самоопределение основывается на том, что в аксиологическом пространстве постмодерна этика в традиционном ее понимании вообще не может быть конституирована. Тому имеется несколько причин.

Во-первых, культура постмодерна позиционирует себя как программно рефлексивную. Прежние традиции ретроспективно оцениваются как централизованные вокруг метанарраций, т. е. интерпретационных матриц, претендующих на универсальность и осуществляющих своего рода легитимацию знания и стилей мышления (так, еретические учения не могут быть легитимированы в контексте христианской метанаррации, обскурантистские — в метанаррации Просвещения и т.п.). Современная же культура оценивает себя как культура *заката метанарраций*, где нет места понятию ценностного приоритета (делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое), — по определению Ф. Гваттари, «все годится» [1, с. 23]. В силу этого ни одна из поведенческих стратегий не обладает моральными привилегиями перед другими — они просто плюральны и вариативны. Этика же аксиологична по самой своей сути, в силу чего не может быть конституирована в классическом своем виде в условиях мозаичной организации культуры. Д. Мак-Кенс постулирует в этом контексте возможность этики лишь как *множественной*, понимая под множественностью не количественный плюрализм, но отказ от самой возможности конституирования канона [2].

Во-вторых, все уровни системной организации этики основаны на принципе бинаризма: парные категории (добро — зло, должное — сущее, добродетель — порок), альтернативные моральные принципы (аскетизм/гедонизм, эгоизм/коллективизм), противоположные оценки и др. Между тем постнеклассический стиль мышления характеризуется программным отказом от самой идеи бинарных оппозиций. Именно отсюда и проистекает сложившаяся в ментальном пространстве постмодерна ситуация, в которой, по оценке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в принципе немислимы дуализм или дихотомия, даже в базовой для этики форме добра и зла [3].

В-третьих, постнеклассике присуща презумпция идиографизма, то есть установка на рассмотрение каждого единичного феномена в качестве события, адекватная интерпретация которого требует его рассмотрения как неповторимо уникального, что предполагает отказ от попыток формулировки универсальных

оценочных шкал. В подобной системе отсчета этика, предполагающая подведение частного поступка под общее правило (кодекс) и его оценку исходя из общезначимой нормы, не может конституироваться в прежнем статусе.

Если традиционная этика интерпретирует регуляцию человеческого поведения как должную быть организованной по сугубо дедуктивному принципу, то постнеклассическая культура предлагает модели самоорганизации человеческой субъективности как автохтонного процесса — вне навязываемых извне регламентаций и ограничений. С точки зрения постмодернизма (М. Фуко, Э. Джердайн и др.), дедуктивно выстроенный канон, чья реализация осуществляется посредством механизма запрета альтернативных ему сценариев поведения, вообще не способен быть формообразующим по отношению к современной морали. Оценивая тезис о том, что «мораль целиком заключается в запретах», в качестве ошибочного, М. Фуко ставит «проблему этики как формы, которую следует придать своему поведению и своей жизни», «в рамках этой этики необходимо создавать себе правила поведения, благодаря которым можно обеспечить <...> владение собой» [4, с. 317–319]. Речь может идти лишь о *стилизации поведения*: акцент — не на выполнении общего предписания, а на сугубо ситуативном выборе модели поведения. Более того, сам *принцип стилизации* не является универсально необходимым, но имеет смысл лишь для тех, кто хочет придать своему бытию возможно более завершенную форму.

4. Пост-постнеклассические тенденции в современной культуре

Подобный отказ постмодерна от ригористичной обязательности нравственных максим полностью лишает их регулятивного потенциала. Однако вне моральной регуляции наступает известная со времен Дж. Гоббса *война всех против всех*. Общество вне морали невозможно, невозможна (после постмодерна) и прежняя мораль — современная культура требует нового подхода. Формирующаяся пост-постнеклассическая культура артикулирует моральное поведение не в качестве соответствующего заданной извне норме, но в качестве продукта имманентной и индивидуальной творческой работы.

Фактически речь идет о переходе от *этики кодекса*, предполагающей подведение частного случая в его уникальной неповторимости под общее и потому не отвечающее ему правило, к *этике творчества*, ориентированной на выработку в каждом конкретном случае особого сценария поведения. Это предполагает новое понимание нравственного сознания и морального действия, трактуемых как результат индивидуального творческого усилия.

М. Фуко прав, констатируя невозможность формирования духовности современного человека на основе усвоения лишь традиционных ценностей и утверждая необходимость формирования этики самосозидания как этики нового типа. Вместе с тем практические предложения постмодернизма более чем уязвимы для критики: *этика творчества* возможна лишь при опоре на четко осознанные аксиологические приоритеты. В противном случае практики *творчества себя* становятся игрой без цели, превращая процесс самовыстраивания в процессуальность самоварьирования как нерезультатирующуюса самоценность.

Под давлением реалий внекультурного порядка современная культура пришла к осознанию того, что вне метафизически определенного дистанцирования *добра* и *зла* невозможен сам человек как *homo culturis*. Эпатажная мода на

мораль всевозможности на сегодняшний день оценена как пройденный этап, но и возврат современного нравственного сознания к традиционной ригористической *этике кодекса* едва ли возможен.

Постнеклассика сменяется в настоящее время пост-постнеклассикой, постулируя необходимость формирования своего рода *культурного классицизма* или *возврата утраченных значений* (М. Готдинер, Дж. Уард) для базовых мировоззренческих оснований культуры [5]. В этих условиях в фокусе внимания оказываются те сложившиеся в классической традиции философские и религиозные этические концепции, которые, будучи основанными на классической метафизике, тем не менее базируются на презумпции индивидуального внутреннего творчества, направленного на духовное самосовершенствование. Последнее может быть достигнуто лишь посредством внутренней работы нравственного субъекта с мотивом своего поступка, что, в свою очередь, возможно лишь при условии интериоризации индивидом определенных культурных ценностей, детерминирующих, в конечном итоге, его нравственный выбор. Отсюда вытекает особая акцентировка в современной культуре процесса воспитания как формирования индивида, способного к такой внутренней работе над собой, к напряженной и неустанной деятельности по самосовершенствованию.

Список литературы

1. Гваттари Ф. Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе. Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер // Кабинет: картины мира. (Психогенез/техногенез: коллекция perversus). Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998. С. 21–28.
2. Мак-Кенс Д. Этика в постсовременной перспективе // Философские науки. 1996. № 1–4. С. 165–175.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
4. Фуко М. Забота об истине // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва: Касталь, 1996. С. 307–326.
5. Можейко М.А. After-postmodernism // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 6.

References

1. Gvattari F. Transfer ili to, chto ot nego ostalos', ili Analitik zhivet v postoyannom strakhe. Feliks Gvattari v besede s Brakhoi Likhtenberg Ettinger. In: Kabinet: kartiny mira. (Psikhogenez/ tekhnogenez: kolleksiya perversus). Saint Petersburg: INAPRESS; 1998. P. 21–28. (In Russ.)
2. Mak-Kens D. Etika v postsovremennoi perspective. *Filosofskie nauki*. 1996:1–4;165–175. (In Russ.)
3. Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2007. (In Russ.)
4. Fuko M. Zabota ob istine. In: Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Moscow: Kastal'; 1996. P. 307–326. (In Russ.)
5. Mozheiko MA. After-postmodernism. In: Postmodernizm. Entsiklopediya. Minsk: Interpresservis; Knizhnyi Dom; 2001. P. 6. (In Russ.)

Информация об авторе

Марина Александровна Можейко — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** marina-mojeiko@yandex.by

Information about the author

Marina A. Mojeiko — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of University Education of the Republican Institute of Higher Education of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** marina-mojeiko@yandex.by

Феномен идентичности и проблема Другого в постколониальных исследованиях

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Сидоренко И.Н. Феномен идентичности и проблема Другого в постколониальных исследованиях // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 39–44. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.7>

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимоотношения с Другим, порожденная кризисом идентичности. В качестве методологической базы исследования выступают концепции деколонизации и постколониализма. Делается вывод о том, что политика идентичности подпитывается скрытой или подавляемой групповой идентичностью, стремящейся к публичному признанию. Это опасно эскалацией насилия, так как политика идентичности использует культурный миф и постколониальную травму. В статье утверждается, что преодоление постколониального комплекса возможно за счет придания национальной идентичности статуса доминирующей при сохранении суверенности и горизонтальности во взаимоотношения с бывшей метрополией.

Ключевые слова: идентичность; политика идентичности; Другой; постколониальные исследования; постколониальная травма; зависть; насилие.

The phenomenon of identity and the problem of the Other in postcolonial studies

I.N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Sidorenko I.N. The phenomenon of identity and the problem of the Other in postcolonial studies. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):39–44. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.7>

Abstract. The author of this article analyzes the problem of relationship with the Other, generated by the crisis of identity. The theories of decolonialism and postcolonialism are served as the methodological basis of this study. It is concluded that identity politics is fueled by hidden or repressed group identities seeking public recognition. This is dangerous in escalating violence as identity politics capitalizes on cultural myth and postcolonial trauma. The author of this article argues that overcoming the postcolonial complex is possible by making national identity the dominant identity while maintaining sovereignty and horizontality in the relationship with the former metropolis.

Keywords: identity; identity politics; Other; postcolonial studies; postcolonial trauma; envy; violence.

Распад мировой колониальной системы не развеял культурный миф как стереотипное взаимодействие культурных дискурсов центра и периферии. Значимость и право на самостоятельность и идентичность некогда подчиненного до сих пор ставится под вопрос, что позволяет говорить о феномене постколониализма. Сквозь оптику постколониальных исследований большая часть населения Земли может быть описана через категорию «Угнетенный». Экономические, политические и культурные связи (пост)колоний и (пост)метрополий фактически не изменились после крушения колониальной и империалистической систем, что связано с сохранением за идентичностью угнетателя статуса доминирующей. Процесс формирования национального самосознания не завершился в бывших колониях до сих пор.

Термин «идентичность» в 1950-х гг. популяризовал психолог Э. Эриксон, а начиная с 1980-х гг. понятие «политика идентичности» начинает входить в научный оборот в связи с тем, что в постмодерном обществе происходит распад прежних прочных форм социальной идентичности — класса и нации — и осуществляется переход к более гибким формам. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Вместе с тем «политика идентичности» допускает диктат идентичности. Как справедливо отмечает британский исследователь Мэри Калдор (Mary Kaldor), в «политике идентичности» «речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков, и она напрямую связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом» [1, р. 40]. Ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности», напротив, работает по принципу исключения и, тем самым, способствует фрагментаризации социального пространства [2, с. 144]. Справедливо отмечает Ф. Фукуяма, что «...сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности. Таким образом, существенная часть политических конфликтов современного мира... можно свести к проявлениям политики идентичности» [3, с. 34]. В постколониальном мире борьба за признание продолжается.

Наличие двух идентичностей — преобладающей идентичности колонизатора и национальной идентичности субъекта — порождает проблему «расщепленности» сознания постколониального субъекта. Угнетенный не осознает в полной мере своей инаковости, а отличия от культуры метрополии вызывают чувство неполноценности, приводящее к формированию постколониального комплекса. Осознание инаковости и преодоление доминирования идентичности бывшего колонизатора являются факторами освобождения от постколониального комплекса, обуславливающего зависимость бывших периферий от своих метрополий. Поиск средств преодоления наследия колониализма и империализма, децентрации современности и трансформации межкультурных отношений осуществляется в рамках постколониальных исследований.

В полицентричном мире ни одна культура не может мыслиться как «чистая» и единственно «правильная» [4]. Приведем слова американского исследователя постколониализма индийского происхождения Х. Баба (*Homi K. Bhabha*):

«Современность нельзя более представлять как разрыв или соединение прошлого и будущего, равно как и одновременное со-присутствие: наше самопонимание, наш публичный образ раскрываются лишь посредством полагания себя в контексте разрывов, неравенств и меньшинств» [5, с. 165]. Культуры современности — это гибридные культуры, раскрывающие самость в пространстве пограничья, т. е. в переходном состоянии от «Я» к «Другому».

Постколониальные исследования предлагают категориальный инструментарий для описания современных культур в пространствах пограничья и представляют собой комплекс междисциплинарных исследований наследия колониализма и империализма, который выдвигает идею о взаимозависимости знания и власти и критикует властные отношения, связанные с распределением власти между центром и периферией, метрополией и колонией, доминирующим и угнетенным. Толчком к разработке постколониальной теории стала публикация книги Э. Саида «Ориентализм» [6], в которой рассматривался феномен доминирования Запада над Востоком. С процессом подчинения коррелирует процесс придумывания культурного мифа о Востоке и Западе.

Политика идентичности подпитывается скрытой или подавляемой групповой идентичностью, стремящейся к публичному признанию. Однако это признание узурпируется метрополией, вынуждая субъекта бывшей колонии «подлаживаться» под сконструированный образ, тем самым лишая его не только авторства в идентификационном проекте, но и закрывая для него возможность получить признание, перестать быть незаметным, что чревато эскалацией конфликта. В качестве примера приведем ситуацию, когда демонстрации в арабских странах против карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованных в датской газете «Jyllands-Posten» осенью 2005 г., чуть не переросли в столкновение цивилизаций. Правомерно отметить, что участники протестных акций реагировали не столько на карикатуру, сколько на стоящий за нею образ Запада, сконструированный определенным идеологическим воззрением. Созданная СМИ картина западной реальности искажена не меньше, чем западное видение Востока [2, с. 33].

Чувство превосходства и вера в наличие священной миссии приобщения Другого к правильной культуре — основополагающие позиции европейского самосознания. Целесообразно подчеркнуть, что для просвещенной Европы возможность действовать с позиции свободной воли и использовать ее как «самозаконодательство» с необходимостью требует самоопределиться, т. е. отграничить себя от других, что, в процессе колонизации мира, порождает вопрос о способностях других к такому же «самозаконодательству». В итоге это приводит к применению «легитимной силы» по отношению к другим, которая на практике имеет тенденцию превращаться в насилие. Следовательно, свободная воля в процессе осуществления политического действия «невозможна без разграничений с “иным” и уже поэтому предполагает ту или иную форму и степень насилия» [7, с. 47]. Поэтому, как писал Ф. Фанон: «Колониализм — это вовсе не машина, обладающая искусственным интеллектом, не тело, наделенное мыслительными способностями. Колониализм есть просто воплощение насилия, и он уступает, только сталкиваясь с еще большим насилием» [8].

Деколонизация и революции XX в. связаны с насилием. Если раньше агрессором был только захватчик, то сейчас им становится угнетенный.

Насилие угнетенного оправдано столетиями порабощения диктатом другой страны. Однако, из-за осознания оправданности своих насильственных действий, колонизированный не чувствует вину, которую ему приписывает доминирующая культура колонизатора. Признание своей невинности вопреки европейской морали усиливает разрыв между преобладающей идентичностью угнетенного и его реальным «Я». Отметим заочную полемику М. Ганди и Ф. Фанона. С точки зрения М. Ганди, получается, что ненасилие не может быть отождествлено с непотворением, напротив, такое ненасилие — это «война», в которой насилие эквивалентно морали. Так, например, организованный М. Ганди бойкот английским товарам как метод прямого экономического давления неминуемо должен был вызвать «некоторые потрясения», сопровождающиеся невинными жертвами [9, с. 468]. С другой стороны, Ф. Фанон, настаивая на радикальных мерах по разрушению структуры колониального мира, отмечал, что против замкнутого мира, «пронизанного различного рода запрещенными надписями», можно выступить, только прибегнув к абсолютному насилию, которое в итоге обернется настоящим сотворением нового человека [8]. Таким образом, ненасилие М. Ганди и абсолютное насилие Ф. Фанона представляют собой равнодействующие силы, бьющие в «сердцевину» колониального мира.

Формальное освобождение стран Африки, Азии, Среднего Востока и Латинской Америки не означает их избавление от зависимости от Запада. Не только потому, что «угнетенный все еще не может говорить» [8]. Страны Востока, хранящие культуру метрополии, оказываются в ситуации «самоколонизации», поскольку их преобладающая идентичность связана с идентичностью колонизатора. Борьба за независимость не тождественна «деколонизации», которая в реальности свелась к замене верховной власти при сохранении прежних социально-политических и экономических институций, что привело к закреплению неравных отношений, увеличив конфликтность и усилив миграцию. Причинно-следственная связь деколонизации и интенсивность миграционных волн, их неконтролируемость вскрывает опасность «толерантного» разума современного человека: заявления об открытости Европы уживаются с фактической неспособностью реализовать эту открытость. Толерантность трансформируется в пассивную позицию дистанцирования от Другого, лишение его инаковости.

В постколониальном мире взаимоотношения «Я» и «Другой» отягощены *ressentiment*. Ф. Фанон сквозь психоаналитическую оптику раскрывает травмированное (пост)колониальное сознание. Европейец заставлял угнетенного испытывать вину за преступление против порядка, устроенного Богом, и пренебрежение моралью колонизатора. Однако вина не свойственна не только колонизатору, который видит в угнетении священную миссию, но и представителю периферии, который ощущает несправедливость порабощения. Доминирующим чувством угнетенного оказывается зависть, потому что идентичность колонизатора для него ближе, чем своя истинная идентичность.

Зависть и чувство неполноценности, как следствие, способствуют «расщеплению» сознания угнетенного. Метрополия — это монолингвистичная, монокультурная субъектность, постколония — это би- или трилингвистичная, мультикультурная субъектность, только недавно получившая право быть

субъектом и имеющая дистанцию между преобладающей идентичностью и реальным «я». Именно разрыв между истинной идентичностью и преобладающей идентичностью колонизатора рождает чувство собственной неполноценности и зависти. Угнетенный пребывает в пространстве «между», в пограничье размытых культурных различий и наслоения идентичностей, где не работает бинарная логика «Я/Другой». Как минимум две идентичности угнетенного, воспринимаемые как конфликтные, образуют культурные разрывы, приводящие к постколониальной травме и «расщепленности» сознания представителя бывшей колонии.

Таким образом, разрешение проблемы двух идентичностей видится возможным только с отказом от навязанной идентичности в пользу истинной. Целесообразно подчеркнуть, что истинная идентичность — национальная — все равно мыслится гибридной, а не «чистой». Исходя из факта преодоления колониальной и империалистической зависимостей на базе национального самосознания, стратегией обретения самости для постколониальных обществ становится национализм, подчас в радикальной форме. Усиление националистических настроений — один из специфических «маркеров» глобализирующегося постколониального мира, его обратная сторона. Говоря о социальных последствиях повышения значимости национальной идентичности, в первую очередь обращают внимание на негативные явления, а именно — на многочисленные межнациональные конфликты, развернувшиеся сегодня во многих странах мира вне зависимости от их социально-экономического положения. Однако недостаток национальных чувств вредит ничуть не меньше, чем их избыток. Феномен этнического возрождения имеет глубокие психологические основы. Преодоление постколониального комплекса полностью невозможно за счет придания национальной идентичности статуса доминирующей, т.к. высок риск радикализации и эскалации насилия. Необходимо осуществлять переход к национальному сообществу при сохранении суверенности и горизонтальности во взаимоотношениях с бывшей метрополией. Мир национальных сообществ должен быть полицентричным миром, в котором сообщества стремятся к сохранению суверенности, но не к экспансии, к горизонтальности в политике вместо династической горизонтали власти.

Список литературы

1. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. Cambridge; Polity, 2012.
2. Сидоренко И.Н. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
3. Фукуяма Ф. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
4. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле, 2016. 416 с.
5. Бхабха Х. *Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2005. № 3–4. С. 161–191.
6. Саид Э. *Ориентализм*. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 637 с.
7. Капустин Б.Г. *Критика политической философии: избранные эссе*. Москва: Территория будущего, 2010. 424 с.
8. Фанон Ф. *О насилии // Цветков А. Антология современного анархизма и левого радикализма*. Т. 2. Москва: Ультра, Культура, 2003. С. 4–20.
9. Ганди М.К. *Революция без насилия*. Москва: Алгоритм, 2012. 480 с.

References

1. Kaldor M. *New and Old Wars: organized violence in a global era*. Cambridge: Polity; 2012.
2. Sidorenko IN. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu*. Minsk: BGU, 2017. (In Russ.)
3. Fukuyama F. *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatya; pers angl*. Moscow: Al'pina Publisher; 2019. (In Russ.)
4. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. (In Russ.)
5. Bkhabkha Kh. *Mestonakhozhdenie kul'tury. Perekrestki: Zhurnal issledovani vostochnoevropeiskogo pogranch'ya*. 2005;(3–4):161–191. (In Russ.)
6. Said E. *Orientalizm*. Saint Petersburg: Russkii Mir; 2006. (In Russ.)
7. Kapustin BG. *Kritika politicheskoi filosofii: izbrannye esse*. Moscow: Territoriya budushchego; 2010. (In Russ.)
8. Fanon F. *O nasilii*. In: Tsvetkov A. *Antologiya sovremennogo anarkhizma i levogo radikalizma*. Vol. 2. Moscow: Ul'tra, Kul'tura; 2003. P. 4–20. (In Russ.)
9. Gandi MK. *Revolutsiya bez nasiliya*. Moscow: Algoritm; 2012. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина Николаевна Сидоренко — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; eLibrary SPIN: 2893-4427. **E-mail:** Iri_na2000@rambler.ru

---

Information about the author

Irina N. Sidorenko — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University, Minsk, Belarus; eLibrary SPIN: 2893-4427. **E-mail:** Iri_na2000@rambler.ru

Бриколаж и «текущая идентичность» постмодерна

Т.В. Лемешова

Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Лемешова Т.В. Бриколаж и «текущая идентичность» постмодерна // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.8>

Аннотация. В статье рассмотрена постмодернистская концепция «текущей идентичности». В контрасте с классическим пониманием устойчивой идентичности личности, представлены постмодернистские тенденции, которые подчеркивают нестабильность и фрагментированность идентичности. Раскрыты ключевые черты этой идеи, такие как деконструкция и утрата ядра идентичности, плюрализм и множественность идентичностей, а также влияние цифровых технологий на формирование и выражение идентичности. Концепция бриколажа К. Леви-Стросса позиционирована как механизм, объясняющий процесс создания «текущей идентичности». Фиксируется смена устоявшихся парадигм на более гибкий и индивидуальный способ восприятия и выражения личности в современном мире.

Ключевые слова: идентичность; «текущая идентичность»; постмодерн; бриколаж; деконструкция; плюрализм идентичностей.

Bricolage and the «Fluid Identity» of Postmodernism

T.V. Lemiashova

Republican Institute of Higher Education of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Lemiashova T.V. Bricolage and the «Fluid Identity» of Postmodernism. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):45–49. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.8>

Abstract. This article explores the postmodern concept of «fluid identity». In contrast to the classical understanding of stable personal identity, the article presents postmodern tendencies that emphasize the instability and fragmentation of identity. The key features of this idea are elucidated, such as the deconstruction and loss of the core of identity, the pluralism and multiplicity of identities, and the influence of digital technologies on identity formation and expression. The concept of bricolage by Claude Lévi-Strauss is positioned as a mechanism that explains the process of creating a «fluid identity». The shift from established paradigms to a more flexible and individual way of perceiving and expressing identity in the contemporary world is noted.

Keywords: identity; «fluid identity»; postmodernism; bricolage; deconstruction; pluralism of identities.

В классическом понимании идентичность личности обладает устойчивыми и четкими характеристиками. В постмодернистской философии и культуре границы идентичности размываются, а она сама рассматривается как нестабильное и фрагментированное явление, которое текуче и может бесконечно трансформироваться. В этой связи в словаре современной эпохи появляются понятия «подвижная идентичность», «текучая идентичность», «жидкая идентичность», которые отражают идею о том, что идентичность больше не является фиксированной или стабильной, а скорее постоянно меняется и находится под влиянием различных социальных, культурных и индивидуальных факторов. По мнению З. Баумана: «Скорее есть “стулья с музыкой” различных размеров и стилей, число и положение которых меняется; они побуждают мужчин и женщин постоянно находиться в движении и не обещают никакого “осуществления”, покоя или удовлетворения от “прибытия”, от достижения пункта назначения, где можно разоружиться, расслабиться и прекратить волноваться» [1, с. 39].

В преодолении и модерне человек в процессе формирования идентичности искал опоры в реальности, которая была стабильна и предсказуема. В постмодерне реальность заменяется гиперреальностью, которая текуча и эфемерна. В рамках гиперреальности может быть создана только текучая, ускользающая, виртуальная и симулятивная идентичность.

Ключевыми особенностями идентичности в постмодерне становятся *деконструкция и утрата ядра*. В контексте идентичности Ж. Деррида указывает на то, что наше понимание себя и других, а также культурных аспектов строится в первую очередь на языковых конструкциях и символах, которые изменчивы и многозначны. Идентичность, которую мы признаем, зависит от нашего языкового опыта и контекста, и она всегда открыта пересмотру и деконструкции. «В языке никто себе не тождествен: каждый находится в процессе обретения идентичности, никогда не завершающемся» [2, с. 48]. Идентичность — это процесс постоянного становления себя через взаимодействие с Другим и миром: «...“индивидуализация” состоит в преобразовании человеческой “идентичности” из “дано” в “найти”» [1, с. 39].

Плюрализм и множественность, которые допускают существование множественных идентичностей личности, также характеризуют постмодерн. Распад метанарративов, которые определяли идентичность народов, культур и цивилизаций, позволяет нам идентифицироваться с разными культурными, социальными или политическими контекстами. Современные новые формы социальности становятся более гибкими и децентрализованными, способствуя созданию сложных многообразных идентичностей. Согласно М. Маффесоли, современное общество перешло из фазы массового общества в фазу неоплемен. Неоплемена — это небольшие группы, образованные на основе общности интересов, символов и ценностей. Они связаны с более живыми, спонтанными и непосредственными формами социальной организации. «“Племя” лишено жесткости форм организации, с которыми мы знакомы; это больше относится к определенной атмосфере, состоянию души, и предпочтительнее выражать это через образ жизни, благоприятствующий внешнему виду и “форме”» [3, р. 98]. Неоплемена могут быстро возникать и распадаться, их существование зависит от конкретных

контекстов и социокультурных динамик. Новые формы социальности задают *процессуальность* идентичности, предполагая ее постоянные изменения и пересмотр.

Плюрализм идентичностей раскрывается через понятия «игра» и «маскарад»: люди предстают перед окружающим миром в различных ролях и персонажах, которые могут быть созданы для удовлетворения социальных ожиданий, получения признания или преодоления конкретных ситуаций. Индивидуумы могут менять свои идентичности в различных контекстах или взаимодействиях, чтобы соответствовать определенным образцам поведения или культурным стереотипам. Как отмечает Ж. Лакан: «Человек — это субъект, центр которого смещен (*décentré*), и что причиной тому вовлеченность человека в игру символов, включенность его в мир символический» [4, с. 71].

В массовой культуре постмодернизма идентичность становится *объектом потребления, комодификации и маркетинга*. Культура, стиль жизни и социальная идентичность становятся товаром, который продается и распространяется. «Супермаркет стилей» — это выражение, которое широко используется в контексте моды и стиля для описания места или ситуации, где предлагается широкий ассортимент различных модных направлений, стилей одежды, аксессуаров и других элементов моды. Теоретик моды Т. Полхемус использует понятие «супермаркет стилей» применительно к понятию «идентичность». В современных условиях, выбирая элементы из различных эпох, культур и традиций, мы получаем возможность создавать уникальную идентичность. В обычном супермаркете на бесконечных полках стоят банки с супом, в супермаркете стиля представлены различные стили: «... британский панк примерно 1976 года стоит на полке рядом с американским битником 1950-х годов или поздним ямайским рейвом» [5, с. 150].

Цифровизация идентичности связана с развитием цифровых технологий и социальных медиа, которые также способствуют нестабильности, фрагментарности и подвижности идентичности. Интернет-технологии и виртуальная среда предоставляют индивидуальности широкие возможности для самовыражения и самопрезентации. Это может привести к формированию виртуальной личности или образа «Я», который очень отдаленно напоминает реальную личность человека. Виртуальная личность может быть идеализированной версией себя, созданной на основе лучших качеств и черт, без недостатков и ограничений реальной жизни. Социальные медиа, онлайн-платформы, виртуальные миры и другие аспекты интернета позволяют пользователям создавать и управлять своим виртуальным образом, выбирая, какими аспектами своей жизни делиться. Как правило, это идеальные фотографии, радостные события, профессиональные достижения и т. п. Человек показывает виртуальному сообществу те события своей жизни, которые определяют его как человека успешного.

Виртуальная реальность позволяет примерить принципиально иную идентичность. Технологии VR и AR позволяют пользователям создавать виртуальных аватаров и взаимодействовать с ними, получая уникальный опыт, который, как правило, недоступен в физическом мире. Все это формирует новые социальные взаимодействия в виртуальных или дополненных мирах,

что приводит к новому осмыслению себя, развитию самооценки, уверенности, социальных навыков. Иммерсивный опыт влияет на восприятие реальности и размывает границу между виртуальным и реальным миром, что неизбежно ставит вопрос об истинной идентичности и факторов, определяющих реальность, в которой функционирует личность.

Еще одна возможность цифрового мира, которая соответствует духу постмодернизма, — фейковые личности. Постмодернизм акцентирует внимание на множественности, разнообразии, размытости границ, сомнениях в универсальных истинностях, разрушении метанарративов и признании ценности локальных историй, взглядов и интерпретаций. В таком контексте создание фейковых идентичностей становится одним из выражений постмодернистской специфики. Люди играют с идентичностью, создают вымышленные персонажи, виртуальные личности или поддельные образы себя, которые не соответствуют реальной личности. Это есть проявление сарказма, сознательного исследования различных ролей и личностных аспектов. В постмодернизме идентичность становится «игрой» с символами, знаками и ролями, а фейковые идентичности отражают этот процесс. Важно учитывать, что в данном контексте «фейковость» не обязательно означает обман, а выступает как один из возможных способов выражения себя и взаимодействия с культурой.

Постмодернистское понимание идентичности не подразумевает отрицание или сомнение в ее существовании. Под вопрос ставится стабильность и абсолютность идентичности, акцентируется ограниченность человека обществом и языком. Важным является вопрос механизма формирования такой текучей, подвижной идентичности. Автор предполагает, что для характеристики данного процесса подходит концепция бриколажа К. Леви-Стросса. Термин «бриколаж» взят из мира ремесла и означает использование имеющихся материалов и инструментов для создания чего-либо нового. К. Леви-Стросс применил этот термин к анализу культурных явлений, утверждая, что культура, как бриколер или ремесленник, собирает, комбинирует и переиспользует элементы из разных источников, чтобы создать новые символы, значения и смыслы. Ключевой идеей концепции является то, что люди в своей деятельности и творчестве используют имеющиеся материалы, знания и образцы, чтобы создавать что-то новое. «В наши дни бриколер — это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом» [6, с. 126]. Культурные и социальные явления подобны бриколажу, где элементы из разных контекстов могут быть объединены для создания новых значений и смыслов. В рамках этой концепции бриколаж может проявляться в разных сферах, таких как искусство, наука, технологии и общество. Процесс бриколажа подразумевает, что творчество и инновации могут возникнуть из комбинирования уже существующих элементов. Элементы, взятые из разных культурных источников, получают новый смысл в новом контексте, который отличается от их исходного значения и позволяет создавать новые символы, значения и идеи, объединяя разнородные элементы. Бриколаж — это возможность постоянно меняться через импровизацию и адаптацию существующих элементов. В отношении создания идентичности бриколаж подразумевает,

что люди могут формировать свою идентичность, объединяя разнообразные элементы, значимые для них: культурные символы, интересы, ценности, образы и т. п.

Резюмируя, необходимо отметить, что в свете постмодернистской философии идея «текучей идентичности» связана с осознанием множественности проявлений и сложности личности человека. В цифровой эпохе идентичность становится неотделимой от виртуальной реальности, где создание аватаров и переживание альтернативного опыта расширяет границы того, как мы понимаем и проявляем себя. Концепция бриколажа К. Леви-Стросса представляет собой подходящий инструмент для объяснения механизма создания «текучей идентичности» в постмодернистском контексте. Подобно ремесленнику люди собирают разнообразные элементы своей идентичности, создавая уникальное и многомерное выражение самих себя в условиях постоянных изменений и возможностей.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
2. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.
3. Maffesoli M. The time of the tribes: the decline of individualism in mass society. London: SAGE Publications Ltd, 1996. 176 p.
4. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа (1954/1955). Москва: Гнозис/Логос, 1999. 520 с.
5. The clubcultures reader: readings in popular cultural studies. Oxford: Blackwell, 1998. 230 p.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. Москва: Республика, 1994. 384 с.

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. Saint Petersburg: Piter; 2008. (In Russ.)
2. Avtonomova NS. Filosofskii yazyk Zhaka Derrida. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); 2011. (In Russ.)
3. Maffesoli M. The time of the tribes: the decline of individualism in mass society. London: SAGE Publications Ltd; 1996.
4. Lakan Zh. «Ya» v teorii Freida i tekhnike psikhoanaliza (1954/1955). Moscow: Gnozis/Logos; 1999. (In Russ.)
5. The clubcultures reader: readings in popular cultural studies. Oxford: Blackwell; 1998.
6. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie. Moscow: Respublika; 1994. (In Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Лемешова — кандидат политических наук, заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь; eLibrary SPIN: 5928-1620. E-mail: apriori3030@yandex.ru

---

Information about the author

Tatyana V. Lemishova — Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Philosophy and Methodology of University Education of the Republican Institute of Higher Education, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 5928-1620. E-mail: apriori3030@yandex.ru

Биоэтика vs генетика

И.П. Гетманов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Поступила в редакцию: 04.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Гетманов И.П. Биоэтика vs генетика // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.9>

Аннотация. Рассматриваются философские проблемы биоэтики в контексте развития генетики, микробиологии, медицины. Выделяются положительные и отрицательные стороны генных модификаций, клонирования организмов, экстракорпускулярного оплодотворения. Делается вывод, что благодаря развитию биологии и медицины, в зависимости от того, в чьих руках находятся научные достижения, генная инженерия может работать как на благо, так и во вред человеку.

Ключевые слова: биоэтика; генетика; мораль; ДНК; РНК; ГМО; ЭКО; генная инженерия; автоэволюция.

Bioethik vs Genetik

I.P. Getmanov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Original article submitted: 04.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Getmanov I.P. Bioethik vs Genetik. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):50–55. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.9>

Abstract. Philosophical problems of bioethics in the context of the development of genetics, microbiology, medicine are considered. The positive and negative sides of gene modifications, cloning of organisms, extracorporeal fertilization are highlighted. It is concluded that thanks to the development of biology and medicine, depending on whose hands scientific achievements are in, genetic engineering can work both for the benefit and to the detriment of man.

Keywords: bioethics; genetics; morality; DNA; RNA; GMO; ECO; genetic engineering; autoevolution.

Биоэтика возникла в середине XX века и представляет собой междисциплинарную область исследований моральных проблем, появляющихся в процессе развития биологической и медицинской науки и практики. В сферу влияния биоэтики вовлекаются разделы философии, такие как этика, аксиология, социальная философия, а также биологические и медицинские науки [1]. Биоэтика решает проблему взаимодействия научных исследований с индивидом

и обществом в целом. Биоэтика занимает важнейшее место в решении философского вопроса о моральной ответственности исследователя за процесс и результат своего труда.

Стремительное развитие генетики во второй половине XX и первой четверти XXI веков связано как с самой логикой развития науки, так и с решением насущных проблем человечества [2]. Речь идет о решении проблем в области медицины и повышения продуктивности животноводства и земледелия с целью повышения качества жизни людей и выживания человечества. Важно заметить, что новые открытия в области медицины и биологии порождают новые этические проблемы, требующие не только философского осмысления, но и правового регулирования — возрастает значимость правовых наук.

Известно немало примеров, когда исследователи, осознавая общественную опасность новых научных открытий, прекращали свои исследования. Наиболее известные случаи произошли в США. Так, в 1969 году Дж. Шапиро и Дж. Беквит, выделившие ген, прекратили свои исследования, так как посчитали, что их открытие может навредить человечеству. Другой пример из 1974 года: научный коллектив, в который входил автор открытия ДНК Дж. Уотсон, предложил ввести запрет на проведение исследований в области генной инженерии. Но вместе с тем по всему миру работают американские лаборатории, в которых не прекращаются микробиологические исследования по получению новых штаммов болезнетворных микроорганизмов.

В чем опасность для человечества в экспериментах с искусственным получением генных модификаций? Структура гена (который является участком ДНК) представляет собой упорядоченную совокупность четырех видов нуклеотидов, которая может изменяться и постоянно изменяется в естественных условиях. Этот процесс называется «наследственная изменчивость», которая является эволюционным фактором и поэтому она (наследственная изменчивость) лежит в основе эволюции на всех уровнях живых систем. Наследственная изменчивость всегда происходит в той или иной степени при образовании половых клеток (мейоз).

Но почему генетики, которым присущ высокий моральный самоконтроль, так опасаются экспериментов с генными модификациями? Уточним, генномодифицированные организмы — это те, в которых внесены такие изменения в структуру ДНК, которые невозможны были бы в природе. Причина в понимании возможности искусственного получения новых нуклеиновых кислот (ДНК, РНК) с непредсказуемыми свойствами. Сами по себе генные модификации не страшны. Если речь идет о продуктах из искусственно генетически модифицированных организмов (ГМО), то следует сказать, что при потреблении пищи питательные вещества точно также расщепляются и идут на жизненные процессы, как и при употреблении обычной пищи.

В живой природе модификации, которые называются на языке биологии микро- и макромутации, происходят непрерывно при мейозе и передаются по наследству. Все это так, но... ученые опасаются случайной возможности создания «нуклеиновых кислот-монстров» (назовем их так), обладающих устойчивостью к расщеплению в пищеварительной системе человека. Тогда продукт из ГМО превращается в рассадник всей молекулы ДНК-монстра или ее фрагмента.

Чтобы была понятна опасность такой ситуации, уточним, что участок цепи ДНК, несущий информацию о структуре белка, это и есть ген. Тогда что получается? Нерасщепленная ДНК продукта, обладающая биохимической сверхактивностью (более высокой способностью к редупликации) по сравнению с ДНК человека, попадая внутрь клетки, будет вести себя как хозяин положения. Это приведет к тому, что в клетке будет синтезироваться чужеродная для конкретного человека РНК, а на ней, как на матрице, будет происходить сборка чужеродного белка, который сам по себе (потому что чужой) является ядом. В лучшем случае это будет протекать как отравление организма, а в худшем — что-то подобное вирусному или онкологическому заболеванию

В научном сообществе звучат постоянные призывы к осознанию моральной ответственности, добровольному самоконтролю и строгому регламентированию исследований в области геной инженерии. Понимая опасность для человечества искусственных модификаций нуклеиновых кислот (ДНК, РНК), генетики с 1975 года на международных конференциях обсуждают данную проблему. Контроль над экспериментами по геному конструированию осуществляет Всемирная организация здравоохранения.

В зависимости от того, в чьих руках находятся научные достижения, геной инженерия может работать как на благо, так и во вред человеку. Геной модификации микроорганизмов, которые стали производить не свойственные им вещества, используются для производства важнейших препаратов для лечения опасных инфекционных заболеваний, в том числе гепатита, полиомиелита, а также таких серьезных патологий, как диабет, гемофилия, карликовость. Вакцины для лечения гриппа и ковида — это тоже продукт геной инженерии. С генетической инженерией связываются надежды на победу над болезнями Альцгеймера, Паркинсона, шизофренией, СПИДом, раком.

Этические проблемы, связанные с клонированием организмов. В живой природе клонирование как способ размножения распространен довольно широко. Из школьного курса биологии нам известно, что это бесполое размножение, при котором образуются генетически идентичные особи. Так размножаются простейшие организмы, довольно широко этот способ размножения распространен в растительном мире (частями растений), в животном мире (партегенез). Примером естественного клонирования человека являются монозиготные близнецы.

По мере развития биологии, особенно ее областей микробиологии и генетики, появляются этические проблемы. В 1952 году исследователи Р. Бриггс и Т. Кинг (США) пересадили ядро соматической клетки лягушки в ее яйцеклетку, из которой удалили ядро, в результате развился головастик — генетическая копия лягушки. В 1962 году Д. Гердон (Англия) продолжил опыт и вырастил полученного таким способом головастика до взрослого состояния. В 1996 году в мировой прессе активно освещался успех генетиков Я. Вилмута и К. Кэмпбелла (Шотландия) по созданию клонированной овечки Долли. В настоящее время в мире клонировано более 20 видов млекопитающих животных, среди которых такие виды, как собаки, кошки, лошади, верблюды, свиньи, козы и др. В Китае клонирование ведется в промышленных масштабах для медицинских исследований. Планируется таким способом наладить выращивание в свиньях отдельных органов для трансплантации человеку.

Важный момент, связанный с биологическими часами. Согласно научной гипотезе, сторонниками которой является немало биологов, если особь начала свой жизненный путь с безъядерной яйцеклетки, в которую было внедрено ядро соматической клетки, то отсчет начинается с возраста материнского организма. Эта гипотеза подтверждалась еще в ходе эксперимента с созданием овечки Долли. У нее уже в «детском» возрасте наблюдались болезни взрослой овцы, прожила она шесть лет, в то время как овцы живут 12 лет. Вопрос морали: имеем ли мы право на создание клона, который начнет отсчет своей жизни с возраста донора ядра соматической клетки?

Технологии клонирования представляются ценными в случае клонирования животных, занесенных в Красную книгу, или возрождения вымерших животных. В СМИ периодически возникают всплески по обсуждению возможного клонирования мамонтов. В Якутске в 1991 году был создан Всемирный музей мамонта, который с 2011 года относится к Северо-Восточному федеральному университету. В музее хранятся более 3000 экземпляров ископаемых останков животных ледникового периода, там находится самый знаменитый и сохранившийся за всю историю палеонтологии мамонтенок Юка. В данном научном центре развивается такая область генетики, как палеогенетика. Предметом данной науки является изучение образцов древней ДНК. Интересен факт, что фрагменты нераспавшихся белков и ДНК обнаружены даже в останках динозавров, мастодонтов и моллюсков возрастом до сотен миллионов лет.

Многие научные центры мира разрабатывают амбициозные планы возрождения вымерших животных с помощью методик клонирования. В случае с мамонтом, суррогатной матерью может стать слониха. Как видим, даже в случае с клонированием животных появляются этические проблемы. Решение проблемы воскрешения ушедших с арены жизни животных имеет благородный мотив, но и здесь есть темная сторона морального права: клонированный организм заведомо обрекается на ранние болезни и смерть.

Биоэтическим проблемам применения генных технологий к воспроизводству, лечению и совершенствованию организма человека посвящено множество работ [3–5]. Что касается клонирования человека, то это запрещено Конвенцией ЮНЕСКО от 1997 года. Но, как известно, для науки такие запреты не являются абсолютными. В настоящее время случаи клонирования имеются. Информация о первой клонированной девочке, проживающей в Израиле, появилась в конце 90-х годов XX века.

Экстракорпускулярное оплодотворение также порождает множество моральных вопросов и проблем. Если при ЭКО берется яйцеклетка жены и сперма мужа, в этом случае моральных проблем нет. Но в ситуации, когда женщина бесплодна и яйцеклетку берут донорскую, то моральная проблема налицо. Точно так же, когда зародыш эмбрион внедряется суррогатной матери. Тут возникают вопросы не только морали, но и юридические, кого считать матерью. Тем не менее суррогатное материнство разрешено во многих странах [5].

С 2001 года появляется проблема детей от трех родителей, связанная с технологией митохондриального замещения. Как известно, в яйцеклетке есть не только ядерная ДНК, но и митохондриальная ДНК. Некоторые наследственные заболевания обусловлены генетической патологией митохондриальной ДНК. В этом случае берется ядро яйцеклетки одной женщины и погружается

в безъядерную яйцеклетку другой, у которой все нормально с митохондриальной ДНК. Иными словами, здоровые митохондрии от донора, ядро собственное, оплодотворение ЭКО спермой мужа. В этом случае ребенок рождается с наследственным материалом от одного мужчины и двух женщин. Учитывая, что количество генетического материала в митохондриях составляет 0,0005 % от ДНК, находящейся в ядре, вполне логично считать вторую женщину донором цитоплазмы, в которой, конечно, присутствует митохондриальная ДНК. В этой ситуации есть еще один моральный аспект. Фактически происходит генетическая модификация, которая запрещена законодательно во многих странах.

Кроме рассмотренных биоэтических аспектов, связанных с развитием генетики, в настоящее время также активно разрабатываются и внедряются в практику технологии редактирования генома взрослого человека с целью лечения некоторых наследственных заболеваний.

Как видим, благодаря развитию биологии и медицины, в зависимости от того, в чьих руках находятся научные достижения, генная инженерия может работать как на благо, так и во вред человеку. Так, генные модификации микроорганизмов используются для лечения опасных инфекционных заболеваний. Технологии клонирования могут решить проблему воскрешения ушедших с арены жизни животных, размножения редких и исчезающих видов. Генная инженерия позволяет избавиться от патологических генов. Происходящий процесс замены естественной эволюции человека на автоэволюцию, которая является научно-технической эволюцией, порождает множество этических проблем.

Список литературы

1. Бирюкова М.В. Интеграция знаний в биоэтике: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2004.
2. Саямов Ю.Н. Биоэтика и глобальные вызовы. Документы и размышления. Москва: Вече, 2020. 672 с.
3. Новицкая Т.Е. Трансформационный потенциал вспомогательных репродуктивных технологий в контексте реконфигурации семейно-родственных связей: на примере России и Беларуси // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека: сборник научных статей. К 70-летию Павла Дмитриевича Тищенко / под ред. Е.Г. Гребенщиковой, Б.Г. Юдина. Москва: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. С. 80.
4. Майленова Ф.Г. Улучшенный человек грядущего будущего: по мотивам романа Сергея Лукьяненко «Геном» // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека: сборник научных статей. К 70-летию Павла Дмитриевича Тищенко / под ред. Е.Г. Гребенщиковой, Б.Г. Юдина. Москва: Издательство Московского гуманитарного университета; 2017. С. 95.
5. Тищенко П.Д. Биотехнологическое улучшение человека в мире консьюмеризма // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека: сборник научных статей. К 70-летию Павла Дмитриевича Тищенко / под ред. Е.Г. Гребенщиковой, Б.Г. Юдина. Москва: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. С. 106.

References

1. Biryukova MV. Integratsiya znaniy v bioetike [abstract dissertation]. Barnaul; 2004. (In Russ.)
2. Sayamov YuN. Bioetika i global'nye vyzovy. Dokumenty i razmyshleniya. Moscow: Veche; 2020. (In Russ.)

3. Novitskaya TE. Transformatsionnyi potentsial vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii v kontekste rekonfiguratsii semeino-rodstvennykh svyazei: na primere Rossii i Belarusi. In: Bioetika i biotekhnologii: predely uluchsheniya cheloveka: sbornik nauchnykh statei. K 70-letiyu Pavla Dmitrievicha Tishchenko. Ed. by E.G. Grebenshchikov, B.G. Yudin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta; 2017. P. 80.
4. Mailenova FG. Uluchshennyi chelovek gryadushchego budushchego: po motivam romana Sergeya Luk'yanenko «Genom» In: Bioetika i biotekhnologii: predely uluchsheniya cheloveka: sbornik nauchnykh statei. K 70-letiyu Pavla Dmitrievicha Tishchenko. Ed. by E.G. Grebenshchikov, B.G. Yudin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta; 2017. P. 95.
5. Tishchenko PD. Biotekhnologicheskoe uluchshenie cheloveka v mire kons'yumerizma In: Bioetika i biotekhnologii: predely uluchsheniya cheloveka: sbornik nauchnykh statei. K 70-letiyu Pavla Dmitrievicha Tishchenko. Ed. by E.G. Grebenshchikov, B.G. Yudin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta; 2017. P. 106.

Информация об авторе

Иван Петрович Гетманов — доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Россия; eLibrary SPIN: 5029-5747. **E-mail:** igetmanov@mail.ru

---

Information about the author

Ivan P. Getmanov — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia; eLibrary SPIN: 5029-5747. **E-mail:** igetmanov@mail.ru

Эволюционный взгляд на предвидение в области искусственного интеллекта

О.И. Елхова, А.Ф. Кудряшев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Елхова О.И., Кудряшев А.Ф. Эволюционный взгляд на предвидение в области искусственного интеллекта // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.10>

Аннотация. В статье анализируется задача научного предвидения в области искусственного интеллекта (ИИ) и оценивается возможность прогнозирования развития ИИ на ближайшие десятилетия. Основываясь на эволюционной модели ИИ, авторы предполагают, что ИИ вписывается в эволюционное развитие человека, а опора на идеи номогенеза, впервые представленного в 1922 году биологом Л.С. Бергом, позволяет им утверждать, что принятие концепции устойчивых закономерностей эволюции создает принципиальную возможность предсказывать некоторый диапазон предстоящих в ее результате изменений. Рассматривается также вопрос о передаче человеком функций предвидения созданному им ИИ, особенно в тех разделах науки и техники, где принятие решений требует усложненного анализа будущих возможных исходов. Приводится веская аргументация в пользу того, что предвидение развития ИИ в принципе возможно, хотя и с некоторой степенью вероятности, что настраивает на оптимистический лад исследователей в различных областях человеческой деятельности, в которых ИИ уже нашел или еще найдет свое применение.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); номогенез; эволюционная модель искусственного интеллекта; эволюция; система «человек — искусственный интеллект».

An evolutionary view of foresight in the field of artificial intelligence

O.I. Elkhova, A.F. Kudryashev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Elkhova O.I., Kudryashev A.F. An evolutionary view of foresight in the field of artificial intelligence. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):56–66. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.10>

Abstract. The article analyzes the task of scientific foresight in the field of artificial intelligence (AI) and assesses the possibility of predicting AI development in the coming decades. Based on an evolutionary model of AI, the authors hypothesize that AI fits into the evolutionary development of humans. Drawing on the ideas of nomogenesis, first introduced by biologist L.S. Berg in 1922, they argue that embracing the concept of stable evolutionary patterns creates a fundamental possibility to predict a certain range of forthcoming changes as a result. The question of transferring the function of foresight from humans to AI is also examined, particularly in areas of science and technology where decision-making necessitates complex

analysis of future potential outcomes. Strong arguments are presented in favor of the possibility of predicting AI development in principle, although with some degree of probability. This optimistic view aligns with researchers across various domains of human activity in which AI has already found or will yet find its application.

Keywords: artificial intelligence (AI); nomogenesis; evolutionary model of artificial intelligence; evolution; «human — artificial intelligence» system.

Введение

Развитие искусственного интеллекта стало одним из наиболее актуальных направлений научных исследований и технических разработок в современном мире. Сфера применения ИИ предстает широкой и разнообразной, включающей многие области жизнедеятельности человека. В связи с этим мы выделим направление исследований, сосредоточенных вокруг вопроса о возможности предвидеть будущее развитие систем ИИ. Острота вопроса подчеркивается тем, что он является предметом активных дискуссий и споров среди ученых, ведь предсказание событий, связанных с развитием ИИ, представляется чрезвычайно сложной задачей, и многие ученые, даже не склонные к пессимизму, полагают ее не разрешимой полностью, по крайней мере, в ближайшем будущем. Тем не менее на данный момент существуют разные точки зрения относительно прогнозирования будущего ИИ. В частности, есть исследователи, которые защищают тезис о принципиальной возможности предсказания будущего развития ИИ. Авторы статьи разделяют этот тезис, опираясь на методологию эволюционного подхода в его варианте, восходящем к идеям номогенеза. Ключевой идеей последнего является предположение о закономерном характере эволюции, что делает возможным предсказание будущего развития ИИ на основе наблюдения его прошедших эволюционных изменений. Кроме того, необходимо продолжить рассмотрение вопроса о возможности предвидеть развитие ИИ, взяв сам ИИ в качестве субъекта такого предвидения. Неминуемость данного аспекта исследований становится очевидной при решении задачи конструирования самообучающихся систем искусственного интеллекта.

Целями данной статьи являются:

Во-первых, представление и обоснование альтернативного пессимистическому взгляда на проблему предвидения развития ИИ, а именно: рассмотрение эволюционной модели ИИ, исследование возможности предсказания будущих изменений с учетом закономерностей и тенденций, выявляемых в прошлых эволюционных событиях, обсуждение вопроса о субъектах, причастных к эволюции и к предсказанию ее результатов: субъекте эволюции, а также возможном планировщике производимых изменений и субъекте-исследователе, стремящемся предвидеть будущее эволюции.

Во-вторых, исследование и анализ ключевых аспектов предвидения в искусственном интеллекте, рассмотрение различных методов и техник, используемых системами ИИ для прогнозирования будущих событий, и оценка их применимости и эффективности в реальном мире.

I. Особенности предвидения в эволюционной модели искусственного интеллекта

Диапазон задач научного предвидения в области ИИ простирается от определения учеными магистральных путей развития систем ИИ до передачи функций прогностической деятельности самим системам ИИ. Большинство исследователей считает, что предсказывать события относительно того, как в ближайшие 20–30 лет будет развиваться ИИ, не только чрезвычайно сложно, но и невозможно. Так, американский изобретатель и писатель-футуролог Р. Курцвейл, известный своими уже сбывшимися предсказаниями относительно развития искусственного интеллекта, полагает, что после года технологической сингулярности, определяемого им как 2045 год, прогнозировать что-либо в связи с ИИ станет практически невозможно [7]. Почему, собственно говоря? Ведь системы ИИ конструируются с определенными целями и для выполнения определенных функций, т. е. разработчики систем ИИ знают, что делают и могут предвидеть многое из того, что получится у них в итоге. Поэтому мы придерживаемся иной точки зрения, отличной от мнения Р. Курцвейла [12]. В обоснование своей позиции мы рассматриваем эволюционную модель ИИ, в которой ИИ вписан в продолжающееся эволюционное развитие человека и человеческой популяции. Точнее говоря, речь идет о том, что эволюции подвержена уже система «человек — искусственный интеллект», в рамках которой ее компоненты мыслятся как находящиеся в совместном эволюционирующем единстве. В современную эпоху, отмеченную цифровизацией и стремительным развитием технологий, мы сталкиваемся с новой реальностью, когда происходит все более тесное слияние естественного и искусственного интеллекта в гибридных системах. Синергия этих двух видов интеллекта становится определяющей для эффективности и безопасности функционирования гибридной системы.

В настоящее время развиваются бионические подходы к гибриднему человеко-машинному интеллекту, представляющие собой стратегию разработки и усовершенствования систем искусственного интеллекта, способных сотрудничать с человеком на более естественном и эффективном уровне [15]. Бионические подходы предоставляют уникальную возможность учиться у природы и интегрировать ее принципы в гибридные системы. Таким образом, слияние человека и машины в гармоничную единую систему становится более эффективным, надежным и устойчивым. Разработки направлены на создание интегрированных, адаптивных и усовершенствованных систем, путем объединения лучших аспектов естественной и искусственной интеллектуальности [2, 3]. Технологии искусственного интеллекта расширяют границы человеческих возможностей, предоставляя новые инструменты и способы для решения сложных задач и развития в различных сферах жизни человека. Осуществляется попытка объединения преимуществ человеческой интеллектуальности, включая творческие способности, с возможностями и точностью искусственных систем. Так, философ Н.В. Хамитов и кибернетик С.А. Зобин в своих работах рассматривают вопрос об интеграции искусственного интеллекта в эволюцию человека [14].

Одной из ключевых задач в этом процессе становится гармонизация взаимодействия между человеком и машиной в рамках эрготехнических систем, ориентированных на обеспечение эффективной и безопасной работы человека в среде. Главное внимание в исследованиях уделяется разработке мягких моделей взаимодействия, способных адекватно реагировать на изменяющиеся условия и предотвращать нежелательные последствия.

Важным аспектом в разработке гибридного человеко-машинного интеллекта является универсальность и способность выполнять разнообразные задачи. Это обеспечивается адаптивными гибридными интеллектуальными схемами управления, которые объединяют в себе алгоритмы традиционного логического мышления и принципы нечеткой логики.

Среди результатов бионических подходов к системам с искусственным интеллектом следует отметить создание нейрокомпьютерных интерфейсов, которые позволяют записывать и интерпретировать электрическую активность мозга человека для управления техническими системами, что может быть полезным для людей с ограниченными двигательными способностями при взаимодействии с миром. Например, разработка протезов и дополнений к человеческому телу, которые могут воспринимать и передавать сигналы нервной системы, позволяет восстанавливать утраченные функции или улучшать существующие. Разработка датчиков и сенсорных систем, способных воспринимать окружающую среду так же, как человеческие органы, может значительно улучшить возможности восприятия человеком окружающей среды. Так, в коллективной монографии «Человек и системы искусственного интеллекта» затрагиваются новые вызовы, связанные с расширяющимся использованием искусственного интеллекта в различных областях, обосновывается необходимость разработки доверительных систем искусственного интеллекта [13].

Технологии в области искусственного интеллекта за последнее десятилетие были развиты настолько, что уже оказались способными к творческой деятельности, долгое время считавшейся прерогативой человека. Причем технологии достигли такого уровня, что стали подниматься вопросы о том, кто является истинным автором полученных результатов, насколько важна роль человека в данной творческой деятельности. Принадлежит ли авторство произведений, сгенерированных ИИ, самим программам или же человеку, стоящему за их созданием и запуском? Программы, использующие алгоритмы глубокого обучения, создают музыку для фильмов, учась на классических образцах. ИИ улучшает свои алгоритмы через множество итераций или использует нейронные сети для обучения. Возникают вопросы о том, можно ли считать ИИ автором, если он лишь «обучен» на опыте, а творческий результат не является продуктом прямого программирования [10]? Несомненно, вопросы о границах авторства и творчества в системе «человек — искусственный интеллект» остаются актуальными и требуют дальнейшего изучения и обсуждения в научном сообществе.

Современные исследования предоставляют разнообразные точки зрения на процесс эволюции. В частности, отличные от дарвинизма и синтетической теории эволюции взгляды принадлежат таким ученым, как биолог и системолог А.А. Любищев, историки науки Е.Б. Музрукова, Ю.В. Чайковский и др. Среди них и биолог В.И. Назаров, который в фундаментальном труде «Эволюция не

по Дарвину» критикует дарвиновскую теорию эволюции за редукционистский подход, подчеркивая ее неэстетичность, указывает на отсутствие эмпирической поддержки, а относительно эволюции гоминид подчеркивает неполноту в объяснении формирования сознания, социального поведения и сути человеческого бытия [10]. В его книге отмечается также важность учета скачкообразных преобразований для понимания эволюционных процессов, поднимается вопрос о необходимости перехода к другой методологии для изучения феноменов разных уровней реальности и содержится призыв к рассмотрению эволюции как сложного явления, зависящего от множества факторов. В.И. Назаров придерживается экосистемной концепции эволюции, находя поддержку своим взглядам в воззрениях палеоботаника и эволюциониста В.А. Красилова [4], что позволяет ему уделять внимание дестабилизационным для экосистем процессам как предпосылке для образования новых видов и учитывать разнообразные факторы эволюции.

Как мы полагаем, эволюция является видом развития, в котором отдаленный итоговый результат скрыт от субъекта эволюционных изменений [6]. Однако возможны и принципиально другие субъекты: планировщик производимых изменений, направляющий деятельность субъекта-исполнителя, и субъект-исследователь, объективно рассматривающий прошлое наблюдаемой эволюции и пытающийся «заглянуть» в ее будущее.

Такая возможность может быть обоснована существующей уже давно — более ста лет — концепцией номогенеза, принадлежащей советскому академику Льву Семеновичу Бергу и изложенной им в 1922 году [1]. Номогенез олицетворяет развитие, проводимое по твердым принципам и преодолевающее случайности. Данная концепция противопоставляется эволюции, рассматривавшейся Ч. Дарвином как результат случайного воздействия окружающей среды и естественного отбора. Подход Л.С. Берга подчеркивает, что в исследовании эволюции не нужно переоценивать роль случайностей и внешних воздействий. Исследования должны учитывать прежде всего внутренние законы и механизмы, управляющие развитием организмов, предстающие в качестве источников их трансформации и сложной гармонии. Влияние борьбы за выживание и естественного отбора принимается во внимание, но оно признается второстепенным по сравнению с законами номогенеза. Поскольку в трудах Л.С. Берга предлагался новый взгляд на эволюционные процессы, его идеи вызвали дискуссии и дебаты в научном сообществе [5, 11]. Сущность номогенеза заключается в том, что эволюция может быть интерпретирована как постепенное раскрытие и развитие уже присутствующих в организмах предрасположенностей, то есть представляет собой эволюционное изменение на основе закономерностей и в значительной степени как развертывание уже существующих задатков. Идея номогенеза указывает на то, что эволюция не всегда является случайным и беспорядочным процессом. Вместо этого она подразумевает, что организмы обладают внутренними механизмами, которые оказывают влияние на их изменения со временем. Этот взгляд предполагает, что эволюционные изменения могут быть направлены и иметь свою внутреннюю логику. В рамках концепции номогенеза эволюция понимается как процесс раскрытия потенциала организма в ответ на изменяющиеся условия окружающей среды. Номогенез подчеркивает важность внутренних ресурсов

и способностей организмов, и, как следствие, этот подход продолжает оказывать влияние на наше понимание процесса эволюции.

Подобно тому, как общее понятие эволюции переросло в своем значении смысл биологической эволюции и стало общенаучным, понятие номогенеза тоже можно рассматривать как общенаучное понятие. Об его обобщающем характере ясно говорит принципиальное содержание эволюции, фиксируемое в номогенезе. «В основании любых преобразований лежит один или несколько универсальных принципов, которые одинаково проявляются во всех сферах бытия: неорганическом, органическом мире, жизнедеятельности и мышлении человека» [8, с. 47]. Таков главный смысл номогенетического подхода к исследованию эволюции.

II. Номогенез как планомерная эволюция

Как отмечалось выше, номогенез разрушает традиционное представление об эволюции, где она предстает во многом случайным процессом, открывает ее перед нами в качестве явления, гораздо более организованного, чем просто хаотичные изменения. В номогенезе указывается на то, что эволюция направлена, следует определенным путем, учитывает внутренние механизмы и законы, которые структурируют и направляют живое. Это не просто случайные изменения, а согласованное развитие, предопределенное внутренними принципами. Номогенез предстает как планомерная эволюция, где понятие «план» тесно переплетается с понятием «цели», создавая глубокую связь между развитием и направленностью. Эта связь приводит нас к великим философским мыслителям и их идеям, которые оказывают воздействие на наше понимание мира.

В этой эстетической гармонии открывается аналогия с античной традицией, оппозиция между вечностью и временем, лежащая в основе платонизма, формирует каркас для понимания эволюции как процесса считывания информации из вечности. Эволюция становится актом обращения к вечным идеям, к плану, который прослеживается во времени и придает структуру действительному миру.

Номогенез как планомерная эволюция не только меняет наше понимание эволюционных процессов, но и раскрывает философский подтекст в самой сути развития. Эта идея переплетает философию, эстетику и науку, возвышая наше восприятие жизни в ее стремлении к гармонии во времени и вечности.

Несомненно, что закономерности как устойчивые, повторяющиеся и существенные связи явлений познать можно, а значит, можно и предсказывать ход дальнейших эволюционных изменений и с некоторой долей погрешности и вероятности их результаты — в большей степени промежуточные и в меньшей степени итоговые. Если есть тот субъект, который планирует соответствующие изменения, не будучи их непосредственным производителем, то он необходимо занимается предсказанием итога. Конечно, задача планирования не из легких, тем более что в процессе эволюции из-за ее нелинейности обязательно будут скачки, т. е. разрывы непрерывных изменений с трудно предсказуемыми результатами.

Примером планировщика служит селекционер, целенаправленно действующий в интересующем его направлении. Вместе с тем нельзя не сказать, что и планы, и цели зачастую вырисовываются апостериори, т. е. уже в итоге

пройденного этапа эволюции. Одно дело — судить о произошедшем, когда ясно, чем все закончилось, и другое дело — пытаться мысленно забежать вперед и предсказать, чем все завершится. В первом случае мы имеем взгляд как бы извне эволюционного процесса, со стороны целого, тогда как во втором случае — взгляд как бы из его внутренности. И все же этот последний взгляд может быть продуктивным, а трудности предсказания могут быть довольно существенно сглажены тем, что в концепции номогенеза предполагается последовательная реализация формообразования, где все последующие формы рассматриваются производными от первоначальной. Если ввести понятие завершенной формы и полагать ее итогом эволюции, то завершенность можно трактовать не только в онтологическом плане как устойчивость существования, а в случае биологических систем — и как способность к воспроизведению, но и в плане эстетическом, добавляющем и само качество целостности, и его ощущение наблюдателем. Таких завершенных форм, по-видимому, у эволюционирующего объекта может быть дискретное, причем перечислимое, множество, что объясняется потенциями, заложенными в первоначальное состояние объекта.

III. Передача функций предвидения ИИ

Искусственный интеллект обладает способностью анализировать и обрабатывать огромные объемы данных в кратчайшие сроки, что позволяет делать прогнозы на основе сложных статистических анализов. Что касается передачи функций предвидения ИИ, то в этом контексте предвидение означает способность алгоритма или модели прогнозировать будущие события или результаты на основе имеющихся данных. Это особенно важно в таких областях, как финансы, медицина, транспорт и многое другое, где принятие решений требует анализа будущих возможных исходов. Прогнозирование является одной из ключевых функций ИИ. Современные системы ИИ способны анализировать огромные массивы информации, чтобы выявить скрытые закономерности и тенденции, знание которых может быть применено для предвидения будущих событий. Использование больших данных позволяет ИИ создавать более точные прогнозы. Многие системы ИИ привлекают машинное обучение для предвидения. Модели машинного обучения формируются на основе предыдущих данных, причем как с учителем, так и без него, используя различные техники, такие как регрессия, классификация, кластеризация и глубокое обучение. Нейронные сети являются основными инструментами для предвидения в ИИ. Они способны обучаться на сложных и неструктурированных данных, таких как изображения или текст, и привлекать эти данные для создания точных прогнозов. Системы ИИ способны адаптироваться к новой информации и изменяющимся обстоятельствам. Они могут обновлять свои модели предвидения по мере получения новых данных, улучшая точность своих прогнозов с течением времени. Хотя ИИ способен делать прогнозы на основе данных, он также учитывает неопределенность, предоставляя не только прогноз, но и меру неопределенности, или доверительный интервал для этого прогноза. ИИ способен учитывать неопределенность прогнозирования при принятии решений, используя такие методы, как байесовский вывод или метод Монте-Карло.

Так, байесовский вывод — это метод статистического анализа, основанный на теореме Байеса. Этот подход представляет собой мощный инструмент для обработки неопределенности и инкорпорации априорного знания в модель. Теорема Байеса описывает, как обновлять вероятности событий на основе новых данных. Метод Монте-Карло является мощным инструментом в арсенале искусственного интеллекта. Он предлагает гибкий и универсальный подход к решению сложных задач, который можно применять в широком спектре контекстов. Метод Монте-Карло может быть использован для оценки неопределенности в прогнозах моделей ИИ, для аппроксимации распределения прогнозов модели, что может дать более полное представление о неопределенности этих прогнозов.

Принятие решений в реальном времени является критическим аспектом многих приложений ИИ. Это особенно важно в сферах, где задержка в принятии решений может привести к негативным последствиям (автономное вождение, кибербезопасность, медицина, финансы и т.п.). Ключевыми аспектами принятия решений ИИ в реальном времени являются: скорость и эффективность; адаптивность; обучение с подкреплением; автономность; принятие решений на основе данных.

Результаты

Выводы основываются на результатах нашего исследования и представляют интерес для исследователей и практиков в области искусственного интеллекта, а также для всех, кто интересуется возможностями предвидения развития ИИ и его роли в будущем:

- в работе был проведен анализ задач научного предвидения в области искусственного интеллекта и рассмотрены различные точки зрения относительно возможности прогнозирования его развития в ближайшие десятилетия;
- выявлено, что большинство исследователей считает прогнозы развития ИИ сложными или невозможными, особенно после предполагаемой технологической сингулярности, утверждаемой Р. Курцвейлем;
- в работе представлена номогенетическая модель эволюции ИИ, где основывается возможность предсказания будущего развития ИИ, учитывающая относительную непредсказуемость промежуточных результатов, вызванную нелинейностью процесса эволюции.

Заключение

В статье намечена новая перспектива на проблему предвидения развития искусственного интеллекта. Авторы противопоставляют свою точку зрения мнению известного футуролога Р. Курцвейла, который считает такие прогнозы невозможными после достижения состояния технологической сингулярности. Эволюционный подход к рассмотрению ИИ позволяет расширить наше понимание динамики развития систем и открыть новые пути исследования в этой области. Это представляет интерес для исследователей, занимающихся разработкой и применением ИИ. Прогнозирование справедливо считается ключевой функцией ИИ, основанной на том, что современные электронные системы способны анализировать большие объемы информации, используя

при этом машинное обучение, с тем чтобы выявить закономерности и тенденции изменения исследуемых объектов для возможно более точных прогнозов. Авторы подчеркивают важность таких прогнозов и уделяют внимание проблемным аспектам использования больших данных и методов машинного обучения. Практическая значимость результатов состоит в том, что предвидение развития ИИ может оказаться полезным в различных областях, где принятие решений требует учета будущих возможных исходов, что повысит эффективность и точность принимаемых решений и будет способствовать улучшению качества жизни. Для дальнейших исследований рекомендуется углубить анализ эволюционных закономерностей в контексте развития искусственного интеллекта. Исследования в области номогенеза и других смежных тем могут дать дополнительные представления о возможности предсказания развития ИИ. Также стоит исследовать новые методы и технологии машинного обучения, которые позволят повысить точность прогнозов ИИ. Развитие и применение нейронных сетей и других алгоритмов глубокого обучения могут значительно улучшить предсказательные возможности систем ИИ. В целом, данная работа представляет определенный вклад в область исследования ИИ и его предвидения. Ее результаты могут стимулировать дальнейшие исследования и привести к новым знаниям относительно развития и применения искусственного интеллекта в различных сферах нашей жизни.

Список литературы

1. Берг Л.С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // *Метод*. 2021. № 11. С. 445–450. DOI: 10.31249/metodannual/2021.11.23
2. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д.И. Дубровского. Москва: Издательство МБА, 2013. 272 с.
3. Колесников А.В., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. Новые горизонты сотрудничества // *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*. 2022. № 1(5). С. 6–28. DOI: 10.20948/future-2022-1
4. Красилов В.А. Нерешенные проблемы теории эволюции. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 138 с.
5. К столетию публикации «номогенеза» Л.С. Берга (1922) // *Lethaea Rossica. Российский палеоботанический журнал*. 2021. Т. 23. С. 45–47.
6. Кудряшев А.Ф. Развитие, эволюция, коэволюция: соотношение понятий // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 640–644.
7. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации. Москва: Эксмо, БОМБОРА, 2020. 448 с.
8. Митяй И.С. Номогенез — путь выхода биологической науки из кризиса // *Академику Л.С. Бергу – 145 лет: сборник научных статей / под ред. И.Д. Тромбицкого*. Бендеры: Eco-TIRAS, 2021. С. 45–48.
9. Морхат П.М. Концепт гибридного авторства (юнит искусственного интеллекта как соавтор человека в создании результатов интеллектуальной деятельности) // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 3(44). С. 292–296. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.359
10. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: Смена эволюционной модели. Москва: ЛКИ, 2007. 520 с.
11. Поздняков А.А. Номогенез Л.С. Берга как попытка объединения эволюционистики и систематики // *Lethaea Rossica. Российский палеоботанический журнал*. 2022. Т. 24. С. 64–91. DOI: 10.34756/GEOS.2022.17.38245

12. Фатенков А.Н. Натурный ум в контракте на искусственный интеллект (polemicheskii otklik na «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла) // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 3. С. 172–183. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-3-172-183
13. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. 328 с.
14. Khamitov N., Zobin S. Evolutionary theory of natural and artificial intelligence. Pt. 1. [дата обращения 15.10.2023]. Доступно по ссылке: <http://aphy.net/texts/650-evolutional-theory-of-artificial-intelligence>
15. Khramov V.V. Development of a human-machine interface based on hybrid intelligence // *Modern Information Technologies and IT-Education*. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 893–900. DOI: 10.25559/SITITO.16.202004.893-900

References

1. Berg LS. Nomogenez, ili evolyutsiya na osnove zakonomernosti. *Metod*. 2021;11:445–450. (In Russ.) DOI: 10.31249/metodannual/2021.11.23
2. Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya. Ed. by D.I. Dubrovskii. Moscow: Izdatel'stvo MBA; 2013. (In Russ.)
3. Kolesnikov AV, Malinetskii GG, Sirenko SN. Novye gorizonty sotrudnichestva. *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoi real'nosti*. 2022;(1(5)):6–28. (In Russ.) DOI: 10.20948/future-2022-1
4. Krasilov VA. Nereshennye problemy teorii evolyutsii. Vladivostok: DVNTs AN SSSR; 1986. (In Russ.)
5. K stoletiyu publikatsii «nomogeneza» L.S. Berga (1922). *Lethaea Rossica. Rossiiskii paleobotanicheskii zhurnal*. 2021;23:45–47. (In Russ.)
6. Kudryashev AF. Razvitie, evolyutsiya, koevolutsiya: sootnoshenie ponyatii. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2012;17(1(1)):640–644. (In Russ.)
7. Kurtsveil R. Evolyutsiya razuma: kak razvitie iskusstvennogo intellekta izmenit budushchee tsivilizatsii. Moscow: Eksmo, BOMBORA; 2020. (In Russ.)
8. Mityai IS. Nomogenez – put' vykhoda biologicheskoi nauki iz krizisa. *Akademiku L.S. Bergu – 145 let: sbornik nauchnykh statei*. Ed. by I.D. Trombitskii. Bendery: Eco-TIRAS; 2021. P. 45–48. (In Russ.)
9. Morkhat PM. Kontsept gibridnogo avtorstva (yunit iskusstvennogo intellekta kak soavtor cheloveka v sozdanii rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti). *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2018;3(44):292–296. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.359
10. Nazarov VI. Evolyutsiya ne po Darvinu: Smena evolyutsionnoi modeli. Moscow: LKI, 2007. (In Russ.)
11. Pozdnyakov AA. Nomogenez LS. Berga kak popytka ob'edineniya evolyutsionistiki i sistematiki. *Lethaea Rossica. Rossiiskii paleobotanicheskii zhurnal*. 2022;24:64–91. (In Russ.) DOI: 10.34756/GEOS.2022.17.38245
12. Fatenkov AN. Naturnyi um v kontrakte na iskusstvennyi intellekt (polemicheskii otklik na «Evolutsiyu razuma» Reya Kurtsveila). *Filosofskii zhurnal*. 2022;15(3):172–183. (In Russ.) DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-3-172-18
13. Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta. Ed. by V.A. Lektorskii. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr; 2022. (In Russ.)
14. Khamitov N, Zobin S. Evolutionary theory of natural and artificial intelligence. Pt. 1. [cited 2023 Oct 15]. Available from: <http://aphy.net/texts/650-evolutional-theory-of-artificial-intelligence>
15. Khramov VV. Development of a human-machine interface based on hybrid intelligence. *Modern Information Technologies and IT-Education*. 2020;16(4):893–900. DOI: 10.25559/SITITO.16.202004.893-900

Информация об авторах

Оксана Игоревна Елхова — доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФБГОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия; eLibrary SPIN: 1004-6360. **E-mail:** oxana-elkhova@yandex.ru

Александр Федорович Кудряшев — профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФБГОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия; eLibrary SPIN: 5091-3590. **E-mail:** philozof@mail.ru

---

Information about the authors

Oksana I. Elkhova — Associate Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University», Ufa, Russia; eLibrary SPIN: 1004-6360. **E-mail:** oxana-elkhova@yandex.ru

Alexander F. Kudryashev — Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University», Ufa, Russia; eLibrary SPIN: 5091-3590. **E-mail:** philozof@mail.ru

Методологический арсенал Аристотеля и Канта. Категории

Э.А. Тайсина

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Татарстан, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Тайсина Э.А. Методологический арсенал Аристотеля и Канта. Категории // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 67–83. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.11>

Аннотация. Классический инструментарий философии включает в качестве необходимого, базисного «набора» всеобщие, предельно абстрактные и при этом глубочайше существенные понятия, именуемые по-гречески категориями, а по-латыни предикабиями, но чаще — универсалиями.

Первоначально Аристотель вводит первые десять таких категорий в свои тексты, ставшие впоследствии каноническими, в небольшой, но очень сложной работе с одноименным названием. Вплоть до Нового времени его методологический арсенал обслуживал европейскую философию с неизменным успехом.

Однако в XVIII в. Иммануил Кант, в отличие от Аристотеля резко и определенно различивший рассудок и разум, вводит категории логики (рассудка) не как абстракции, а как пропозиции, систематически развитые из общего принципа: способности суждения. Эти подходы в одной мере очень разные: например, по отношению к понятиям, а категории Аристотеля — именно понятия, вопрос об истинности вообще не встает: он касается только суждений.

С другой стороны, в этих подходах есть общее. Обе философские системы в области гносеологии являются формально-логическими.

Подход Канта, диалектика в исследовании и объяснении объективного мира, в части теории познания еще не является диалектическим; вернее, принято считать, что он негативно-диалектический. В действительности это подход промежуточный, синтагматический.

Ключевые слова: методология; категории; понятие; суждение; парадигма; синтагма; Аристотель; Кант; диалектика.

Methodological arsenal of Aristotle and Kant. Categories

E.A. Taysina

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Taysina E.A. Methodological arsenal of Aristotle and Kant. Categories. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):67–83. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.11>

Abstract. The classical toolkit of philosophy includes, as a necessary basic “set”, certain general concepts, extremely abstract and deeply essential, which are called in Greek categories, and in Latin predicables, but more often — universals.

Initially, Aristotle introduces the first ten such categories into his texts that further became canonic, in a small but very complex work of the same name. Up to the era of Modernity, his methodological arsenal served European philosophy with unflinching success.

However, in the XVIII century, Immanuel Kant, sharply and definitely distinguishing rationality and reason unlike Aristotle, introduces the categories of logic not as abstractions, but as propositions systematically developed from a general principle: the ability, or faculty, of judgment. These approaches are very different: for example, in relation to concepts, — and Aristotle's categories are precisely concepts, — the question of truth does not arise at all: it concerns only judgments.

On the other hand, these approaches have something in common. Both philosophical systems in the field of gnoseology are formal-logical.

Kant's approach, dialectical in the study and explanation of the objective world, in terms of the theory of knowledge was not yet dialectical; or, it is believed rather, that this was negative-dialectical. In fact, this approach is intermediate, syntagmatic.

Keywords: methodology; categories; concept; judgment; paradigm; syntagma; Aristotle; Kant; dialectics.

Введение

Посвящается юбилею Иммануила Канта

*Для познания предмета необходимо,
чтобы я мог доказать его возможность
(или по свидетельству опыта на основании
действительности предмета,
или a priori с помощью разума).
Но мыслить я могу что угодно,
если только я не противоречу самому себе,
т. е. если только мое понятие есть возможная мысль,
хотя бы я и не мог решить, соответствует ли ей объект
в совокупности всех возможностей.*

Кант. Предисловие ко второму изданию
«Критики чистого разума» [1, с. 29]

В преддверии славного трехсотлетнего юбилея великого кенигсбергского мыслителя работы, посвященные исследованию его философии, полились — и еще будут литься, по крайней мере, год — полным потоком, так что каждый из нас может погрузиться в предлагаемые идеи, дабы сравнить свой опыт прочтения Канта с опытом уважаемых коллег. Здесь я перечислю только некоторые из статей, вышедших в наших ведущих журналах лишь за последние три года.

- ВФ № 1 (2021). Р.В. Савинов. Рецепция кантовской гносеологии в неосхоластике.
- Вестник МГПУ № 1 (37), 2021. А.В. Кучеренко. Вещь в себе и Вещь сама по себе в концепции кантовского агностицизма.
- ВФ № 4 (2022). Л.Э. Крыштоп. Лекции Канта по логике и их значение для современного кантоведения.
- ВФ № 12 (2022). Н.А. Дмитриева. Полемика и популяризация: аспекты ранней рецепции Канта в России.
- ВФ № 6 (2023). К.Р. Вестфаль. Ответ на вопрос: Что такое «критическая философия» Канта?
- ВФ № 7 (2023). М.Ю. Загирняк. Русское неокантианство в западном интеллектуальном пространстве (обзор направления «Русское неокантианство XX века в Европе: контексты влияния»).

Теперь обратим внимание на следующие работы, опубликованные в текущем году: «Играем в бисер? О достоинстве идеи парадигмы» Б.И. Пружинина и Т.Б. Щедринной (ВФ №1, 2023), а также «Парадигмы и принцип интернализма: исследование понятия «рациональная приемлемость. Эпистемология и философия науки». Том 60 № 1 (2023) С.В. Никоненко. Они важны для данного выступления, потому что «витрина» первой десятки категорий являет собой именно *парадигму* всех, с точки зрения Аристотеля, акциденций универсальной субстанции, то есть сущности.

Кант, в отличие от Аристотеля, рассуждая об инструментальной роли суждения, вводит категории не как самостоятельные понятия, а как логические функции во всех возможных видах суждений. Эти подходы очень разные: хотя бы в том, что по отношению к понятиям, — а категории Аристотеля суть именно понятия, — вопрос об истинности вообще не встает: он вырастает лишь из оценки *суждений*. Есть и другие вопросы: например, существует ли какая-то систематическая процедура, с помощью которой Аристотель составил свой знаменитый вокабулярный мысли? Кант, скажем, нелицеприятно заявлял, что таковой процедуры у Аристотеля не было: он действовал произвольно и случайным образом [2, с. 120].

Нельзя и сказать, с другой стороны, что аристотелева логика предикатов формальна, а кантианская логика высказываний диалектична, или — что первая дала нам анатомию, а вторая — физиологию мышления. Обе философские системы в области гносеологии являются формально-логическими; для диалектического разворачивания категорий потребовался третий гений, Гегель. Подход Канта, диалектика в исследовании и объяснении объективного мира «Непосредственно диалектика развивается Кантом применительно к понятию мира (космоса)» [3, с. 58], в части теории познания не был *положительно* диалектическим, несмотря на заголовок «Трансцендентальная диалектика» в «Критике чистого разума»: он промежуточный, *синтагматический*. Наша цель — разъяснить этот тезис.

Презентация категорий: Аристотель

«Республика ученых» всегда стремилась — и стремится — говорить на общем языке ради успеха не только научного познания, но и научной коммуникации. Это возможно именно потому, что серьезное образование любого школяра в каждом университете начинается с изучения именно упомянутой «витрины», или словаря мысли — парадигмы высших абстракций. Опору языка научной коммуникации (как, разумеется, и научного познания) составляет каталог предельно общих и одновременно предельно абстрактных понятий — это категории, они же универсалии, они же предикабилии. Они играют методологическую роль по отношению к учению о бытии и познании.

Работа Аристотеля «Категории» [4], небольшая по объему, но чрезвычайно сложная, на латынь переводилась как “Praedicamenta”. Это самоговорящий термин, который свидетельствует о том, что «Категории» посвящены логике предикатов — как это часто понимали средневековые схоласты и после них философы Нового времени. Автор соответствующей статьи в Стэнфордской энциклопедии, Пауль Штудтманн [5], пишет об этом: “Looking beyond his own works, Aristotle’s categorialism has engaged the attention of such diverse

philosophers as Plotinus, Porphyry, Aquinas, Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume, Kant, Hegel, Brentano, and Heidegger (to mention just a few), who have variously embraced, defended, modified or rejected its central contentions. All, in their different ways, have thought it necessary to come to terms with features of Aristotle's categorial scheme" [5]. (В переводе автора): «Помимо его собственных работ, категоризация Аристотеля привлекла внимание таких разных философов, как Плотин, Порфирий, Аквинат, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Локк, Беркли, Юм, Кант, Гегель, Brentano и Хайдеггер (и это лишь некоторые из них), которые по-разному принимали, защищали, модифицировали или отвергали его основные положения. Все, на свой лад, считали необходимым разобраться с особенностями категориальной схемы Аристотеля». (Надо, конечно, сюда добавить еще Боэция, вслед за Порфирием, а рядом с Аквинатом — Уильяма Оккама.) Как далее пишет Штудтманн, несмотря на широкое влияние — и именно благодаря этому влиянию — любая попытка описания категорий сталкивается со значительными трудностями: специалисты расходятся во мнениях по многим наиболее важным и фундаментальным аспектам. Что классифицируют категории? Какая теория предикации лежит в основе схемы Аристотеля? Есть ли в ней место для понятия материи? (Надо еще спросить в этом отношении о категории причины, в частности такой ее разновидности, как *телос*.) Одинаково ли понимание сущности в «Категориях» и в «Метафизике»? — и др. Каждый вопрос получал совершенно разные ответы от самых разных философов. Дадим и свои.

Аристотель, создавая свой философский «мегалит» (натурфилософия-онтология-логика-лингвистика-семиотика-гносеология), выбрал, сообразуясь только с собственным философским чутьем, десять высших родов «зонтичных» *понятий о бытии* (примеры в «Категориях» относятся чаще всего не к языковым, а к экстралингвистическим объектам: человек, бык, лошадь, дерево), объединяющих в едином языковом знаке (*ουσία, λόσον, ποιον, προς τί, τόπος, χρόνος* и т. д.) множество абстракций, «собирая» фрагменты бытия в обозримый порядок. Это реально возможно, поскольку гарантировано законом единства бытия и познания и сущностным совпадением уникального и универсального, имеющих общую местность. «Ведь мы познаем все вещи постольку, поскольку у них имеется что-то единое и тождественное и поскольку им присуще нечто общее» [6, с. 109].

Метафизика Аристотеля предстает как логика, а та, в свою очередь, как семиотика и лингвистика. Все вместе категории, которые он называет *ta legomena* (*τὰ λεγόμενα*), организуют и систему основных понятий грамматики (существительное, прилагательное, глагол, вид, время, склонение, залог...). Категории — не только единые основания бытия и познания, но вместе с тем и языковые границы мира, а тем и пределы познавательных возможностей. Происходит сближение и как бы «склеивание» *объекта познания* (и коммуникации), *понятия* об объекте и *языкового его обозначения*, которые при необходимости разворачиваются обратным путем в схему треугольника Фреге — это такой трехликий Янус. Расхожий случай «склеивания» одновременно и на виду, и ушел из фокуса сознания, а именно: суждения и высказывания легко и свободно берутся как синонимы в современных текстах, хотя что может быть противоположнее? Ведь суждения принадлежат мышлению, а высказывания — речи.

Так же непринужденно перемешиваются высказывания (устная речь) и предложения (письмо), формы языка и мышления и т. д.¹

«Категории» открываются рассмотрением *языковой прагматики* — омонимии, синонимии и паранимии, придающих речи особенную гибкость (приходится удивляться, что поставить естественный разговорный человеческий язык в центр философского интереса приписали в главную заслугу «позднему» Витгенштейну). Пауль Штудтманн в статье о категориях замечает, что интерпретация «списка» Аристотеля как классификации лингвистических предикатов *в той мере*, в какой они связаны с миром семантически значимыми способами, представляется наиболее предпочтительной (“...some scholars have synthesized the linguistic and extra-linguistic interpretations by interpreting Aristotle as classifying linguistic predicates *in so far* as they are related to the world in semantically significant ways. ...I think that this latter interpretation is probably the one that best withstands close textual scrutiny”) [5]. Как первый семиолог, Аристотель считает, что слова суть условные знаки понятий, а понятия обозначают реальные объекты.

Изучая и комментируя «Категории», схоласты исследуют эту мысль. Величайший схоласт-номиналист Уильям Оккам разъяснял: «Об этом говорит Философ, [утверждая], что слова суть знаки претерпеваний в душе (*voces sunt earum, quae sunt in animae, passionum notae*). И то же хочет сказать Боэций, когда пишет, что слова обозначают понятия; и вообще все авторы, утверждающие, что все слова обозначают претерпевания (*passions*), — или суть их знаки (*vel sunt notae earum*), не иное имеют в виду, как то, что слова суть знаки, во вторую очередь (*secundario*) обозначающие те, что (*illa quae*) для душевных страстей (*passiones animae*) первично даны (*primario importantur*)» [7, с. 5].

Средневековые философы сильно пополнили словарь категорий (универсалий): например, были введены достаточно важные *identitas* (тождество), *quidditas* («чтойность»), *haecceitas* («этовость»).

Исходные десять категорий Аристотеля хорошо известны; здесь мы приводим их исходные греческие названия с переводами на английский, то есть фактически на латынь:

- сущность (*oysia, ουσία* {substance}, произносится [u'si:a]);
- количество (*to róson, το ποσόν* {quantity}; *πλήθος*, произносится [p'li: θos]);
- отношение (*to pros ti, το προς τί* {relation});
- качество (*to poion, το ποιόν, ποιότης* {quality}, произносится [phjon, piot'es]);
- место (*topos, τόπος* {place}, а также *плáτος*, — плоская местность, *χώρος* — нечто материальное, т. е. телесное, простирающееся);
- время (*chronos, χρόνος* {time});
- положение (*pathe, παθή* {position} произносится [pa'θi:], а также *θέσις*);
- обладание (*to echein, το εχειν* {state}, произносится [e'hi:n]);
- действие (*to poiein, το ποιειν* {action}, произносится [phi:n], а также *πράξις*);
- страдание (*to paschein, το πασχειν*, произносится ['pashein], *πάθημα, πάθος* {affection}).

¹ Вот пример современного перевода текста Уильяма Оккама [7]. Оригинал (с. 8): «В ином смысле термин противопоставляется *высказыванию*: “*distinguitur contra orationem*” (перевод мой. — Э.Т.); официальный перевод: «Взятое в ином смысле, имя “термин” противопоставляется *предложению*» (с. 9) (*курсив мой. — Э.Т.*).

В Стэнфордской энциклопедии Пауль Штудтманн дает такой перечень: "...he [Aristotle] thinks that there are ten: (1) substance; (2) quantity; (3) quality; (4) relatives; (5) somewhere; (6) sometime; (7) being in a position; (8) having; (9) acting; and (10) being acted upon (1b25–2a4)" [5].

Why relatives, Why somewhere and Why sometime?

Эти вопросы еще ждут своих исследователей.

Оксфордский профессор Гилберт Райл, один из основоположников лингвистической философии, в послевоенное время президент Аристотелевского общества и затем главный редактор журнала "Mind", предположил, что Аристотель видел в этой таблице категорий перечень *предельных типов предикатов*. В своем основном труде «Понятие сознания» Г. Райл пишет: «Любые два предиката в зависимости от того, отвечают ли они на один и тот же вопрос или нет, относятся к одной или к различным категориям» [8]. Интеррогативная логика позволяет, по-видимому, связывать логику предикатов и логику высказываний. Существует также специальный подход, состоящий в «задавании вопросов», к способу создания категорий (Дж.Л. Акрилл): так, несколько раз задавая вопрос «что это?», мы последовательно приходим к категории сущности; вопрос «каково это?» приведет нас к категории качества и т. д.

Правда, это также тема отдельной статьи. Скажем о том, что лучше нам известно.

Сам Аристотель детально обсуждал первые четыре категории.

Сущность (οὐσία) рассматривается на правах логического субъекта: она и существует, и в речи сказывается *самостоятельно*, это опора для своих предикатов в суждении. Суждения существуют как *связи* между субъектом (подлежащим) и тем его предикатом (сказуемым), который помогает раскрыть сущность. Предикативная группа выражает либо качество, либо отношение. Прорѓиум (собственный признак) сущности — нести содержательно разные и даже противоположные элементы одновременно «Особенность сущности — это то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности в силу собственной пермены» [4, с. 61]. Об этом временном согласовании в «Категориях» есть соответствующий раздел.

«Тот род, которому подчиняются виды и в распоряжении которого находятся отличительные признаки, образует субстанцию вида», — скажет в своем «Комментарии» на "Isagoge" Порфирия, эту пропедевтику к канонике Аристотеля, Боэций [9, с. 37]. Можно вспомнить, что он оставил в веках такое определение: *сущность* (которую он перевел как «*субстанция*») есть то, что сказывается в ответ на вопрос «что это?» (in eo quod quid sit; εν τω τί ἐστι). То есть это имя *существительное*. (У Оккама: сущее «есть имя, которое соотносится с неким понятием, которое обще для всех вещей и может сказываться о них в ответ на вопрос: "Что это такое?"» [7, с. xxxviii] (это т. наз. praedicatio in quid)). А вот имя *прилагательное* есть то, что сказывается в ответ на вопрос «каково это?» и имеет отношение к субстанции (то есть к сущности; дефинитивные признаки практически все таковы)». Кто из нас не вставал перед этим в тупик, обучаясь русскому языку в шестом классе? Знали бы мы тогда, что это аутентичный Аристотель!

Для следующей категории, количества (το πόσον), proprium — экспликация равенства и неравенства [4, с. 66]; для отношения — обоюдность [4, с. 68], а для качества (το ποιον, [to rhjon]) — различие подобного и неподобного, сходного и несходного [4, с. 78], то есть присущность того или иного свойства той или иной вещи. Это понятия, которые как-то характеризуют природу объекта.

У Аристотеля есть еще одно обозначение количества: πλήθος. Это значит что-то вроде сверхизобилия (но иногда переводится как «число»); отсюда *плерома*, вся полнота бытия. Два термина есть и для обозначения категории действия: το ποιειν [phi:n] (явно соотносящееся с το ποιον [rhjon], «качество», и ποιημα, «творение»), а также πράξις; два — для категории «положения»: παθή и θέσις, тезис. А для обозначения пространства используется даже три термина: место, τόπος, а также πλάτος — плоская местность, и χῶρος — нечто материальное, т. е. телесное, простирающееся. Размещение в окружающей среде. Только это не длина-ширина-высота, а скорее точка, плоскость, объем (место, ширина, пространство). Это «Хора» Платона.

Есть еще одна «пространственная» характеристика. Следующая сразу после категории времени категория παθή, явно близкородственная категории πάθος, недвусмысленно соотносящаяся со «страстью», т. е. «страданием», «претерпеванием» (πάθημα) — на русский переведена как «положение», а на английском (почему-то) эксплицируется как «(рас)положение частей в объекте, особенно в живом организме» (The relative position of the parts of the object (usually a living object)).

У Штудтманна приводится такая (вероятная) экспликация: “The determination arising from the physical accoutrements of an object; for example, clothed or sleeping”. Это значит: «Определение, вытекающее из физического снаряжения объекта; например, одетый или спящий».

Сравнительно немного известно о категории соотнесенного; но ясно, что это способ, которым один объект может быть связан с другим. Переводы отходят от оригинала достаточно далеко. Английское-латинское слово relation (или relatives) имеет *иную* корневую морфему (lat — сторона), нежели русское слово «отношение», калька с греко-латинского pherein, «нести». А у самого Философа это просто “το προς τί”, «напротив [другого]».

Возможно, больше всего усилий интерпретаторов могла бы потребовать категория «обладание» — το εχειν, принятое на английском как “state”, хотя state именно значит «положение» или «состояние» и никак не обладание; русский перевод ближе к оригиналу (что-то наподобие «у них это есть»). А вот греческое слово «обладание» звучит как κατοχή. И еще один казус: το ποιον [to rhjon], качество, и το ποιειν [phi:n] на русский настойчиво переводится просто как (вопросительное и относительное местоимение, союз, союзное слово) «кто»; при этом во множественном числе, ποιοτες [pιοτες], появляются «качества». А ведь это и название категории действия которое в современном переложении звучит как знакомое “ενεργει”. А для выражения страдания используется “υποφερει”.

Возникает вопрос: как может местоимение (или союз) «кто» быть фактическим синонимом качества? Задавая этот вопрос, мы по идее должны прийти к имени *существительному*, а чтобы получить имя прилагательное (свойство,

качество), надо задавать вопрос «какой?» Эта тема также ждет своего исследователя.

Тот же Райл предупреждал, что не существует конечного перечня категорий; вера в таковой была бы схоластикой. «В шахматной теории известно много гамбитов, но нет их полного перечня, и, хотя в английском языке существует множество разнообразных грамматических конструкций, их законченная классификация невозможна» [8]. Тем не менее, поскольку крупнейшие философы прилагали много усилий для разработки фундаментальных предикатов, а также типов высказываний, мы посчитали важным остановиться на данном вопросе.

«Категории» — очень трудный текст для понимания; философские дискуссии идут и сегодня. Сложный вопрос, например: как может универсалия быть акцидентальной (“a being is both said-of and present-in a primary substance if it is an *accidental universal*”)? Однако этот оксюморон — как раз *предикабилия как она есть* (белизна, например, сказывается на многих первичных субстанциях, будучи акцидентальной для них). Сам Философ приводит пример знания грамматического правила неким индивидуумом. Еще вопрос лингвистического свойства: почему Аристотель относит речь как вид к категории (роду) количества? Может быть, он имел в виду количество фонем или морфем в словах греческого языка? «Что слово есть количество, это ясно: ведь оно измеряется коротким и долгим слогом» [4, с. 62].

Вопрос о соотношении признаков присущности или обладания и «сказываемости», также составляет сложное место в «Категориях».

Таблица 1. Сводная таблица по Штудтманну

Substance	Quantity Relatives Quality...	Субстанция (сущность)	Количество Отношение Качество...
Said-of Not Present-In	Said-of Present-In	Сказываемое Не-присущее (2-я сущность)	Сказываемое Присущее (белизна)
Not Said-of Not Present-In	Not Said-of Present-In	Не-сказываемое Не-присущее (1-я сущность)	Не-сказываемое Присущее (белый объект)

После представления категорий обсуждаются четыре способа по поводу рассмотрения вещей в качестве противоположных, пять смыслов, в которых вещь может рассматриваться прежде другой, и шесть форм движения: рождение, гибель, увеличение, уменьшение, качественное изменение и перемещение.

Презентация категорий. Кант

После трудов Аристотеля и до появления диалектики Гегеля наиболее известным перечнем стал каталог, предложенный Кантом.

Один из выдающихся современных исследователей творчества Канта, Карл Америкс — соредактор серии «Кембриджские тексты по истории философии» — утверждает, что Кант «не выдвигает невероятно сильных методологических и метафизических утверждений, присущих его непосредственным преемникам: Рейнгольду, Фихте, Шеллингу и Гегелю. Он, конечно, несет ответственность за то, что внушил им саму идею фундаментально автономной

рациональной системы — такой, которая поставила бы автономию в центр своего представления о реальности в целом...» (перевод автора) [10, с. 6]. Каким-то образом, по замечанию Райла, категории становятся «проекциями» логических форм на объективный мир.

Категории у Канта — это априорные формы рассудка, правила упорядочивания опыта, детерминанты, которые, действуя как инструменты получения (и одновременно условия существования) форм необходимого и всеобщего знания, упорядочивают хаос ощущений после того, как координаты «момент и место» уже заключили их в конфигурацию феномена.

Учение Канта о категориях исходит из иных оснований, и «таблица» Канта оказывается не такой, как у Аристотеля, — она первоначально каталогизирует не понятия, а суждения.

Схема 1. Формы суждения

Кант пишет в разделе «Антиномия чистого разума»: «...Всякая трансцендентальная видимость чистого разума основывается на диалектических выводах, схему которых дает логика в трех своих формальных видах умозаключений вообще, подобно тому как категории имеют свою логическую схему в четырех функциях всех суждений». (*Курсив мой* — Э.Т.) Второй книги трансцендентальной диалектики Глава вторая [1, с. 327–328]. Однако для трех из четырех своих классов высказываний Кант оставляет номенклатуру, или названия, именно аристотелевских категорий — разумеется, с пассажами через Порфирия, Боэция, схоластику и т. д. В то же время «количество», «качество» и «отношение» означают для Аристотеля и Канта разные домены, а точнее, разные способы мыслительных действий. Преподавая формальную логику в университетах, мы делим суждения в основном так же, как их разделил Кант.

В разделе Втором Способа открытия всех чистых рассудочных понятий, § 9, Кант начинает демонстрацию не с абстракций, но, как сказано, с таблицы *форм суждения* [2, с. 113]. Он делит их по количеству на общие, частные и единичные, по качеству на утвердительные, отрицательные и бесконечные, по типам отношения между субъектами и предикатами на атрибутивные, имплицативные и дизъюнктивные (без упоминания конъюнкции) и по типам модальности на высказывания существования, возможности и долженствования.

Схема 2. Категории

В следующем параграфе Раздела Второго Способа открытия всех чистых рассудочных понятий Кант пишет, что категорий существует (и должно существовать) ровно столько, сколько в первой таблице было перечислено логических функций во всех возможных суждениях.

«...Рассудок совершенно исчерпывается этими функциями и его способность вполне измеряется ими. Мы назовем эти понятия, по примеру Аристотеля, категориями, так как наша задача в своей основе вполне совпадает с его задачей, хотя в решении ее мы далеко расходимся с ним», — пишет Кант в § 10 [2, с. 119]. Само это предприятие — отыскать основные инструменты и условия мышления — было достойно такого пронизательного мыслителя, как Аристотель, отдает должное своему предшественнику Кант. Он разъясняет: только посредством этих «чистых понятий рассудка» человек может что-то понимать в многообразном содержании созерцания; но при этом, подчеркивает Кант, его собственная классификация категорий развита *систематически*, то есть в ее основе лежит один общий принцип: способность суждения. Это не фрагментарные пропозиции, подыскиваемые наудачу; невозможно было бы быть уверенным в полноте такой классификации, и никогда нельзя было бы обосновать подборку именно этих, а не других категорий, идя путем индукции. Карл Америкс так высказывается в пользу дедуктивного подхода: “I will argue that on the contrary it is necessary and profitable to understand the deduction as moving from the assumption that there is empirical knowledge to a proof of the preconditions of that knowledge”. «...Я утверждаю, что необходимо и полезно понимать дедукцию как движение от предположения о наличии эмпирического знания к доказательству предпосылки этого знания» [9, с. 51].

Критикуя выбор Аристотеля, Кант становится достаточно едким. «Но так как у него <Аристотеля> не было никакого принципа, то он подхватывал их <понятия> по мере того, как они попадались ему, и набрал сначала десять понятий, которые назвал *категориями* (предикаментами)» [2, с. 120].

Понятно, что Аристотель их так не называл, потому что писал не по-латыни...

Сам Кант несколько раз подчеркивает плодотворность собственного подхода — построения классификации на основе единого признака. (Вероятно, нет нужды специально упоминать здесь, что «диалектические утверждения чистого разума», то есть «аналитические и диалектические противоречия», *антиномии*, возникли именно как вывод из этой четырехчастной классификации суждений и затем категорий: получилось ровно четыре вида утверждений, каждому из которых противостоит противоречащее ему.)

«Затем ему показалось, — продолжает критику Кант, — что он <Аристотель> нашел еще пять таких понятий, которые он добавил к предыдущим под названием постпредикаментов. Однако его таблица все еще оставалась недостаточной. Кроме того, в нее включены также некоторые модусы чистой чувственности (*quando, ubi, situs, a* также *prius, simul*) и даже один эмпирический (*motus*), которые вовсе не принадлежат к этой родословной рассудка, к тому же в ней среди первоначальных понятий перечислены также некоторые производные (*actio, passio*), а некоторые из первоначальных понятий не указаны вовсе» [2, с. 120]. (Аристотель *не* писал *по-латыни*...)

Как уже говорилось, любая попытка обоснования выбора тех или иных категорий для их каталогизации сталкивается с фундаментальными трудностями, и философы придерживаются в этом отношении разных мнений. Однако здесь мы подчеркнем еще раз другой аспект, а именно *различие подходов к методологическому арсеналу мышления*.

Гилберт Райл в заключительной части своего главного труда утверждает: «Аристотель предлагает “алфавитную” теорию факторов и простого их “комбинирования”; Кант же предлагает теорию “синтаксиса” этих комбинаций и, соответственно, “синтаксическую” теорию типов их факторов — по крайней мере так я интерпретирую его загадочные упоминания о “функциях объединения”. Однако кантовские категории не совпадают с его формами суждения. Каким-то неясным образом они оказываются проекциями этих логических форм на сферы естественных вещей и событий» [8]. А ведь это именно тот путь, которым шли к своей мегалитической философии до Канта — Аристотель, после Канта — Гегель.

Мы предлагаем такое объяснение. Подход Аристотеля — парадигматический; подход Канта — синтагматический.

Парадигматика и синтагматика

Поясним теперь основной тезис: в гносеологии Кант выступает как метафизик, но не как диалектик. «Разрешение антиномий Кантом... остается в сфере негативной диалектики» [3, с. 74–75]. Конечно, это особая метафизика — «очищенная при помощи критики и приведенная таким образом в устойчивое состояние», — и она, как об этом говорил сам Кант, представляла собой сокровище, завещаемое потомству. Однако важнее всего следующее соображение: рассудочные категории Канта — не парадигмы, а *синтагмы*.

Хотя в каталогах Канта каждая третья категория выступает как синтез двух первых («Кант предполагал возможность... разрешения антиномий посредством обращения к их синтезу в способности суждений», [3, с. 65]), это все равно «неподвижная определенность» рассудка, по слову Гегеля, которому

единственному удалось уловить движение мысли как самодвижение и самопорождение — на основе принципа тождества бытия и мышления.

В последней трети XX – первой трети XXI веков совместными усилиями «пост-философов», начиная с Куна, в философии закрепился позитивистски переосмысленный термин «*парадигма*». Тысячи лет ничего не означавшая, кроме как сумму примеров в грамматике (все падежи склонения имени существительного, все формы спряжения глагола и пр.) или «семью» родственных слов, парадигма стала чем-то значительно более серьезным: смысловой моделью или даже «типом мировоззрения».

Это обязывает вернуть на поле парный к «парадигме» методологически ценный концепт «*синтагма*». Она выигрывает именно в том, что позволяет учитывать и логику предикатов, и логику высказываний, оставаясь строго определенной и обоснованной. Словарь лексем, а тем более морфология, без синтаксиса еще не язык; «витрина» парадигм без синтагматики еще не мысль. Не добираясь до всеобщей диалектики, «синтагма» все же позволяет перейти от «неподвижно определенных» обособленных парадигм к сменяющимся фазам «остановленного» движения мысли. Синтагма при этом — не только пропозиция, характеризуемая известными признаками: единичное/общее, утверждение/отрицание, условное/безусловное и т. д.; это «смысловая энергия всего предложения» (Лосев, «Философия Имени»). Синтагма — место встречи мысли и языка.

Уже приходилось писать, что синтагма есть сет фреймов, покадровая съемка, витгенштейнианский «комикс», которая существенно исключает время, рассматривая настоящее как неизменное присутствие, освободившееся из круговорота кратилова потока, в котором вещь не имела права на имя, поскольку в реку нельзя войти и один раз. От логики в синтагме ясность и определенность, от диалектики — дискурсивность: показ движения или действия в виде отдельных кадров, изображающих данную цепь состояний.

Примеры.

- Основная синтагма гносеологии: истина есть; она и результат познания, и сам процесс ее достижения; она едина и абсолютна, но вместе с тем и контингентна.
- Основная синтагма онтологии: Все есть одно, и оно пребывает (покоясь или изменяясь).
- Основная синтагма этики: моя свобода заканчивается там, где начинается несвобода другого человека.
- Основная синтагма эстетики: чувственность есть душа искусства.
- Основная синтагма логики: невозможно, чтобы А и не-А.
- Основная синтагма науки: предмет познаваем сам из себя; важно правильно применить соответствующий метод.
- Основная синтагма буддизма: жизнь — страдание; страдание вызывается желанием; чтобы не страдать, надо не желать.
- Основная синтагма христианства: Аз есмь Сущий.
- Основная синтагма ислама: нет бога кроме Бога, и Мухаммед — пророк его.

Синтагматику мы определяем как *метод*, т. е. способ получения, организации, хранения, трансформации и трансляции знания, *промежуточный между*

диалектикой и метафизикой, или между формальной логикой и логикой диалектической. Это диалектика в логически снятом виде: синтагмы — конвенционально распрямленные отрезки объективно-реально криволинейного самодвижения мышления, которые, взятые в потенциальной совокупности, совпадут с тальвегом этого пути. Так, луч — в абстракции идеал прямой, — в действительности, путешествуя по Вселенной, столько раз притягивается к небесным телам, что в реальности являет собой невероятно сложную кривую. (Ее, однако, можно «выпрямить», разложив в ряд Фурье.)

Синтагматика лежит и в основе пифагорейского отыскания совершенных тел: от тетраэдра и куба к икосаэдру и додекаэдру с десятками граней, — правильных треугольников и пятиугольников, в стремлении к наиболее совершенной из всех существующих форм, сфере.

Переход от парадигмы к синтагме — логичный путь по направлению к диалектике, но это полпути: это именно переходная фаза. И Аристотель, и Кант (и Гегель) предлагают свои решения для демонстрации переходных форм.

Формы «уловления» переходов

У Аристотеля это картина взаимообусловленности категорий («вторая» сущность, например, объясняется через качество, а количество — через время и место [4, с. 59; 62], отношение через положение [4, с. 67] и т. д.). Это также деление, как зафиксировали схоласты, всей парадигмы на анте-предикаменты, предикаменты и пост-предикаменты по принципу «присущности» (признаков) или «сказываемости».

У Канта это попытка перейти от чувственности к рассудку при помощи понятия «эмпирических представлений», непосредственно относящихся к предметам через ощущения; это и «бесконечные» суждения качества в таблице 1; это также знаменитая *схема*, «нечто третье», однородное и с категориями, и с явлениями, или способ мыслительной деятельности, состоящий в конструировании эмпирических «образов» согласно универсальной модели. (А у Гегеля промежуточный момент между рассудком и разумом — это *негативно-диалектический* разум: гибкий и подвижный, не доходя до тождества противоположностей, он улавливает, тем не менее, их взаимодействие.)

Это сложная головоломка: любое *Begreifen*, «ухватывание», или определение, оставляет половину признаков в зоне не-знания, *ignorance*. *Omnia definitia periculosa est*, то есть всякая дефиниция опасна: любое определение половину содержания оставляет за бортом. Ту же философскую сложность вызывает любая решительная и определенная классификация: древо Порфирия, например, «выросшее», вычлененное из текста «Категорий». Приходится при необходимости объяснять произвольное приравнивание множества прямолинейных отрезков и объективно существующего «криволинейного» оригинала; это не всегда нужно, но иногда неизбежно, ибо количество изменяется как *zoom*.

Аристотель различал те категории, которые «присущи» предмету, и те, которые «сказываются» о предмете; первые из них стоят ближе к чувственности, выражая предмет; вторые, принадлежат рассудку, обозначают его. Но надо было еще различить присущность как принадлежность части — целому, вида — роду и как связь главных членов (терминов) в суждении. Над этой проблемой размышляли в начале эпохи схоластики — Боэций, в конце — Уильям Оккам.

Например, против отождествления деления целого на части и ограничения рассматривается высказывание: «Сократ есть живое существо». Для истинности этого высказывания не требуется, чтобы «живое существо» реально присутствовало в Сократе или представляло какую-то часть Сократа; требуется только, чтобы Сократ соответствовал *in quid* термину «живое существо». «Человек присутствует в Сократе» или «Человечность есть часть Сократа» суть ложные высказывания [7, с. xxvi]. «Посредством такого высказывания “Человек есть живое существо” обозначается, что Сократ поистине <в реальности> есть живое существо. Так что высказывание “*Nos est animal...*” было бы истинным, указывая на Сократа» [7, с. 29].

Оккам вводит следующую полезную для понимания семиотики и логики Аристотеля классификацию терминов: они бывают *первичной и вторичной интенции*, а также различной (*первой и второй*) *импозиции*:

- 1) термины первичной интенции обозначают объекты;
- 2) термины вторичной интенции обозначают понятия;
- 3) термины первой импозиции обозначают понятия и объекты;
- 4) термины второй импозиции обозначают сами слова («имя», «местоимение», «глагол», «союз», «падеж», «число», «наклонение», «время» и т. п.) [7, с. 23–25].

Подчеркнем: *различно различие между терминами первичной и вторичной интенции* (первые обозначают объекты, вторые — обозначают понятия: у них разное направление совпадения с референтом, *direction of fit*) и *первой и второй импозиции* (первые обозначают равно объекты и понятия, а вторые суть знаки слов: имя, прилагательное, существительное, склонение, и т. д.). «Посредством же такого высказывания, как “Человек” есть имя», обозначается, что слово «человек» есть имя, потому в этом высказывании «человек» подразумевает это слово (*haec vox “homo” sit nomen, ideo in ista supponit “homo” pro illa voce*)» [7, с. 29].

Для материалиста более всего интересны попытки объяснить переходы от объекта к чувственности и от чувственности к рациональности.

Существует известная манера толковать внешние объекты как причины (основания), а их «следы» (образы, отпечатки) в сознании как следствия (действия). Известный английский кантовед Аллен Вуд, например, пишет, что объяснения Канта больше связаны с метафизикой причинности, чем у Гегеля (и поэтому они слабее) [Цит. по: 10, с. 44]. Но *реальное* следование, считает Кант, не тождественно «основанию» (причине), и потому его нельзя вывести исходя только из законов логики. Значит, причинное отношение есть дело не логики, а *опыта*. «Оставляя в стороне объективную реальность причинных связей, Кант надеется своим учением о «схематизме» обнаружить механизм распространения категорий на чувственность» [3, с. 50, 74].

С другой стороны, существование внешних по отношению (ко мне) вещей является лишь *логическим умозаключением* — о чем Кант говорит в конце Предисловия ко второму изданию с искренним волнением: «Нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на *веру* существование вещей вне нас (от которых мы ведь получаем весь материал знания даже для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство

этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению» [1, с. 37, сноска]. Кант предлагает строгое и единственно возможное, как он полагает, доказательство объективной реальности внешних созерцаний. Понятия разума, покидающие границы опыта, служат для «схватывания» концептов, то есть собственно познания (*zum Begreifen*).

Промежуточной фазой познания между логикой и духом (рассудком и разумом) является упомянутая *схема*. Понятия рассудка, *notiones*, в том числе категории, не могут покинуть границы опыта, служа системному пониманию восприятий (*zum Verstehen*). Принцип действия системного единства рассудка есть применение его понятий к схеме разума. «Схема» — это способ деятельности, состоящий в построении «эмпирических образов» сообразно всеобщему» [3, с. 76]. «Схемы» соответствуют порядку всех категорий как их «синтез многообразия сообразно правилу единства»: схема величины есть число; схема субстанции — устойчивость реального во времени (*Beharrlichkeit*). Схема причинности — реальное / другое реальное, т. е. последовательность многообразия; общение (*Gemeinschaft*), или взаимодействие (*Wechselwirkung*), есть взаимная причинность субстанций в отношении их свойств. Схема возможности есть согласие синтеза представлений с условиями времени, а схема действительности — существование в определенное время; наконец, схема необходимости есть существование предмета во всякое время [2, с. 180]. Все эти суждения — классические синтагмы; синтагмы Канта.

Опять-таки критикуя Аристотеля, Кант пишет, что если устранить качество устойчивости, то от субстанции ничего не останется, кроме (логическое) субъекта, не могущего быть предикатом. Но этого мало, считает Кант; такое определение не указывает, какие признаки имеет вещь, признаваемая за первичный субъект. А качество устойчивости это позволяет: на этой основе определяются последовательность и существование явлений во времени (*Zugleichsein*). Следовательно, категории рассудка без схем — это только функции, они не представляют никакого объекта (*Gegenstand*) [2, с. 182].

Понятие схемы позволило также разграничить общее представление, то есть *образ*, и понятие — которые в немецкой традиции сплошь и рядом берутся как синонимы.

Выдающийся отечественный кантовед А.С. Богомолов пишет в главе «Кант» («История диалектики»): «...Понятие схемы выражает способ соединения чувственности и рассудка, причем именно способ активного воздействия рассудка на материал чувственности, в результате которого появляется такое качество понятия, как всеобщность» [3, с. 74–75]. Категории, как априорные формы рассудка, упорядочивают материал многообразных ощущений, однако не напрямую, а через «посредников». Сам Кант излагал это так: «[В исследуемом нами] случае, очевидно (*Nun ist klar, daß*), должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении (*einerseits*) с категориями, а в другом отношении (*andererseits*) с явлениями и обуславливающее возможность применения категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой — *чувственным*. Такой характер имеет *трансцендентальная схема*». Трансцендентальное учение об элементах. Вторая

книга. Аналитика основоположений (Grundsätze). Первая глава. О схематизме чистых понятий рассудка [2, с. 176–177].

Не только схема, сама способность суждения рассматривается Кантом как «место» синтеза теоретического и практического разума, а следовательно, она (эта дедуктивная способность) также находится между рассудком и разумом. Например, она дает посредствующее понятие между природной необходимостью и свободой: это *целесообразность*, и т. д.

Так различными способами, наблюдая или конструируя, открывая или изобретая, вводя промежуточные фазы (ступени, степени, остановки на этажах сигнификационного лифта), философы стремятся преуспеть в задаче приблизить многоугольник к окружности, дискретность к континууму.

Заключение

«То, что известно (bekannt), еще не есть поэтому познанное (erkannt); между тем требование продолжать заниматься тем, что уже известно, может даже вывести из терпения — а что более известно, чем определения мысли?» (Гегель. Предисловие ко второму изданию «Науки логики»). И, однако, требование продолжать заниматься определениями мысли есть категорический логико-лингво-семио-гносеологический *императив*. Для оснований философии нет ничего важнее изучения оснований философии. Как о том писал Философ, «А более всего познаваемы первые начала и причины, ибо через них и из них познается все прочее, а не они [познаются] через себе подчиненное... С другой стороны, едва ли и не труднее всего знать людям это же, то есть наиболее всеобщее; ибо оно дальше всего лежит от чувственных восприятий» [6, с. 33–34]. Базисные категории Аристотеля и Канта — «алфавит и синтаксис мысли», — хотя практически все греки были стихийными диалектиками, а Кант родоначальник немецкой классической диалектики, — являют собой фундамент *формальной логики*.

Аристотель, однако, подошел к своему списку парадигматически; он принял, не отстаивая ее специально, позицию реализма, исходя из схемы «вещь — свойство — отношение», и его «метафизически привилегированный список высших родов», грамматически врожденных языку, подобран, разумеется, для построения и объяснения структуры суждений.

А Кант строит свой каталог синтагматически. Он внятно и определенно демонстрирует происхождение категорий из суждений. Два эти подхода исчерпывают собой все возможные иные подходы к построению универсальной сети опорных понятий, связывающих бытие, мышление и высказывание, — за уникальным исключением: всеобщей диалектики Гегеля.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / под ред. Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина; Москва: Эксмо, 2012. 736 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. Москва: Наука, 1999. 655 с.
3. История диалектики. Немецкая классическая философия. Москва: Мысль, 1978. 365 с.
4. Аристотель. Категории / Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. Москва: Мысль, 1978.

5. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Internet]. Studtmann P. Aristotle's Categories. [дата обращения 15.10.2023]. Доступно по ссылке: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-categories/>
6. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. Москва: Мысль, 1975. 550 с.
7. Оккам У. Избранное. Москва: РАН ИФ, Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
8. Гилберт Р. Понятие сознания. Приложение. Категории / под ред. В.Н. Поруса. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
9. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. Москва: Наука, 1990. 413 с.
10. Ameriks K. Interpreting Kant's Critiques. Oxford University Press, 2003.

References

1. Kant I. Kritika chistogo razuma. Ed. by Ts.G. Arzakanyan, M.I. Itkina. Moscow: Eksmo; 2012. (In Russ.)
2. Kant I. Kritika chistogo razuma. Moscow: Nauka; 1999. (In Russ.)
3. Istoriya dialektiki. Nemetskaya klassicheskaya filosofiya. Moscow: Mysl'; 1978. (In Russ.)
4. Aristotel'. Kategorii. In: Aristotel'. Sobranie sochinenii. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1978. (In Russ.)
5. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Internet]. Studtmann P. Aristotle's Categories. [cited 2023 Oct 15]. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-categories/>
6. Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4 tomakh. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1975. (In Russ.)
7. Okkam U. Izbrannoe. Moscow: RAN IF, Editorial URSS, 2002. (In Russ.)
8. Gilbert R. Ponyatie soznaniya. Prilozhenie. Kategorii. Ed. by V.N. Porus. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi; 1999. (In Russ.)
9. Boetsii. «Uteshenie filosofiei» i drugie traktaty. Moscow: Nauka; 1990. (In Russ.)
10. Ameriks K. Interpreting Kant's Critiques. Oxford University Press; 2003.

Информация об авторе

Эмилия Анваровна Тайсина — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Татарстан, Россия; eLibrary SPIN: 6974-2745. **E-mail:** emily_tajsin@inbox.ru

Information about the author

Emilia A. Taysina — PhD (Habil.), Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Mediacommunications, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Tatarstan, Russia; eLibrary SPIN: 6974-2745. **E-mail:** emily_tajsin@inbox.ru

Post-non-classical modification of techno anthropology E. Kappa

A.I. Loiko

Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Поступила в редакцию: 29.05.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ For citation: Loiko A.I. Post-non-classical modification of techno anthropology E. Kappa. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):84–90. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.12>

Abstract. The article studies the evolution of techno-anthropology in the modifications of the classical, non-classical and post-non-classical periods of philosophical reflection on the example of the projection of human organs by E. Kapp. The reasons for the actualization of the design theory of human organs by E. Kapp in post-non-classical philosophy are described. The categorical apparatus of the post-non-classical philosophy of technology is analyzed. In the semantics of the post-non-classical philosophy of technology, a tendency for the dominance of technological determinism has been revealed. The situation of transformation of the paradigm of anthropocentrism into competing paradigms by modern man is stated. One of them is formulated as a paradigm of the creative disappearance of a person. The second paradigm is positioned as a strategy for the spatial expansion of a distributed human body, hybrid integrity, assembly and assemblages.

Keywords: philosophy of technology; projection of human organs; Kapp; post-non-classical philosophy of technology; paradigm; hybrid integrity.

Постнеклассическая модификация техноантропологии Э. Каппа

А.И. Лойко

Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Original article submitted: 06.04.23

Revision submitted: 30.09.23

■ Для цитирования: Лойко А.И. Постнеклассическая модификация техноантропологии Э. Каппа // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.12>

Аннотация. В статье исследована эволюция техноантропологии в модификациях классического, неклассического и постнеклассического периодов философской рефлексии на примере проекции органов человека Э. Каппа. Описаны причины актуализации проектной теории органов человека Э. Каппа в постнеклассической философии. Проанализирован категориальный аппарат постнеклассической философии техники. В семантике постнеклассической философии техники выявлена тенденция доминирования технологического детерминизма. Констатирована ситуация трансформации современным человеком парадигмы антропоцентризма в конкурирующие парадигмы. Одна из них формулируется как парадигма творческого исчезновения человека. Вторая парадигма позиционируется как стратегия пространственного расширения распределенного тела человека, гибридной целостности, сборки и ассамбляжей.

Ключевые слова: философия техники; проекция органов человека; Капп; постнеклассическая философия техники; парадигма; деантропологизация; гибридная целостность.

There were three stages in the evolution of the philosophy of technology. The first stage is classical. It originates in modern times. But the term «philosophy of technology» was introduced into the scientific circulation of the German language by E. Kapp only in the second half of the 19th century [1]. And it was E. Kapp who developed one of the first theories of the philosophy of technology [2]. This theory states that technical devices are natural extensions of human organs, arms and legs. The constructor unconsciously reproduces his organs in all his creations and cognizes himself on the basis of these artificial creations. Man was motivated to continue himself in the technical tools of labor by the physical limitations of his organic body, which stimulated thinking and creative imagination and pushed him to design activity. Largely thanks to tool activity, man became an independent force in the biosphere. He was able to effectively defend himself against predators and provide himself with food and safe housing. F. Engels stated this in his research. But there was a long historical period when philosophical reflection delimited man and technology as entities. This period originates in ancient philosophy. It was completed by the studies of K. Marx and E. Kapp.

K. Marx discovered the direct influence of technology and technology on the anthropological status of a person in the system of industrial production. Industrial workers themselves have discovered this influence. Confirmation was the movement of the Luddites. E. Kapp did not study economic philosophy. Therefore, he removed issues related to technology from acute social topics. This perspective is closer to ontology and anthropology in their general consideration. But at the non-classical stage of the evolution of the philosophy of technology, it was not possible to get away from the problems arising from it for the existence of man. Philosophers themselves did not aspire to this. Among them were N. Berdyaev, J. Ortega y Gasset, Z. Freud, K.G. Jung, O. Spengler and K. Jaspers. Technique was formulated as a causal factor of problems and threats for mankind. It was associated with the last stage of the life cycle of industrial culture.

The problems arising from the phenomenon of technology were recognized and tried to be solved by the philosophizing engineers of the Union of German Engineers of the FRG. M. Heidegger endowed technology and the instrumental thinking associated with it with critical characteristics [3]. G. Marcuse identified and described the first anthropological product of industrial technologies. He called him a one-dimensional man [4]. Risks in human evolution were discovered by E. Fromm [5].

Critical reflections on technology in non-classical philosophy did not influence the growth of the influence of technological determinism. They have not even formed a subject field for the analysis of a new threat posed by technology in the form of artificial intelligence and cybernetics. On the contrary, analytic philosophy in the 20th century focused on the problems of mathematical logic and philosophy of mind. These are important grounds for creating artificial intelligence.

The post-non-classical philosophy of technology continued the theme of the integration of man and instrumental technological components and digital artifacts. D. Aidi comes from this position [6, p. 34]. The non-neutrality of technology is always concrete and is expressed through a response to a challenge from outside, the main parameter of which is its effectiveness. The subject is the technological background of the expansion of the human body. Technical objects act as a way to supplement and enrich the corporality in the life world. An example is the vast

toolkit of research and transformation of reality created over the millennia. With the help of technical means, it is possible to expand the boundaries of human sensibility, to go far beyond the limits of the limited body of the individual. The experience of the world through instruments is very different from the experience gained in the flesh. The transformation of experience is carried out due to the property of instrumental transparency, which allows you to perceive the world in a new sensory range.

Technology becomes part of the person. At the moment of using the instrument, the perception of a person is brought to the fore. This makes the experience unique and new. The transformation leads both to a certain expansion and to the intensification of experience, as well as its integral localization and transformation.

Post phenomenology considers the transformation of human experience through the prism of technical operability. For this reason, the process of interaction between man and technology goes unnoticed, which, in turn, leads to an incorrect interpretation of the result. Because of this, an idea arises of the neutrality of technology, which seems to exist in parallel with man and cannot claim any independence or activity.

B. Latour, J. Lo, M. Callon and T. Hughes attempted a broader interpretation of the action not as a traditional causal relationship. Such an idea of action is transferred to all technical artifacts of culture and expands the boundaries of perception of technical reality. The quasi-other arises in the process of human interaction with technical objects. The most obvious example of a forced transformation of interaction is a smartphone, in order to work with which people need to know about the process of turning it on, launching the desired program, and saving information. The use of a mobile phone leads to a significant reorganization of the thinking process.

The attitude of the quasi-other reveals the depth of the connection between the individual and the instrument, which is between the person and the environment. The attitude of the quasi-other manifests itself not only in the process of interaction with complex technical devices, but also with cutlery, lock keys and water taps. In order to use even the most primitive technical objects in everyday practice, a person must be able to handle them. Learning to use cutlery and personal hygiene items, along with upright walking and the ability to speak, is an essential attribute of human civilization. The need to master technical means and their subsequent inclusion in individual phenomenological experience reveals the ontological relationship between man and technology. Frequent human interaction with technical objects not only transforms everyday practices, it leads to the formation of specific connections, which are called hermeneutic.

Technique is not only quasi-other for the individual. It also forms a hermeneutic connection between people and technical objects [7, p. 199]. In the process of reading, the device acquires an intermediary function between a person and the environment. As a result of the interaction, the vector of the further attitude of a person to the environment is set. Knowing what the weather will be like, a person decides what to wear or put on. Technique organizes the environment through various transformational structures. In the process of using measuring instruments that collect disparate information and focus a person's attention on certain parameters of the environment, the transformative nature of technology can be traced.

The world is perceived as a text mediated by technology and requiring decoding. People merge with technology into one whole in order to gain the experience of the world mediated by it. According to D. Aidy, "the tool allows you to incarnate at a distance in order to get to the subject through the tool. But at the same time, it is a genuine extension of my sensuality. There is a sense of difference in experience itself, which is indicated by my preliminary distinction between «in the flesh» experience and mediated experience» [8, p. 19]. As a result of this interaction, a transforming perception of the world arises, which is subsequently modified into knowledge about the world and an individual way of existing in it.

Techno-technological transformation means the possibility a certain expansion and enhancement of experience, as well as its reduction or transformation. Thus, the technical objects used are never neutral instruments. Their engagement, always taking a concrete form through an implicitly embedded bodies and a substantive user request, provides the conditions for something. Phenomenological experience is formed on the frontier of sensory perception mediated by a technical object and the world itself, where technology plays a mediating role. The variety of particular examples included in the contextual analysis of various technical artifacts postulates the departure of the post phenomenology of technology from the axiological assessments of the objects under study.

A particular artifact is comprehended not from the point of view of good or evil, but from the standpoint of expanding human experience. This levels the dichotomy of man and technology in the classical philosophy of technology, revealing the technical part of the human self and its life world. This approach is very successful among the leading design laboratories in the USA and Western Europe, the countries of the Asia-Pacific region, resulting in the design of intuitive, human-sized and ergonomic equipment.

The digital space of communication and professional activity has been technologically formed faster than the institutional environment of this space with the normative part corresponding to its characteristics. In this vacuum, various forms of digital evil have become actuality. His categorical apparatus was formed. It contains such concepts as fake, phishing, deep fake and cybernetic bullying.

Fake is a modification of deception. Deception has a technological form of implementation. It has a social and individual order. The fight against fake involves methods and measures that can protect a certain living space from the invasion of fakes that threaten its existence. The modern media industry, whose representatives are fighting to develop principles to counter the production of fakes, is in a situation of paradox, a clash of positions. Fake news is a particular example of a larger problem of information verification quality. In addition, objectivity constantly coexists with the production of illusions. Specific tools for the production of meanings become a source of excessively high-quality content that people are not able to interpret as constructed. There is a system of precedents for underestimating the ability of digital algorithms to program, assemble and create reality. Mockumentary, as a way of creating an ironic, often mocking narrative towards an unsuspecting viewer, is an example of deliberate forgery. The best examples of mockumentary are considered a kind of terrorist act against the audience. And how else is it worth evaluating films, television and radio programs, where any cultural norms, agreements and even heroes are viciously, surreptitiously and at the same time not always obviously

ridiculed. Technologies do not just construct an illusion, but create pictures or any other objects that are more real and naturalistic than the consumer can imagine. The problem of distinguishing between the real and the virtual remains relevant. The simplest tools for creating and editing digital images are being replaced by machine learning technologies, the results of which are changing the photography industry. Any photograph easily acquires a look more suitable for a conventional work of art.

Modern children and teenagers live in a mixed reality, combining different ethical systems that exist online and offline, using the capabilities of artificial intelligence, and they are aware of this. They not only consume content, but also create it they themselves form the rules of communication. For example, you cannot call strangers; you can't record voice messages if you can write. You cannot use someone else's content without a link to a photo with filters. It is necessary to put a mark on the use of the filter. Being in a digital environment is strongly associated with emotions. Children worry, fight for justice, proves their point of view.

The Internet environment dictates a fairly strict policy of security, privacy and social support. At the same time, online mechanisms designed to control and predict human thinking and behavior, including the rules of ethics were not created by child psychologists. The digital world is practically not described by anyone. To harmonize it, new laws and rules are needed that will form the boundaries of what is permissible. The generation of digital children is at risk. If there is a lockdown in the network, they will be left alone. Without an understanding of real life lost in almost all areas: education, family, communication, friends or even leisure.

New norms are not only emerging, but are already being institutionalized. The peculiarity of digital ethics is that it must be woven into a new product, adapted for society and the younger generation. The emergence of bloggers, hackers and other representatives of the emerging industry dictates a set of ethical standards. The social sphere (family, education, military operations) is changing with digital reality and its new ethics.

Large businesses are rapidly increasing the amount of data that users transfer in exchange for convenient services, and often sign a personal data agreement automatically, allowing the owners of the service or application to use it at their discretion. Private companies are trying to personalize their digital products as much as possible, while they themselves are in a situation of legislative uncertainty.

Another side of the issue when discussing the ethics of digital technologies involves the transparency of decision-making by artificial intelligence systems, including their possible use in public services. When making erroneous decisions, the most vulnerable social groups (residents of remote settlements, people with low digital literacy, pensioners) are likely to suffer, for whom it will be technically difficult to challenge the decisions made by the robot. Ethical issues in the field of artificial intelligence have moved into the field of technical regulation and standardization. Technical standards are being developed that will define the properties of the system that must make decisions. Such systems cannot be a black box and must be able to explain why a decision was made in a certain way. The ethics of such systems will depend on what imperatives will be invested in them by the developer.

People are concerned about omnipresence (the inability to hide from surveillance systems), the problem of identification (it is impossible to determine whether you are currently being observed or not), unpredictable behavior (lack of warning about

video filming and other data collection systems in public spaces). For young people, the word «Internet» is not operational. She uses platform names.

Generation Z is already in the virtual universe. NFT technologies, personalized avatars, 3D avatars, Web3 are available to him. Often, services and resources are abused by the fact that the user is on their site and tries to either impose some kind of service or product, or force them to spend more time on their services. These are dark patterns. These are manipulative measures that are created using the design, interfaces and navigation of various applications in order for the user to make the necessary commercial action for the site, for the digital resource: how to buy, spend more money, spend more time or get more data. The commercialization of influencers becomes a barrier because it reduces the level of trust in the influencers themselves. In the flow of information, it is difficult to isolate the information that is verified. It is important to come to an understanding that for every word in social networks, they are responsible, as they are responsible for words in physical life. But technology support is needed. Developers are focused on neural network technologies, computer vision, to detect and anticipate, to predict that this or that content will potentially be malicious or toxic. It is important to create rules of operation, and these rules should be based on respect for the digital rights of users. Among them is the right of a citizen to freely seek information. The goal is a comfortable digital environment. Knowledge of the ethical dilemmas that arise in connection with digitalization, of the emerging rules of ethics for digital technologies, is especially important for public servants and managers.

To obtain a positive effect, decision makers must be aware of the development of technologies, understand what economic and social consequences their application will cause. Attention to the ethical side will help to make the decision more and thereby avoid conflicts in society between stakeholders. Public administration and interaction with citizens are being digitized. The effectiveness of such interaction depends on whether ethical risks have been taken into account. This is useful for those responsible for the development of digital services, products and systems aimed at citizens as service recipients and consumers or as workers. Possible conflicts and risks associated with the ethical side of the use of technology can be prevented if attention is paid to this when designing a service or product.

From the variety of digital technologies, digital data; artificial intelligence (AI); Internet of things (IoT) are of interest.

References

1. Kapp E. Grundlinien einer philosophie der technik. zur entstehungsgeschichte der cultur aus neuen gesichtspunkten. Braunschweig: George Westermann; 1877. (In Ger.)
2. Mitcham C. Thinking through technology: the path between engineering and philosophy. University of Chicago Press; 1994.
3. Heidegger M. Ontology – the hermeneutics of facticity (Studies in continental thought). Indiana University Press; 2008.
4. Marcuse H. One-dimensional man: studies in ideology of advanced industrial society. New York: Routledge; 1991.
5. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. New York: Henry Holt; 1992.
6. Ihde D. Postphenomenology: essays in the postmodern context. Evanston: Northwestern University Press; 1993.

7. Verbeek P.P. What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design. Penn State: Pennsylvania State University Press; 2005.
8. Ihde D. Technics and praxis. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company; 1979.

Список литературы

1. Kapp E. Grundlinien einer philosophie der technik. zur entstehungsgeschichte der cultur aus neuen gesichtspunkten. Braunschweig: George Westermann, 1877.
2. Mitcham C. Thinking through technology: the path between engineering and philosophy. University of Chicago Press, 1994.
3. Heidegger M. Ontology – the hermeneutics of facticity (Studies in continental thought). Indiana University Press, 2008.
4. Marcuse H. One-dimensional man: studies in ideology of advanced industrial society. New York: Routledge, 1991.
5. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. New York: Henry Holt, 1992.
6. Ihde D. Postphenomenology: essays in the postmodern context. Evanston: Northwestern University Press, 1993.
7. Verbeek P.P. What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design. Penn State: Pennsylvania State University Press, 2005.
8. Ihde D. Technics and praxis. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1979.

Информация об авторе

Alexander I. Loiko — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophical Teachings of the Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 7229-1438. **E-mail:** alexander.loiko@tut.by

Information about the author

Александр Иванович Лойко — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, Минск, Республика Беларусь; eLibrary SPIN: 7229-1438. **E-mail:** alexander.loiko@tut.by

От философии «гармонии мира» к постнеклассической философии музыки в контексте феномена трансдисциплинарности

Г.Г. Коломиец

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Поступила в редакцию: 21.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Коломиец Г.Г. От философии «гармонии мира» к постнеклассической философии музыки в контексте феномена трансдисциплинарности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 91–96. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.13>

Аннотация. В статье рассматривается феномен взаимосвязи философской гармонии мира и субстанционального музыкального бытия, привносящего в жизненный мир человека музыкальную теорию и практику, в основе которой лежат физико-математические законы и принцип самоорганизации музыкальной системы сообразно единому процессу миротворения с нарастанием энергичной напряженности благодаря эволюции расширяющейся Вселенной. Интуиция и развитое музыкальное сознание открывают расширенные звуковые возможности.

Ключевые слова: гармония мира; философия музыки; музыкальная теория; связь: метафизика-музыка-наука.

From the philosophy of «harmony of the world» towards the post-non-classical philosophy of music in the context of the phenomenon of transdisciplinarity

G.G. Kolomiets

Orenburg State University, Orenburg, Russia

Original article submitted: 21.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Kolomiets G.G. From the philosophy of «harmony of the world» towards the post-non-classical philosophy of music in the context of the phenomenon of transdisciplinarity. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):91–96. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.13>

Abstract. The article examines the relationship between the philosophical harmony of the world and the substantial musical being, which brings musical theory and practice into the human life world, which is based on physical and mathematical laws and the principle of self-organization of the musical system in accordance with a single process of peacemaking with an increase in energy tension due to the evolution of the expanding Universe. Intuition and a developed musical consciousness open up expanded sound possibilities.

Keywords: harmony of the world; philosophy of music; music theory; connection: metaphysics-music-science.

Как бы ни было изменчиво бытие истории философии в противостоянии эмпирической и рационалистической методологий, предпочтение той или другой зависит от социально-культурных условий, писал А.В. Перцев, ссылаясь на «метафилософию» академика Т.И. Ойзермана. Преобладание эмпиризма сейчас обусловлено «торжеством идей глобализации» [1, с. 123], влиянием либерализма. Смысл статьи Перцева, как представляется, состоит в том, что сутью истории философии выступает движение, изменчивость, при которой достоинство идей древнегреческой философии, неоплатонизма, гегельянства и в целом немецкой классической философии сохраняется как «вечный гераклитовский огонь», и, по утверждению М. Хайдеггера, бытие не есть вечное и настоящее [1, с. 143]. Это наводит на мысль о неизменном и изменяющемся в трансдисциплинарных взаимосвязях, о том, что при изменчивости философско-методологических оснований сохраняются связи метафизики, астрофизики, математики и музыки. Показателен пример жизненных поворотов яркого представителя «критического рационализма» К. Поппера, который, получая образование по физике и математике в Венском университете, занялся изучением музыкальной композиции в Венской консерватории и был почитателем концертов додекафонной музыки А. Шенберга. На наш взгляд, это важно для понимания неслучайной связи музыки и физико-математических наук. Другой пример касается трансформации понимания мировой гармонии в постнеклассической науке, когда мы встречаем статью в физико-техническом журнале «О едином происхождении нейтральных звезд и сверхмассивных черных дыр» [2], наводящую на философские рассуждения, которые начинались еще в древности, о единой гармонии мира. Однако жизненный мир не снимает понятия «гармония мира», если понимать его как устойчивый мировой принцип сочетания и борьбы противоположностей, отталкивающихся и притягивающихся материальных феноменов, в конце концов втягивающихся в нечто единое. Исторически изменился угол зрения в философском понятии гармонии с преобладающего светлого мировосприятия на трагический животворный, творящий, гераклитовский логос. С точки зрения современной постнеклассической науки, скажем, что с понятием гармонии мира, небесных сфер, вселенских миров (точнее, гармонии миротворения или, учитывая способность человеческого сознания, нашего мировоззрения) связывается темный источник «черных дыр» как производителей явлений хаос-космоса, и мы во всем этом видим процесс неустанного «музыкального» движения. Вы спросите, причем здесь музыка, есть ли связи «музыкальной гармонии» и вселенских процессов. Если кратко пройти по истории философии в контексте связи гармонии мира и музыки, которая понималась всегда больше чем вид искусства (музыкальное искусство в жизнедеятельности человека вторично), то следует напомнить этапы единства связи космоса-философии-музыки-астрономии-физики-математики:

1) древнегреческое представление о музыкальной гармонии небесных сфер, начиная с пифагорейской школы (причем звучанию движущихся небесных сфер предшествует божественный принцип гармонии, который и заставляет их двигаться и звучать);

2) музыка в системе наук и в значении «музыкального» человека, нашедшего гармонию в своей душе по Платону и Аристотелю;

3) принцип меры божественного бытия в шести книгах «О музыке» Аврелия Августина, описание трех видов музыки Боэция (*mundana, humana, instrumentalis*); музыка как математическая дисциплина у Прокла;

4) музыка в «Гармонии мира» И. Кеплера, сочетающего метафизику, астрофизику, математику;

5) в «аксиомах числового перво-принципа», в «диалектических основах математики» А.Ф. Лосева, связывающего число, время, музыку. Философская метаматематика Лосева неотъемлема от его концепции логического и нелогического в субстанциальном музыкальном бытии [4]. Таким образом, связи философии музыки с метафизикой, физикой, астрономией и математикой имеют древние традиции, но сегодня они углубляются, изменяются, как и взгляды в философии науки.

Музыкальное искусство благоприятствует развитию науки, философии, содействует проникновению в тайны человеческого сознания, открывая онтогносеологическую, мировоззренческую, антропологическую ценность музыки. В эволюции музыкального мышления отмечается движение с ускорением увеличения числа в пропорциональных соотношениях музыкальных звуков от классики к модерну и постмодерну. Если сравнить старинные музыкальные сочинения с современными композициями, изобилующими диссонансами, то оказывается, что весь процесс музыкального композиционного развития указывает на фактор, существующий как данность усложнения сонансов, уходящих вглубь и вширь, согласно контексту научного знания о расширяющейся Вселенной. Интуиция и развитое музыкальное сознание открывают расширенные звуковые возможности. В этой связи обратимся к философскому осмыслению связи научного естествознания, метафизики и музыки.

Неклассическая наука первой половины XX века базировалась на релятивистской и квантовой теории, на единстве субъекта и объекта. Спрашивается, какие связи философии науки и музыки могут быть в этот период? Во-первых, первая половина XX века характеризуется в музыке тем же процессом смена музыкального мышления, отраженным в искусстве: отказом от классических норм и поисками новых средств выразительности; возникли авангардные музыкальные эксперименты и концепции: музыкальная форма как процесс, подобно дискретным и случайным величинам, происходит эпохальное движение стилей и др. Во-вторых, понимание законов относительности и квантовой теории в музыке дает иное понимание ладовых отношений — модальности, атональности, микротоновости. На основе обновленного музыкального мышления в параллельном движении с наукой появляются новые техники музыкальной композиции. В-третьих, при восприятии музыкального произведения (исполнении, изучении, слушании) смещается направленность внимания с объекта на субъект-объектные отношения. После утверждения темперированного строя, т. е. октавного звукоряда из 12 равных полутонов, результатом чего явилось практическое освоение системы мажорных и минорных тональностей, казалось, что на практике устоялось представление о полутоне как кратчайшем расстоянии между двумя музыкальными звуками в классической музыке. Однако в начале XX века в европейской музыке идут микротоновые эксперименты. Микротоны, как вибрирующие узкие звуковые интервалы, были характерны для восточных музыкальных культур и свойственны

фольклорным звукорядам, когда в пении человек следовал природной данности.

Во второй половине XX века музыкальная микротоника осваивалась с помощью электронной и компьютерной техники. Так, в 1974 г. был построен орган с 72-ступеневой темперацией, а в 1984 г. — «Mutabor», автоматически меняющий программы. «Микроступенность, — писали Ф.Р. Херф и Р. Мэдель, — есть веление времени. С ее помощью мы можем отображать особенности всех развитых культур, ассимилировать их и подойти к созданию “всемирной музыки” [5, с. 95]. В конце XX века изменчивость музыкальной науки стала «новацией, которая и на рубеже тысячелетий остается крепким орешком как для слушательского восприятия, так и для научного объяснения» [6, с. 75].

Однако еще почти за сто лет до этого в технике музыкальной композиции ощущалось приближение Новой музыки, движение к микротонности, к серийности. Она осваивалась в разных моделях: Н. Рославец, Н. Обухов, А. Лурье, Е. Гольшев, додекафония «Нововенской школы» А. Шенберга, А. Веберна, А. Берга. Музыка (звуковое пространство) одновременно с наукой углубляется в микромиры. Первым отечественным композитором, применившим микрохроматику, был И. Вышнеградский, в 1923 г. в Берлине вышла его статья «Освобождение звука». Известен опыт в 1924 г. американца Ч. Айвза. Однако еще ранее М.П. Мусоргский явился предвестником стилистики будущего в композиции, используя принцип децентрализации, т. е. помимо главного тона, появляются производные тоники со смещением центра ладотональности. Действие принципа децентрализации в области формообразования приводит к взаимопоглощению компонентов «темы-развития». Одновременно в музыке Р. Вагнера, А.Н. Скрябина, Г. Малера, Р. Штрауса нарастает энергия и информационная емкость, и «звуковое вещество» получает большую концентрацию. В новой технике композиции XX века пуантилизм создает звуковую форму, где нет ясного начала и конца: звуки неожиданно возникают разбросанно по всему регистру, то паузы возбуждают состояние непредсказуемости. Это путь в постнеклассический период пространственной музыки, к стереофонии звучания.

Возвращаясь к концепциям естественников, заметим: остаются не решенными естественными науками проблемы механизмов возникновения жизни на Земле, причины единства информационного кода, возникновения разума и другое. В генеральной линии эволюции наше сознание, как идеальная реальность неизвестной природы, имеет «информативную природу как форма реализации материальной потенции» [7, с. 91]. Это приводит к мысли, что отражение мира нами видится таким, каким мы его можем видеть, обладая данным нам сознанием.

Постнеклассическая наука со второй половины XX века опирается на универсальный эволюционизм, когда начинает господствовать нелинейный принцип. Нелинейность породила синергетику, междисциплинарные исследования. Процессы самоорганизации открытых систем высокого уровня сложности, где связи между элементами имеют не жесткий, а вероятностный характер. Способностью самоорганизации могут обладать объекты различной природы — от физической до социальной и музыкальной. Музыкальное сознание оперирует разными пластами звукового потока в пространстве. В таком случае новые

музыкально-звуковые конструкции способны влиять на социально-культурные процессы. К развитию музыкального искусства применим системно-синергетический подход, поскольку музыкальная культура есть самодостаточная целостная система.

При рассмотрении «картины мира» с точки зрения концепций современного естествознания мы обратили внимание на следующие моменты:

- 1) определение сознания как выполняющего энергетико-информационную функцию;
- 2) нелинейность и предсказание развития в пределах «видимости» (моменты флуктуации и бифуркации);
- 3) существование некоего принципа, «кода» в генеральном эволюционном движении.

Вселенная едина в силу своей универсальной имманентности и множественности. Эмпирическая наука довольствовалась самодостаточностью материи и вытравливала из научных представлений о мире всякую духовность. В постнеклассический период научного знания было замечено, что от наблюдателя зависит природа объекта. Исследование микро- и макромиров оперировало уже не с действительностью, а с ее возможностью и потенцией. Ученые имели дело с математическими структурами, находящимися где-то посередине между бытием и небытием. Физика вторглась в новую реальность с безукоризненной логикой математических абстракций с их неоднозначностью и непредсказуемостью. Совершен переход к анализу информационной структуры, позволяющей предсказать событие лишь с определенной вероятностью [8, с. 94].

Аналогичный процесс произошел и в музыке: серийная техника сочинения, сериальный структурализм, техническая, электронная музыка объяснимы с точки зрения нового взгляда на «гармонию мира». Складывается впечатление, что наука и искусство, музыка развиваются в системно-синергетической связи как одно целое. Музыка как субстанция и за рамками искусства содержит в себе принцип «гармонии мира». Структуры музыкальных композиций сообразны законам Вселенной. Музыка больше, чем искусство, она образ мира, самодостаточная субстанция, взаимодействующая с человеком [4].

Список литературы

1. Перцев А.В. Изменчивость бытия истории философии / Философия истории философии: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 123–145.
2. Докучаев В.И., Ерошенко Ю.Н. О едином происхождении нейтральных звезд и сверхмассивных черных дыр // Журнал экспериментальной и теоретической физики. Т. 121. № 1, 2002. [дата обращения 25.07.23]. Доступно по ссылке: <http://www.jetp.ras.ru/cgi-bin/r/index/r/121/1?a=list>
3. Миронов В.В. «Жизненный мир» как характеристика философского восприятия бытия у Ю. Хабермаса / Философия истории философии: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 275–283.
4. Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект. Оренбург: ОГУ, 2006. 579 с.
5. Maedel R., Richter Herf Fr. Ekmelische Musik // Schriften der Hochschule "Mozarteum" Salzburg. Heft 4. Munchen: Salzburg, 1977. С. 95. (In Ger.)
6. Холопов Ю.Н. Техники композиции Николая Рославца и Николая Обухова в их отношении к развитию двенадцатитоновой музыки // Научные труды Московской

- государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Музыка XX века. 1999. № 25. С. 75–93.
7. Силин А.А. Философия и физика в картине мира // Философские науки. 1997. № 3–4. С. 91–94.
  8. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. Москва: Наука, 1989. 400 с.

References

1. Pertsev AV. *Izmenchivost' bytiya istorii filosofii*. In: *Filosofiya istorii filosofii: sbornik nauchnykh statei*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt Peterburgskogo universiteta; 2020. P. 123–145. (In Russ.)
2. Dokuchaev VI, Eroshenko YuN. O edinom proiskhozhdenii neutralnykh zvezd i sverkhmasivnykh chernykh dyr. *Zhurnal eksperimental'noi i teoreticheskoi fizik*. 121(1):2002. (In Russ.) [cited 2023 Jul 25]. Available from: <http://www.jetp.ras.ru/cgi-bin/r/index/r/121/1?a=list>
3. Mironov VV. «Zhiznennyi mir» kak kharakteristika filosofskogo vospriyatiya bytiya u Yu. Kha-bermasa. In: *Filosofiya istorii filosofii: sbornik nauchnykh statei*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sank-Peterburgskogo universiteta; 2020. P. 275–283.
4. Kolomiets GG. *Tsennost' muzyki: filosofskii aspekt*. Orenburg: OGU; 2006. (In Russ.)
5. Maedel R, Richter Herf Fr. *Ekmelische Musik*. In: *Schriften der Hochschule "Mozarteum" Salzburg*. Heft 4. Munchen: Salzburg; 1977. (In Ger.)
6. Kholopov YuN. *Tekhniki kompozitsii Nikolaya Roslavtza i Nikolaya Obukhova v ikh ot-noshenii k razvitiyu dvenadtsatitonovoi muzyki*. *Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. P.I. Chaikovskogo. Muzyka XX veka*. 1999;(25):75–93. (In Russ.)
7. Silin AA. *Filosofiya i fizika v kartine mira*. *Filosofskie nauki*. 1997;(3–4):91–94. (In Russ.)
8. Geizenberg V. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe*. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.)

Информация об авторе

Галина Григорьевна Коломиец — доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия; eLibrary SPIN: 4959-2442.
E-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Information about the author

Galina G. Kolomiets — Doctor of Philosophy, Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia; eLibrary SPIN: 4959-2442. **E-mail:** kolomietsgg@yandex.ru

Культурный и технический прогресс в социогенетической перспективе

В.В. Чешев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Поступила в редакцию: 17.08.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Чешев В.В. Культурный и технический прогресс в социогенетической перспективе // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.14>

Аннотация. Рассматривается соотношение культурного и технического прогресса как проявление предметно-деятельного и поведенческого начал в социогенезе. Оба фактора социогенетического процесса обладают относительной автономией, соединяясь в системной организации общества. Указывается на актуальность обращения к сущности культурного прогресса, который проявляется в социогенезе как выработка видовых общечеловеческих принципов поведения, предстающих как универсальные основания морали.

Ключевые слова: предметная деятельность; поведение; социогенез; мораль; техносфера.

Cultural and technical progress in a sociogenetic perspective

V.V. Cheshev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Original article submitted: 17.08.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Cheshev V.V. Cultural and technical progress in a sociogenetic perspective. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):97–102. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.14>

Abstract. The correlation of cultural and technical progress is considered as a manifestation of subject-active and behavioral principles in sociogenesis. Both factors of the sociogenetic process have relative autonomy, uniting in the systemic organization of society. The relevance of addressing the essence of cultural progress, which manifests itself in sociogenesis as the development of specific universal principles of behavior, appearing as the universal foundations of morality, is pointed out.

Keywords: objective activity; behavior; sociogenesis; morality; technosphere.

Появление философии техники в конце XIX в. было обусловлено высокими темпами технологического развития, характерными для промышленной эпохи. В это время начинает созревать масштабное воздействие техники не только на образ жизни индивида, но на все стороны жизни общества, на исторический процесс в целом, и совершаются первые шаги к осмыслению техники как сущностного фактора человеческой истории. Какие бы формы ни принимало обсуждение вновь поставленных вопросов, центральной проблемой всегда оставался вопрос о сущности техники, причем в любом из вариантов

обсуждения в центре внимания оказывался тот или иной ракурс взаимоотношения техники и человека.

В предпромышленной стадии развития обращение к развитию техники могло ограничиваться внутренними вопросами производственной деятельности человека, которая виделась как изобретение новых технологий и средств их реализации, облегчающих труд и создающих более надежные и удобные условия жизни. На этом основании складывалось позитивное, окрашенное оптимизмом отношение общества к техническому прогрессу. Современная постиндустриальная техносфера, достижения которой опираются на развитие микроэлектроники и цифровых технологий, заставляет сознавать многие негативные следствия их воздействия на телесно-биологическую и психическую природу человека. Вопрос о природе техники и ее роли в историческом процессе принимает все более острое и фундаментальное значение для настоящего и будущего человечества. Масштабы возможного преобразования человека и человечества выходят за границы частных конкретно-исторических задач и обретают значение социогенетического фактора, требующего радикального изменения траектории исторического процесса. В этой связи необходимо осознание движущих сил и траекторий развития человека как в глобальном масштабе, так и в масштабах ближайшего космоса, освоение которого уже влияет на разумную жизнь на Земле. Вопрос о соотношении технологического и культурного развития оказывается центральной проблемой такого рассмотрения.

Основная особенность социогенетического процесса заключается в его культурно-биологическом характере. Его динамика представляет собой некую конвергенцию биологической и культурной жизнедеятельности биологических сообществ, в данном случае — сообществ гоминид. Началом социально-культурной эволюции человека можно считать становление предметной деятельности. Здесь речь идет не об отдельных манипулятивных актах гоминидных особей, но об освоении гоминидными сообществами деятельности как эволюционно новой и системно организованной формы активности. Она стала основным способом взаимоотношения человека и природы, определяющим средства и возможности для обеспечения материальных условий его существования. Этим обстоятельством определяется решение вопроса о сущности техники, поставленного в философии техники с первых шагов ее развития. Техника и технический прогресс представляют собой развитие деятельного начала в истории человечества, т. е. развитие средств предметной деятельности и ее материальных продуктов, породивших естественно-искусственную среду обитания человека, называемую сегодня техносферой.

Предметная деятельность человека породила все многообразие техносферы. Однако предметная активность сама по себе не исчерпывает содержание жизни человеческих сообществ. Более того, мотивации к жизни и ее различные исторические формы не могут быть выведены из факта деятельности. Жизнь, ее мотивации и ее смысловое наполнение находят непосредственное проявление в другой форме активности, называемой поведением. Понятие «поведение» является необходимым инструментом при изучении жизни животных, включая поведение биологических предков человека. Проникновение деятельного начала в жизнь биологических сообществ потребовало синтеза предметно-деятельной и поведенческой активности в сообществах гоминид.

Эта фундаментальная трансформация предстает как становление символического поведения, адекватного новым формам социальной организации. Такое поведение направляется средствами культурной символики. Синтезом предметно-деятельной и эволюционирующей поведенческой активности определено содержание социогенетического процесса на первых стадиях его становления. Реально названный синтез осуществлялся через преобразование жизни сообществ, их внутренней организации и психическое развитие, обеспечившее усвоение культурных смыслов. Этот процесс, совершающийся в конкретных природно-географических и иных обстоятельствах жизни определял многообразие ее социальных форм. При всех конкретных исторических, географических и иных различиях социальные структуры прошлого и настоящего представляют собой синтез культурного и предметно-деятельного начал, являющихся достаточно автономными, хотя и взаимодействующими детерминантами общественных процессов. Еще раз отметим, что в социогенетическом процессе совершается системная интеграция деятельных и культурных инноваций, которые взаимодействуют между собой не напрямую, но через организацию общественной жизни, через образ жизни и отношения индивидов и социальных групп. В культуре, понимаемой как средство программирования поведения людей, вырабатываются основные ценности, основные мотивации жизни. Они закрепляются социальными отношениями, складывающимися в конкретных исторических условиях, создаваемых деятельно-технологическим развитием. Становится понятным, что в рамках одного и того же уровня технологического развития обществ в них могут существовать разные, нередко противоположные ценностные установки, требующие разного типа социальных отношений. В частности, переход к промышленной стадии развития совершался в разных странах по-разному в силу доминирования разных культурно-ценностных мотиваций. В Европе он совершился при доминировании мотиваций личного успеха в приобретении материальных благ, в то время как в России (в СССР) при доминировании установки на общественно полезный результат.

В контексте сказанного можно обсуждать вопросы, возникшие на современной стадии технологического развития. Отметим, с одной стороны, что технический прогресс отражает деятельную природу человека, и в нем возникают свои ступени развития, не зависящие напрямую от ценностных установок общества. С другой стороны, сам по себе он не определяет смысловые ценности, но ими определяется его использование. Современное постиндустриальное развитие наиболее очевидно явлено через интенсивное развитие и столь же интенсивное внедрение средств микроэлектроники и цифровых технологий в индивидуальную и общественную жизнь. Появление этих средств стало следствием внутреннего движения машинной техники при переходе к созданию сложных систем, породивших необходимые средства управления ими. Широкое внедрение создаваемых инструментов в общественную жизнь, в общественные и индивидуальные коммуникации и т. п. есть результат определенным образом мотивируемых социальных действий, порождающих изменения в образе жизни. Масштабы этих изменений указывают на то, что развитие человеческой жизни на планете, иначе говоря социогенетический процесс, вошло в опасную фазу, когда мотивации, слабо соотносимые

с осознанием перспектив этого процесса, могут инициировать опасные для общества поведенческие программы, осуществляемые при массовом применении соответствующих технологий. Разрушительность таких действий зависит от масштаба технологических средств, которыми обладают те или иные действующие социальные структуры. Современные технические средства помогают формировать в обществе аттракторы тех или иных поведенческих установок и придавать системную организацию поведению больших масс людей, вовлекая их в самоуничтожительные действия против тех или иных социальных реалий. Поскольку социогенез направляется культурными, а не врожденными биологическими программами, то возникает вопрос: существует ли в социогенетических программах человеческого поведения некие принципы, предотвращающие летальный исход социогенеза?

Биологический вид сохраняется путем воспроизводства особей, в поведении которых реализуются генетически наследуемые программы, соответствующие их морфологии и образу жизни. При воспроизводстве биологических видов практически не возникает противоречий между видовой программой и индивидуальным поведением (за исключением неблагоприятных мутаций), так как индивидуальная программа есть в своем содержании программа видовой. В социогенезе ситуация существенно усложняется. Вид «*Homo sapiens*», перешедший на путь социально-культурной эволюции, разделился можно сказать на множество культурных подвидов, воспроизводящих себя в соответствующих формах поведения. На ранних стадиях социогенеза внутри определенных подвидов складываются социальные механизмы, исключая отклонения в поведении индивидов, ведущие к нарушению культурно-видового воспроизводства. Однако по мере роста и развития таких сообществ, принимавших различные формы социально-видовой организации, усложняется решение проблемы гармонизации индивидуального поведения с соответствующим культурно-видовым. Поскольку различные культуры определяют особенности многообразных социальных форм существования культурно-биологического вида «человек», то проблема соотношения индивидуального и видového принимает всеобщий глобальный характер (в качестве «индивидов» в этом контексте могут выступать социальные группы и отдельные сообщества). В таком случае возникает вопрос: какие принципы социального поведения могут быть основанием видовых поведенческих программ, обеспечивающих глобальное выживание человечества?

Сохранению вида способствует поведение, обеспечивающее внутривидовое сотрудничество, исключая при этом внутривидовые конфликты неприемлемого антагонистического характера. Поскольку социогенез не завершен и вопрос о его завершении крайне проблематичен, то и смысловые и символические основания социального поведения также находятся в стадии социогенетического развития. Выработка всеобщих и универсальных поведенческих программ, обеспечивающих консолидацию и развитие человека как вида, является одной из принципиальных составляющих этого процесса. На начальной стадии это становление носит локальный характер, и человеческие принципы внутривидового сотрудничества были заключены в границы родового общества, устанавливавшего правила поддержки «своих» и запрета на летальные конфликты внутри родовых групп. В процессе развития они стали принимать

более общий и универсальный характер путем проецирования этих принципов на всех людей разных сообществ. Это означало формирование принципов человеческой (всечеловеческой) морали, представленных в мировых религиях, причем в наиболее полной и всеохватывающей форме в религии первоначального христианства. В условиях промышленного потребительского общества, потеснившего религиозное сознание, сложилось представление, что границы этических (моральных) принципов наложены исключительно на индивидуальное поведение, но не касаются принципов организации общества. Если принять такое представление, то будут потеряны критерии культурного развития (прогресса) человечества. Однако суть последнего нужно видеть не только в большем или меньшем количестве образных средств или морально высоких или, наоборот, ущербных людей, сколько в реальном воплощении моральных принципов в социальных отношениях, утверждающихся в обществе. Так ставил вопрос В.С. Соловьев в своем «Оправдании Добра». В этом контексте проблема соотношения культурного и технического прогресса принимает новое освещение. В частности, становится очевидным, что технический прогресс является лишь одной стороной социогенеза, отражающей его деятельную составляющую. Он не может быть самоцелью. Жизненные смыслы, направляющие человеческое поведение и человеческую историю, удерживаются и передаются средствами культуры, и культурно-видовые основания социальных отношений не могут рассматриваться исключительно как продукт деятельно-технологического развития. Они обладают определенной автономией и столь же фундаментальны, как и отношения, порождаемые предметно-деятельным прогрессом. В культурном социогенетическом процессе решается его центральная проблема, именно формирование оснований универсальной видовой поведенческой программы, решающей задачу синтеза индивидуально и видового в принципах социальной организации. Основания такого синтеза задаются всечеловеческой моралью, формирующейся в социогенезе как внутривидовая программа, необходимая виду «человек». Масштабное воздействие на человека современного технического прогресса требует актуализации вопроса морального прогресса в истории, т. е. способности общества выстраивать социальные отношения, соответствующие универсальным видовым началам. Проявлением такого пути можно назвать осуществление принципа общественной внутривидовой пользы, названное в свое время В.С. Соловьевым «деланием добра». На уровне психическом, на уровне чувств и переживаний оно предстает как «нравственный порядок, выражающий безусловно должное и безусловно желательное отношение каждого ко всему и всего к каждому» [1, с. 281]. Проблема заключается не столько в личном переживании этого отношения, сколько в поиске социальных форм, способствующих реализации такого мироощущения и миропонимания в социальных отношениях целого. Осознание соотношения технического (деятельного) и культурного факторов, синтезируемых в социальном целом, является основанием для оценки социогенеза на современном этапе. Разумеется, решение основной проблемы поиска и реализации названной видовой программы требует не столько нравственной проповеди, обращенной к личности, сколь поиска социальной формы, синтезирующей культурный и технический прогресс на соответствующем нравственном основании.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Оправдание Добра / Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт . Т. 1. Москва: Мысль, 1988. С. 47–580.

References

1. Solov'ev VS. Opravdanie Dobra / Solov'ev VS. Sochineniya. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1988. P. 47–580. (In Russ.)

Информация об авторе

Владислав Васильевич Чешев — доктор философских наук, профессор философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия; eLibrary SPIN: 5340-7447. **E-mail:** chwld@rambler.ru

---

Information about the author

Vladislav V. Cheshev — Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Philosophy of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; eLibrary SPIN: 5340-7447. **E-mail:** chwld@rambler.ru

Ценности домостроевской культурной традиции

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 24.07.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Ценности домостроевской культурной традиции // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.15>

Аннотация. В статье дана аксиологическая характеристика домостроевской культурной традиции как одной из магистральных традиций, определяющих цивилизационное развитие России. Основными ценностями данной традиции являются уживчивость, добропорядочное партнерство, осмотрительность, домовитость, чистая совесть.

Ключевые слова: Россия; цивилизация; традиция; ценности; «Домострой».

Values of the Domostroeovsky cultural tradition

E.A. Tyugashev

Federal state autonomous educational institution of higher education «Novosibirsk National Research State University», Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 24.07.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Tyugashev E.A. Values of the Domostroeovsky cultural tradition. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):103–111. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.15>

Abstract. The article presents a toxicological characteristic of the Domostroeovsky cultural tradition as one of the main traditions that determine the civilizational development of Russia. The main values of this tradition are livability, good partnership, prudence, domesticity, a clear conscience.

Keywords: Russia; civilization; tradition; values; «Domostroy».

Существование многовековой домостроевской традиции («домостроевщины») стало фиксироваться во второй половине XIX века, с публикации текста «Домостроя» и пьес А.Н. Островского. Эта традиция воспринималась как передающая отрицательные ценности патриархальщины, самодурства, скопидомства, угодливости. Вместе с тем тогда же отмечалась объективная значимость домостроевской традиции для русской культуры.

Например, Н.В. Шелгунов сравнивал священника Сильвестра, предполагаемого автора «Домостроя», с Конфуцием [12, с. 254]. Он также утверждал, что «Домострой», как «кодекс всей накопившейся в народе нравственной

и практической мудрости» [12, с. 254], передавался из поколения в поколение на память и имел руководящее значение во всех слоях российского общества. Важен и тот факт, что «Домострой» возник в развитие различных литературных жанров древности и средневековья, в частности жанра поучений отца сыну. Поэтому домостроевская традиция, несомненно, передавала и положительные ценности.

Мнение о деструктивности «Домостроя» встречается и сегодня. Но в связи с неоднократными переизданиями «Домостроя» и распространившимся его положительным восприятием приписывание «Домострою» только отрицательных ценностей все чаще оценивается как искажение его содержания. Так, о публицистике XIX века М.И. Стрельцова пишет: «Используя созданный негативный образ “домостроя” в общественно-политической борьбе как эзопов язык, она меньше всего заботилась о близости этого образа к тексту самого памятника, содержание которого было изрядно подзабыто» [9, с. 65]. В.В. Колесов отмечал, что «Домострой» «сегодня неожиданно предстает как эталон трудолюбия, честности... чистоты» [6, с. 24].

Между тем предпринимаемые попытки выделения в «Домострое» положительных ценностей, которые могли бы передаваться в домостроевской культурной традиции, пока не выглядят убедительными. Например, Е.С. Андреева к традиционным ценностям «Домостроя» отнесла дом, семью, православие, трудолюбие, духовность, нравственность [1]. Подобную практику выделения домостроевских ценностей справедливо называют воспроизведением субъективно отобранных «общих мест» [3, с. 99]. Впрочем, автор этой оценки, поставив задачу реконструкции системы ценностей «Домостроя», вообще не назвал ни одной ценности, сосредоточив свое внимание на риторической структуре аргументации [3, с. 100].

Чтобы выделение ценностей «Домостроя» не казалось воспроизведением общих мест, представляется необходимым сначала оттолкнуться от его негативных оценок. Усматриваемые в «Домострое» отрицательные ценности, по крайней мере, не выглядят «общими местами», а, следовательно, могут стать указателями неверно воспринятых положительных ценностей. Примерным образцом для реконструкции ценностей домостроевской культурной традиции могут послужить конфуцианские «пять постоянств» [10].

Не угодливость, а уживчивость

Один из первых исследователей «Домостроя» И.О. Некрасов приводил мнение И.И. Срезневского о том, что литературный памятник содержит не только высшие побуждения, но и допускает угодливость. Безотносительно к закону правды, по мнению И.И. Срезневского, многие наставления «направлены именно к тому, чтобы научить, как ужиться с разными людьми в жизни, и при этом по возможности сохранять правду, не ссорясь, однако же, с неправедными людьми и не портя своих добрых к ним отношений, не вредя своим интересам» [8, с. 10].

Как угодливость воспринимаются советы «любую еду и питье — похвалить и с благодарностью есть» [4, с. 152], «ни одному созданию божью не будь лиходеем ... всякую скорбь и тягость благодарно претерпи» [4, с. 140]. «Даже если в чем не повинен, и не справедлива молва и брань или насмешка какая, или

укоризна, или удары, — все равно я во всем повинился, не оправдываясь перед людьми, и праведным своим милосердием бог восстановит правду», — писал автор [4, с. 265]. Он рекомендовал всякую обиду в себе претерпеть и уклоняться от брани, и скорее своих побранить и ударить (хотя бы они и правы) — «тем брань успокоишь, да к тому же убытка и вражды не будет» [4, с. 266–267]. И предусмотрительно: «Да еще вот недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба» [4, с. 267].

На мой взгляд, это не угодливость (т. е. чрезмерная корыстная услужливость). В.С. Бочко называет данные советы правилами хорошего тона [2, с. 115]. Благодаря следованию этим правилам, как утверждал Сильвестр, удавалось в делах обойтись без суда и приставов: «все, что было, улажено хлебом да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпением своим» [4, с. 267]. На мой взгляд, это действительно уживчивость, т. е. умение ладить с окружающими, жить в согласии, мире и дружбе. «Хлеб-соль — взаимное дело, да и подарки также, а дружба навек, да и слава добрая», — говорится в «Домострое» [4, с. 266].

В «Домострое» одобряется богоугодное («стремись все дела свои и привычки, и нравы исполнять, как угодно то Богу» [4, с. 139]) и осуждается жизнь, угождающая бесам и дьяволу (обжорство, пьянство, распутство, сквернословие, чародейство, кощунство, воровство, наглость, увлечение охотой и шахматами и пр.) [4, с. 142–143]. Угождение или неугождение кому-либо или чему-либо (например, в случае чревоугодия) рассматривается как некоторое объективное соответствие, которое далеко не всегда достигается субъективными целенаправленными устремлениями. Но благое угождение одобряется. Автор считает, что жене следует угождать мужу [4, с. 139], детям следует угождать родителям «во всяком добром замысле» [4, с. 160]. А сам автор пишет о себе: «...Всякому в нужном угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, порочащим словом не осуждая никого, не насмехался, не укорял никого, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы Бога ради терпели и винули себя, и потому становились враги друзьями» [4, с. 265]. Очевидно, что это не угодливость, а благоугодие (и — не угодие бесовское).

Не патриархальность, а добропорядочное партнерство

В связи с мотивом *дружбы навек* привлекает внимание замечание В.С. Бочко о том, что в «Домострое» описаны «не патриархальные отношения, как долгое время утверждалось в научной и публицистической литературе, а обычаи и традиции, складывавшиеся в связи с формированием в России новых социально-экономических отношений, связанных с развитием городов и зарождением внутреннего рынка, т. е. с переходом от деревенского образа жизни к, в определенной степени, урбанистическому, хотя и с сельскими элементами, от натурального хозяйства к товарно-денежному» [2, с. 110–111].

Известно, что в книге описана организация жизни городского домохозяйства с обширным двором. Деревеньки, если и имеются, то находятся на дальней периферии домохозяйства. Основными субъектами внешних отношений являются священники и монахи, купцы и торговцы, иноземцы и приезжие гости, соседи и знакомые, волхвы и странники, нищие, а из местных институтов — рынок, лавки, церкви и монастыри, больницы, суды, темницы.

При таком разнообразии контрагентов сугубо патриархальные взаимоотношения невозможны.

По мнению В.С. Бочко, экономические отношения в целом рассматриваются «как система добропорядочного партнерства, которое не только служит взаимной выгоде, но и формирует доверие между людьми, снимает возможную социальную напряженность» [2, с. 113]. По «Домострою», Богу угоден такой человек, которому «всякий во всем ему верит» [4, с. 160].

Из практик партнерства можно отметить дачу наперед денег ремесленным мастерам, платежи без волокиты и просрочки, любезное обхождение — без тяжбы и брани, а с хлебом и солью — с торговыми людьми, возврат денег за непонравившийся товар. При взимании законных сборов и податей можно сделать послабление при нужде, «помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзанять, но другому по просьбе дать» [4, с. 168]. Жене в беседах с гостями или в гостях следует узнавать «добрую порядню» [4, с. 108], необычное рукоделье, «все то хорошее примечать и всему внимать, чего не знаешь и чего не умеешь, о том расспрашивать вежливо и послушно, и за науку благодарить, и, прийдя домой, обо всем рассказывать мужу перед сном» [4, с. 241].

Разумеется, патриархальные отношения нашли отражение в «Домострое»: требуется повиновение детей родителям, жены мужу, домочадцев хозяевам. Во всем следует повиноваться царю, князьям и своим властителям. «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних почитай, как братьев, немощных и скорбных любовно утешь, а младших, как чад возлюби...» — учит патриархальным нормам «Домострой» [4, с. 140].

Наряду с этим оговаривается, что священникам и монахам следует повиноваться только во всем богоугодном [4, с. 141] и необходимо осторожно подходить к выбору духовного отца, чтобы не попался потаковщик, пьяница, сребролюбец, гневливый [4, с. 141].

Жена является государыней в доме. Утром, днем и вечером муж советуется с ней о всяких делах домашних. Домостроевская патриархальность ориентирована на жизнь в мире с женами и с детьми и с домочадцами, на сохранение их в чистоте и на заботу о них «как о собственной части тела» [4, с. 160–161]. В частности, нужно всегда следить и спрашивать слуг «о всяких их скудости и недостатке, об обиде, о болезни, о всех тех нуждах, в которых можно помочь ради Бога, насколько удастся, и заботиться, насколько Бог пособит и от всей души, как о детях своих, как о близких» [4, с. 255]. При этом предполагается взаимообразность, например, в отношениях детей и родителей: «Не забывайте трудов отца-матери, ибо о вас заботились и за вас печалились, упокойте старость их и о них позаботьтесь, как и они о вас некогда» [4, с. 160–161].

Более того, у внимательного читателя возникает впечатление, что «“Домострой”, вопреки распространенному мнению, утверждает преимущественную ответственность старших перед младшими» [11, с. 127]. Эта ответственность выразилась, в частности, в том, что Сильвестр выкупал из темниц больных и пленных, должников из рабства, кормил голодных, освободил всех своих рабов. В послании сыну Сильвестр также сообщает, что они с женой смогли поднять всех вскормленников, домочадцев и иждивенцев: «...Все те, дал Бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подьячих, и во всяких чинах; кто во что уродился и в чем

кому благоволил Бог быть, — те занимаются разными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю» [4, с. 266].

Таким образом, если это и патриархальность, то весьма мягкая, допускающая и уход домочадцев из дома. Власть отца проявляется прежде всего в том, что его архе есть поддерживающее начало: «Все это начато нашим попечением, но и после нас сохранил бы тебя Бог так же жить» [4, с. 263].

Не самодурство, а осмотрительность

П.И. Мельников-Печерский называл «Домострой» сводом патриархально-самодурства, сложившегося на Руси под темным влиянием Византии и Сарая [7]. Под самодурством он понимал правление, при котором те, кто порядки держат, гнут остальных в дугу: «как медведь в лесу дуги гнет: гнут не парят, переломят — не тужат» [7]. Младшие становятся угнетаемыми, забытыми, обезличенными, безответными, страдающими и в страдании своем поучающимися самодурству, передающими его из поколения в поколение.

Но в точном смысле слова самодурство — это необузданное поведение человека, унижительное и оскорбительное для окружающих. Самодур руководствуется в отношениях к другим людям исключительно личным произволом, прихотями. Свод проявлений такого поведения действительно имеется в «Домострое», но в главе «О неправедном житии». Опровергать допущенное П.И. Мельников-Печерским искажение не имеет смысла. Большой интерес представляет модель альтернативного поведения, но выраженная не столько в нормах праведного жития, сколько в его рефлексивной регуляции, как раз не предполагаемой самодурством. «Все с рассуждением делайте, братья и сестры, а не с сердцем и злобою», — требует автор «Домостроя» [4, с. 296].

Поразительно, что «Домострой» предлагает «жить человеку, рассчитав свою жизнь» [4, с. 236]. Такое житье удобно и богоугодно, похвально среди людей и надежно [4, с. 237].

Для этого необходимо всегда все себе размерить и рассчитать, взвесить и разметить, отмечать и записывать как в масштабе всей жизни, так и в текущих делах. Исходить следует из того, что ангелы невидимо записывают дела добрые, а бесы записывают деяния, угодные сатане [4, с. 226]. И все деяния будут представлены в день Страшного Суда для воздаяния. Поэтому меру и счет требуется знать во всем.

Государю, государыне и слугам в каждом деле необходимы осмотр, приосмотр, просмотр, надзор, предусмотрительность, рассмотрение и отчет. Например, утром встав, «по всему двору у всех запоров замки оглядеть, а где есть печати — там и печать, и если все хорошо — то добро, а где плохо заперто или замок попорчен, или вовсе не замкнуто, а то и печать нарушена или худо припечатано, — тогда, в хоромину ту войдя, все просмотреть...» [4, с. 195]. Вечером нужно «езде походить и все оглядеть, и принюхаться, как бы огня не было, не уронили бы где его» [4, с. 195].

Хозяин должен быть смысленный в своей предусмотрительности [4, с. 246]. А это означает, что разные государственные подати платить нужно раньше срока, по возможности делать различные запасы, на приданое дочери откладывать с ее рождения, при кройке одежды для молодых загибать края на вырост,

быть любезным со всеми — тогда от всякого лиха сберегут и при случае не обойдут.

Таким образом, «Домострой» наставляет не в самодурстве, а в рациональном («благоразсудном») поведении — в осмотрительности (и предусмотрительности).

Не скопидомство, а домовитость

А.С. Орлов полагал, что «Домострой» возвел в теорию «“кулацкий” цинизм скопидомства» [5, с. 442]. Под скопидомством обычно понимается страсть к накоплению и чрезмерная бережливость, доходящая до скупости и скряжничества.

Бережливость действительно настоятельно рекомендуется «Домостроем». Например, следует прибирать обрезки тканей и дощечки, крошки, объедки и кухонные отбросы (на корм скоту). Все может пригодиться, чтобы не искать по надобности на рынке или не портить хороших вещей. На мой взгляд, такая бережливость чрезмерной не является. При всей бережливости практикуется избавление от лишнего: «ветхое залатать осторожно, все и согдится — нищим отдать» [4, с. 170]. Если не по силам содержать слуг, то рекомендуется не продавать их в рабство, а «отпустить на волю и чем можно их наделить — от Бога награда, а душе польза» [4, с. 169].

В.В. Колесов справедливо отмечал, что упрекать «Домострой» в скупердйстве неправомерно: бережливость противопоставлена в нем беспечности, а скупость есть проявление «неблагодушия» [4, с. 354]. «Домострой» советует давать подношения духовным наставникам, священнослужителям и монахам, милостыню — больным, заключенным и нищим; поить и кормить гостей, странников и нищих; одарять убогих, вдовиц и сирот; добрую услугу или покупку почитать хлебом да солью и питьем; бережливых и понятливых слуг жаловать едой, питьем и платьем.

Таким образом, ни в скупости, ни в скряжничестве «Домострой» не наставляет. В нем также не выражена страсть к накоплению. В текущей жизни ему достаточным представляется состояние свободы и независимости. А детям после смерти оставить «двор со всяким припасом или лавку с товаром, или деревню со всякой живностью, и никаких кабал, ни записей, ни порук, никаких повинностей, никаких податей...» [4, с. 193]. Автор озабочен жизнью вечной.

Альтернативой скопидомству представляется такая ценность, как домовитость. Государь и государыня все домашние работы должны уметь делать сами, детей и слуг этому учить. Для всякого ремесла, рукоделья и домашнего обихода всякое орудие в порядке должно быть на подворье («...и что себе ни сделал — никто ничего не слыхал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова» [4, с. 240]). В доме все должно быть всегда вычищено, выметено, вымыто, вытерто, выскоблено, починено, припасено, прибрано, припрятано под замок и опечатано: а в такой порядок («устрой») — «как в рай войти» [4, с. 244].

Домовитость не ограничивается собственным домом. Яства и питье, вещи и подарки передаются в другие дома. Сильвестр с гордостью сообщает: «...Рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил, и на

свободу пустил я, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, и молят за нас Бога и всегда нам содействуют» [4, с. 265]. Таким образом, поддерживается сеть домохозяйств.

Чистая совесть

«Домострой» ввел в общественный дискурс выражение «чистая совесть». Призывается жить с чистой совестью, с чистой совестью посещать церковь, молиться и причащаться, прикасаться к святым образам, принимать нищих.

Значение выражения «чистая совесть» в тексте не поясняется. Но оно приобрело в дальнейшей истории России знаковый характер, моделирующий поведение людей. На мой взгляд, это значение соотносимо со следующим заявлением автора «Домостроя»: «Если ж писания моего не примете, наставлению не последуете, не станете жить по нему и поступать не будете так, как здесь сказано, дадите ответ за себя сами в день Страшного Суда, а я преступлением и грехам не причастен, не моя то вина: благословлял я вас на благочинную жизнь, и размышлял, и молил, и поучал, и писал вам» [4, с. 138].

Как представляется, чистой совестью обладает человек, который порадел и сделал все от него зависящее, все, что в его силах и по его разумению — чтобы жизнь окружающих была праведной, чтобы все «были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом доме, и всегда в порядке» [4, с. 221]. Но окружающих Бог не всегда вразумит и в дело они наставления могут не претворить. Обращаясь к сыну, Сильвестр предупреждает, что если он не порадеет, «то я твоему греху не причастен, сам о себе и о домочадцах своих и о жене дашь ответ в день Страшного Суда» [4, с. 267].

Как мы видим, Сильвестр осознает ограниченность сил человека, признает возможность иной позиции со стороны Бога и окружающих, автономию их воли, но снимает с себя вину за их действия. Необходимо сделать все, что можешь, и принять Суд Божий (и людской).

Подводя итоги изложенному, можно сделать прежде всего вывод о том, что «Домострой» действительно манифестирует ценности, которые альтернативны тем «антиценностям», которые ему обычно приписывают. На фоне выделенных антитез особняком находится ценность чистой совести: проблематичны и ее идентификация как ценности, и предложенная нами экспликация ее содержания. Одним из аргументов в пользу выделения чистой совести как ценности является ее сходство с такой конфуцианской ценностью, как искренность. Отметим также, что уживчивость во многом соответствует конфуцианской человечности (в модальности миролюбия). Таким образом, наблюдается социокультурная эквивалентность ценностей разных магистральных традиций.

Список литературы

1. Андреева Е.С. Традиционные ценности в «Домострое»: история и современность // Теология: история, проблемы, перспективы. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 130–135.
2. Бочко В.С. «Домострой» – экономический документ эпохи зарождения первоначального накопления капитала в России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. №1(13). С. 110–123.
3. Глебкин В. От христианина к дворянину. Системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. 2013. № 4. С. 96–113.

4. Домострой. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 400 с.
5. История русской литературы: в 10 т. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220–1580-х гг. / под ред. Орлова А.С., Адрианова-Перетц В.П., Гудзий Н.К. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1945. 532 с.
6. Колесов В.В. Домострой без домостроевщины // Домострой. Москва: Советская Россия, 1990. С. 5–24.
7. Мельников-Печерский П.И. «Гроза». Драма в пяти действиях А.Н. Островского («Библиотека для чтения». 1860 г. № 1) // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике: сборник статей. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. 336 с.
8. Некрасов И.О. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. Москва: Университетская типография (Катков и Ко), 1873. 190 с.
9. Стрельцова М.И. Из истории слова домострой в контексте русской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 9: Филология. С. 62–68.
10. Тюгашев Е.А. Конфуцианская и кирилло-мефодиевская традиции: сравнительный аксиологический анализ // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 173–176.
11. Фомин А.Ю. Смысл названия драмы А.Н. Островского «Гроза»: проблема власти и ее художественное решение // Национальный стиль русской литературной классики. Москва: Московский городской педагогический университет, 2021. С. 125–132.
12. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1895. 562 с.

References

1. Andreeva ES. Traditsionnye tsennosti v «Domostroe»: istoriya i sovremennost' // Teologiya: istoriya, problemy, perspektivy. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo; 2018. P. 130–135. (In Russ.)
2. Bochko VS. «Domostroi» – ekonomicheskii dokument epokhi zarozhdeniya pervonachalnogo nakopleniya kapitala v Rossii. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2006;(1(13)):110–123. (In Russ.)
3. Glebkin V. Ot khristianina k dvoryaninu. Sistemy bazovykh tsennostei «Domostroya» i «Yunosti chestnogo zertsala». *Rossiya XXI*. 2013;(4):96–113. (In Russ.)
4. Domostroi. Saint Petersburg: Nauka; 2007. (In Russ.)
5. Istoriya russkoi literatury: v 10 t. Vol. 2. Pt. 1. Literatura 1220–1580-kh gg. Ed. by Orlov A.S., Adrianov-Peretts V.P., Gudzii N.K. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR; 1945. (In Russ.)
6. Kolesov VV. Domostroi bez domostroevshchiny // Domostroi. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1990. P. 5–24. (In Russ.)
7. Mel'nikov-Pecherskii PI. «Groza». Drama v pyati deistviyakh A.N. Ostrovskogo («Biblioteka dlya chteniya». 1860 g. № 1). In: Drama A.N. Ostrovskogo «Groza» v russkoi kritike: sbornik statei. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1990. (In Russ.)
8. Nekrasov IO. Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya o proiskhozhdenii drevnerusskogo Domostroya. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko); 1873. (In Russ.)
9. Strel'tsova MI. Iz istorii slova domostroi v kontekste russkoi kul'tury. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2011;10(9):62–68. (In Russ.)
10. Tyugashev EA. Konfutsianskaya i kirillo-mefodievsкая traditsii: sravnitel'nyi aksiologicheskii analiz. In: Istoriko-kul'turnoe nasledie Rossii i Kitaya: voprosy izucheniya, sokhraneniya i razvitiya. Krasnodar: Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury; 2021. P. 173–176. (In Russ.)

11. Fomin AYu. Smysl nazvaniya dramy A.N. Ostrovskogo «Groza»: problema vlasti i ee khudozhestvennoe reshenie. In: Natsional'nyi stil' russkoi literaturnoi klassiki. Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet; 2021. P. 125–132. (In Russ.)
12. Shelgunov NV. Ocherki russkoi zhizni. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi; 1895. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

---

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

ГЕТМАНОВ Иван Петрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет». *E-mail:* igetmanov@mail.ru

ЕЛХОВА Оксана Игоревна — доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». *E-mail:* oxana-elkhova@yandex.ru

ЗУБКОВСКАЯ Анастасия Александровна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва. *E-mail:* zubkovskaya@inion.ru

КАЗАРЯН Валентина Павловна — доктор философских наук, профессор, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* kazaryanvp@mail.ru

КОЗЫРЬКОВ Владимир Павлович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». *E-mail:* kozir3@yandex.ru

КОЛОМИЕЦ Галина Григорьевна — доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». *E-mail:* kolomietsgg@yandex.ru

КОСИЧЕНКО Анатолий Григорьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. *E-mail:* anatkosichenko@mail.ru

КУДРЯШЕВ Александр Федорович — профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». *E-mail:* philozof@mail.ru

ЛЕМЕШОВА Татьяна Владимировна — кандидат политических наук, заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск. *E-mail:* apriori3030@yandex.ru

ЛОЙКО Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета. *E-mail:* alexander.loiko@tut.by

МОЖЕЙКО Марина Александровна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии университетского